

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Д.В. Ефременко, В.Г. Николаев

**МЫСЛИТЕЛИ ГОРОДА ВЕТРОВ.
ПРАГМАТИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА
В ЧИКАГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Монография

**МОСКВА
2024**

УДК 30
ББК 60
Е 92

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Рецензенты:

Коргунюк Ю.Г., д-р полит. наук, заведующий отделом
политической науки ИНИОН РАН

Симонова О.А., канд. социол. наук, доцент факультета
социальных наук Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

Ефременко Д.В., Николаев В.Г.

Е 92

Мыслители города ветров. Прагматистская социальная
наука в Чикаго в первой половине XX века :
монография / Д.В. Ефременко, В.Г. Николаев ; ИНИОН
РАН ; под общ. ред. Н.Е. Покровского. – Москва, 2024. –
298 с.

ISBN 978-5-248-01088-2

20–30-е годы XX века в Чикагском университете ознаменовались
стремительным взлетом социальных наук и формированием научных
школ. Общей теоретической рамкой социальных исследований стал
прагматизм, лидер которого Дж. Дьюи внес большой вклад в развитие
научных и образовательных программ Чикагского университета.
Монография посвящена анализу становления социологической и
политологической школ, рассмотрению интеллектуального наследия
и биографий их ключевых фигур – Дж.Г. Мида, Р.Э. Парка, Г. Блумера,
Ч. Мерриами, Г. Лассуэлла и др.

Для социологов, политологов, всех интересующихся историей
социальных наук.

УДК 30
ББК 60

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Пролог: дух времени и гений места	8

Часть I. Чикагская pragmatistская социология: изучение общества в действии

Глава 1. Золотой век чикагской социологии	57
Глава 2. Социальность в pragmatistской философии Джорджа Герберта Мида.....	73
Глава 3. Редкий дар понимать людей: Роберт Парк и Чикагская школа социологии	88
Глава 4. Луис Вирт и его вклад в социологию	112
Глава 5. Экологический аспект в социологии Эверетта Хьюза	132
Глава 6. Герберт Блумер: скромное обаяние символического интеракционизма	158
Глава 7. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции.....	181
Глава 8. Уильям Огборн: создание и развитие концепции культурного лага	199

Часть II.
Чикагская революция в политической науке

Глава 9. В поисках «новой науки о политике» (Чарльз Мерриам)	217
Глава 10. Макиавелли XX века на берегах озера Мичиган (Гарольд Лассуэлл)	235
Глава 11. Гарольд Госнелл и его вклад в расширение методического инструментария политической науки.....	259
Глава 12. Леонард Уайт и исследования государственного управления.....	271
Вместо эпилога: сады расходящихся тропок	282
Н.Е. Покровский. Послесловие редактора.....	295

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этой книги родился из нашей многолетней совместной и индивидуальной работы по популяризации и осмыслиению наследия двух ярких социально-научных школ: Чикагской школы социологии и Чикагской школы политической науки. Обе имеют классический статус в соответствующих науках и до сих пор вызывают живой интерес. Помимо нескольких сборников переводов, знакомящих читателей как с этими школами в целом, так и с наиболее значимыми их представителями, за прошедшие годы нами были подготовлены и опубликованы многочисленные статьи, содержащие осмысливание своеобразия этих школ, их внутренней связности, интеллектуального и исторического контекста, исследований, теории и метода, а также индивидуальных вкладов, внесенных отдельными учеными и исследователями в эти захватывающие научные движения. В какой-то момент мы поняли, что в совокупности этих публикаций, разбросанных по разным изданиям, складывается достаточно объемная и разноплановая панорамная картина, заслуживающая того, чтобы быть собранной под одной обложкой. Из этого понимания и выросла эта монография.

Основанием для объединенного рассмотрения двух названных школ было то, что при всей их раздельности и различиях в концептуальных схемах, тематике исследований и применяемых в них методах и процедурах они были тесно друг с другом связаны. Обе школы сформировались в общем контексте прагматизма и несут на себе отпечаток этого философского движения: подчеркнуто дистанцируются от формализма и идеалистических крайностей философской эпистемологии и метафизики, придерживаются эмпиристской установки и ориентированы на содержательное исследование реальности, предполагают гибкость в пользовании понятийными средствами и простор в выборе методов и процедур исследования предмета, трактуют науки о человеке (в том числе социальные) как науки поведенческие.

Представители обеих школ были напрямую связаны сотрудничеством в крупных исследовательских проектах, совместной работой в разного рода комиссиях, профессиональными и личными связями (Г.Ф. Госнелл учился у Р.Э. Парка, Г.Д. Лассуэлл с конца 1920-х годов входил в круг близких друзей Парка). Лассуэлл, самый известный из представителей Чикагской школы политической науки, является классиком социологии в такой же мере, как и классиком политологии. В контексте эмпирического изучения города (прежде всего на примере Чикаго) и общества чикагские социологические и политические исследования дополняли друг друга, внося свои специальные вклады в создание общей их картины – картины процессуальной, сфокусированной на меняющейся современности, ее тенденциях и перспективах будущего.

В Чикагском университете в первые десятилетия XX в. междисциплинарные связи существовали не только между социологией и политической наукой. В этот клубок связей были вовлечены в такой же мере философия, экономика, психология, антропология и т.д. В этой книге у нас нет задачи освещения важных чикагских достижений в этих областях. Мы ограничиваемся социологией и политической наукой. Вместе с тем мы включили в круг нашего рассмотрения две особенно важные пограничные фигуры: из философов – Дж.Г. Мида, без которого чикагская социологическая традиция не может быть адекватно и полно представлена; из антропологов – Р. Редфилда, исследования которого вписываются во многом в чикагскую социологическую программу.

Руководствуясь целью представить в книге то панорамное видение двух школ, о котором было сказано, мы с самого начала отказались от идеи превратить ее в каталог или своего рода словарь. Поэтому в ней нет глав о целом ряде фигур – У.А. Томасе, Э. Фэрисе, Э.У. Бёрджессе, Р.Д. Маккензи, Н. Андерсоне, Х.У. Зорбо, К. Шоу (если взять, например, социологов), Дж. Дьюи, Р. Энджелле, Т. Веблене, Л.Л. Терстоуне и др. (если добавить еще пограничные фигуры), – которые вполне могли бы в ней появиться, будь это другая книга с другими задачами. Соответственно, в настоящей монографии, как и в любой другой, есть свои ограничения.

Основное ядро этой монографии составляют несколько статей, отобранных из ранее написанных¹. Подвергшись некоторой

---

¹ Это следующие статьи: Ефременко Д.В. Столетие манифеста научной политологии Чарльза Мерриами // Полития. – 2021. – № 1(100). – С. 170–182; Ефременко Д.В., Богомолов И.К. Анатомия пропаганды, или «Война идей по поводу идей». Вступительная

переработке, в каких-то случаях меньшей, в других большей (включая сокращения, исправления, добавления, обновление библиографических примечаний), они были превращены в главы. Некоторые главы (о Дж.Г. Миде, Р.Э. Парке, Г. Блумере, разделы «Пролог» и «Вместо эпилога») написаны заново.

Представляя две чикагские социально-научные традиции, мы не пытаемся внести в них больше систематичности, чем в них было. Построенные на pragmatistской основе, обе они тщательно избегали догматизма и формализма в теории и методе; обе во многом держатся на оригинальных творческих разработках отдельных ученых, ограниченных лишь рядом принципиальных соображений в отношении природы изучаемого предмета и адекватных этому предмету процедур научного познания. Истолковывая исследуемую социальную реальность как подвижное организованное разнообразие, они и сами себя строили как подвижное организованное разнообразие. В этом же духе выдержаны и эта книга.

статья // Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-информ. исследований, Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2021. – С. 4–43; Ефременко Д.В. Уильям Огборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // Философия науки и техники. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 58–71; Ефременко Д.В. Леонард Уайт и его вклад в исследования государственного управления // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 112–122; Ефременко Д.В. Гарольд Госнелл и Чикагская школа политологии // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 252–265; Ефременко Д.В. «Новая наука о политике», чикагская версия // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сборник переводов / под ред. Д.В. Ефременко ; ИНИОН РАН, Отд. социологии и социал. психологии, Отд. политической науки ; пер. с англ. В.Г. Николаева. – Москва, 2023. – С. 5–52; Николаев В.Г. Золотой век чикагской социологии // Чикагская школа социологии : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-информ. исслед., Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. Николаев В.Г. ; отв. ред. Ефременко Д.В. – Москва, 2015. – С. 5–17; Николаев В.Г. Луис Вирт и его вклад в социологию // Вирт Л. Избранные работы по социологии : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел социологии и социал. психологии ; пер. с англ. Николаев В.Г. ; отв. ред. Гирко Л.В. – Москва : ИНИОН, 2005. – С. 4–23; Николаев В.Г. Экологический аспект в социологии Э.Ч. Хьюза // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, вып. 2. – № 48/49. – С. 31–46; Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10, вып. 5/6(44/45). – С. 99–113.

ПРОЛОГ: ДУХ ВРЕМЕНИ И ГЕНИЙ МЕСТА

Читатель убедится, что наша книга описывает поистине идеальное общество; самое большое затруднение для писателей, вступивших в эту область художественного вымысла, – недостаток ярких и убедительных примеров. В стране, где неизвестна лихорадка наживы, где никто не томится жаждой быстрого обогащения, где бедняки простодушины и довольны своей судьбой, а богачи щедры и честны, где общество сохраняет первозданную чистоту нравов, а политики занимаются только людьми одаренные и преданные отечеству, – в такой стране нет и не может быть материала для истории, подобной той, которую мы создали на основе изучения нашего поистине идеального государства.

Марк Твен, Чарльз Уорнер. Позолоченный век (1873)¹

Циклы американской истории и «исповедальная страсть»

Эпоха американской истории, получившая с легкой руки Марка Твена и его соавтора Чарльза Уорнера название «позолоченный век», подходила к концу. В 1890 г., когда состоялось первое значимое для темы нашего исследования событие – фактическое основание Чикагского университета, – об этом уже догадывались проницательные наблюдатели и в Америке, и за ее пределами, хотя, конечно, они едва ли предвидели, что сильнейший экономический кризис (его назовут *паникой*) накроет Соединенные Штаты, а с ними и весь остальной мир всего лишь три года спустя. Предыдущая паника, разразившаяся двумя десятилетиями ранее, повлекла за собой самую длительную в истории рецессию, длившуюся в США целых 65 (!) месяцев. А затем последовал феноменальный 15-летний экономический рост, с которым обычно и ассоциируют «позолоченный век».

---

¹ Твен М. Собрание сочинений : в 12 томах. – Т. 3. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 9.

В социально-политической динамике любого крупного национально-государственного организма – в нашем случае Соединенных Штатов Америки – не столь уж сложно выявить определенную цикличность, которая отчасти (но никогда полностью) коррелируется и с циклами экономической конъюнктуры. Колебательные движения между двумя крайними точками в американском историческом процессе тонко чувствовал еще Ралф Уолдо Эмерсон, который в своей лекции, прочитанной в масонском храме Бостона 9 декабря 1841 г., говорил об извечном антагонизме внутри государства партий консерватизма и новаторства, антагонизме, укорененном в самой природе человека, полюсами которой являются прошлое и будущее, память и надежда, понимание и разум¹.

Генри Адамс уже в начале 1890-х годов предпринял попытку идентифицировать четкие 12-летние политические циклы начиная с принятия Декларации независимости. Адамс, впрочем, остановился на президентствах Т. Джейфферсона и Д. Мэдисона (1801–1817), сделав оговорку, что на основе его подхода содержательно охарактеризовать последующие циклы под силу даже ребенку². Адамс первым использовал метафору маятника, амплитуда которого описывала ритмическое движение от усилий, требующих максимального расхода энергии нации, к внутреннему сосредоточению и обратно.

Артур Шлезингер-ст., избегая упрощений и схематизации в привязке к равным временными промежуткам маятниковых колебаний, усматривал цикличность в смене друг другом этапов консервативной политики в интересах меньшинства и либерального курса в защиту прав большинства. Его циклы (точнее, приливные волны – tides) неравномерны: так, Гражданская война и первые годы Реконструкции – восьмилетний период с 1861 по 1869 г. – это весьма сжатый во времени сокрушительный рывок к демократизации, зато последующий консервативный откат длится более трех десятилетий, вплоть до гибели в 1901 г. от руки анархиста президента У. Мак-Кинли и прихода к власти Т. Рузвельта, чье правление открывает 18-летнюю прогрессивную эру³. В отличие от Адамса,

---

¹ Emerson R.W. The conservative. – Scotts Valley, CA : Create Space Independent Publishing Platform, 2018. – 30 p.

² Adams H.B. The history of the United States of America during the administrations of Thomas Jefferson and James Madison. – New York : C. Scribner & sons, 1890. – Vol. 6. – P. 123.

³ Schlesinger A.M. (Sr.) Paths to the present. – New York : Macmillan, 1949. – 317 p.

Шлезингер-ст. делал упор на качественном своеобразии каждого демократического прилива и консервативного отлива, показывая, что при наступлении нового цикла достижения или проблемы предыдущего не обнуляются, но составляют основу для аккумуляции дальнейших изменений.

Артур Шлезингер-мл., развивая идеи своего отца, отмечал, что либеральные циклы слишком «энергозатратны» для социального организма и после них всегда нужен более или менее продолжительный консервативный период, позволяющий обществу восстановить силы. Но такой «отдых» дается высокой ценой накопления социальных противоречий, разрешить которые удается уже в новом либеральном цикле. Шлезингер-мл. определял «цикл как непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц»¹. Подлинный цикл является самовоспроизводящимся, «каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущей и присущих ей противоречий, в них находя и подготавливая условия для очередного поворота»².

Не идеализируя эту схему, мы все же считаем нужным принять ее во внимание, поскольку нас интересует исторический контекст зарождения интеллектуального движения, которое уже на следующем историческом этапе привело к настоящим прорывам в нескольких областях социального знания. И здесь весьма полезным дополнением к схеме цикличности американской истории, предложенной Шлезингером-ст. и уточненной его сыном, служат идеи Сэмюэла Хантингтона о порывах американской «исповедальной страсти» (creedal passion). Согласно Хантингтону, некий обобщенный американский «символ веры» предполагает наличие правительства (власти), одновременно сочетающего в себе такие качества, как открытость, эгалитарность, подконтрольность, отзывчивость к нуждам отдельных индивидов и групп, отказ от принуждения. Разумеется, ни одна из американских администраций такому политическому и нравственному кredo в полной мере не соответствовала. Из этого проистекает разрыв между идеалами и институтами, который иногда становится нетерпимым и провоцирует мощный всплеск общественного негодования и усиление социальных размежеваний. В конце концов нарастающее напряжение приводит к серии радикальных социально-политических изме-

---

¹ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. – Москва : Издательская группа Прогресс, 1992. – С. 46.

² Там же.

нений, средняя продолжительность которых составляет порядка 15 лет внутри большого 60-летнего цикла. В американской истории XVIII–XX вв. Хантингтон выделяет четыре эпохи: начиная с 1770-х годов – революционная эра; начиная с 1830-х – джексонианская эра; начиная с 1900-х – прогрессивная эра; начиная с 1960–1970-х – S&S (хантингтоновский акроним от Sixties and Seventies)¹.

А чем же тогда было последнее десятилетие XIX в.? Восприятие эпохи современниками не всегда точно. «...Неумная энергия американцев, находившая спасительное занятие для их свободных от мыслей умов, как и процесс созидания новой общественной силы и применение ее растущей власти, по всем признакам выдохлись», – саркастически скажет об этом времени Генри Адамс². На деле же происходило как раз то, о чём писал Хантингтон: «позолоченный век» продуцировал новый подъём морального негодования из-за разрыва между идеалами и институтами, отчуждение между массовыми группами и политико-экономическими элитами быстро нарастало, на арену политической борьбы выходили новые, прежде «молчавшие» группы интересов, начинавшие отстаивать свои права, резко усиливаясь роль прессы, все чаще бравшей на себя функции противовеса коррумпированным политикам, появлялись новые формы и каналы политического участия.³ И если корифеи американской словесности, такие как У. Уитмен³ или Р.У. Эмерсон⁴, на склоне своих лет клеймили нравы и политику «позолоченного века» словами, полными глубокого разочарования, то интеллектуалы и люди практического склада нового поколения в своих высказываниях или социальных инициативах готовили наступление перемен, причем перемен в очень широком социальном диапазоне.

Смена поколений – весьма важный фактор, который акцентирует Шлезингер-мл., рассуждая о циклах американской истории. И в самом деле, поколение, сформировавшееся на исходе «позолоченного века», вдохновляемое американской «исповедальной страстью», сумело выдвинуть множество новых идей в самых разных областях социальной жизни, практическое воплощение кото-

---

¹ Huntington S.P. American politics: The promise of disharmony. – Belknap Press, 1981. – P. 13–60.

² Адамс Г. Воспитание Генри Адамса : пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 389.

³ Whitman W. Democratic vistas. – Iowa City : University of Iowa Press, 2010. – 214 p.

⁴ Emerson R.W. The fortune of the Republic and other American addresses. – London : Wentworth Press, 2019. – 148 p.

рых уже в начале нового века – разумеется, не во всех случаях полное и идеальное – получило название «прогрессивной эры».

Парадокс Токвиля, или О духе времени

Алексис де Токвиль, путешествуя в начале 1830-х годов по джексонианской Америке, собрал богатый материал, подтвердивший его более ранние наблюдения социальной динамики в Европе. Токвиль писал: «Ненависть людей к привилегиям возрастает по мере того, как сами привилегии становятся более редкими и менее значительными. Можно сказать, что костер демократических страсти разгорается как раз тогда, когда для него остается все меньше горючего материала. Я уже указывал на причины этого феномена. Неравенство не кажется столь вопиющим, когда условия человеческого существования различны; при всеобщем единообразии любое отклонение от него уже вызывает протест, тем больший, чем выше степень этого единообразия. Поэтому вполне正常ально, что стремление к равенству усиливается с утверждением самого равенства: удовлетворяя его требования, люди развиваются»¹.

Этот парадокс, обнаруживающий себя слишком часто, чтобы можно было им пренебречь, но демонстрирующий в конкретных обстоятельствах времени и места такую вариативность, что ввести его в ранг универсального социального закона не представляется возможным, в Америке конца XIX в. проявил себя во многих аспектах, из которых эгалитаризм был очень важным, но отнюдь не единственным.

Америка в период между *паниками* 1873 г. и 1893 г. по меркам большинства других стран была близка к процветанию. По крайней мере на это указывали и темпы экономического развития, и динамика роста благосостояния. И все же неудовлетворенность положением дел охватывала самые разные слои и социальные группы во всех штатах.

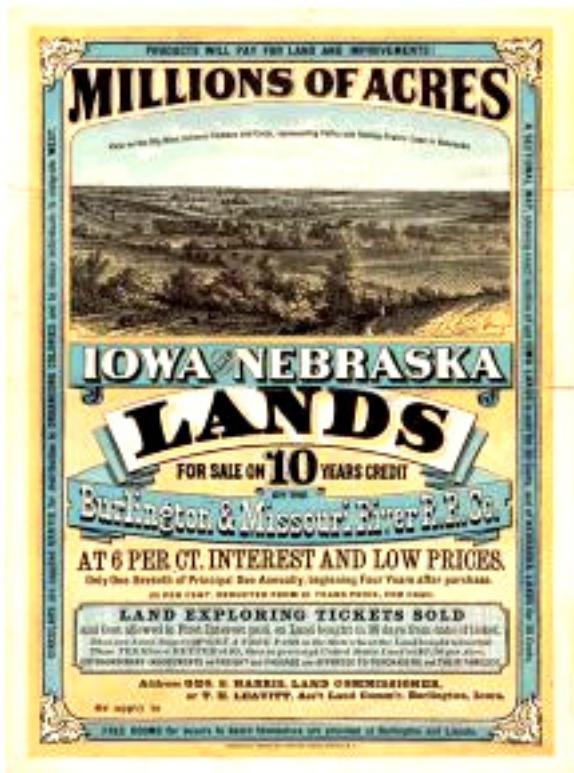
Что же происходило?

Завершившаяся победой северян Гражданская война была величайшим политическим и социальным потрясением, из которого Соединенные Штаты вышли обновленной страной. Но это было обновление после катастрофы: из 31,5 млн жителей США в 1860 г. в

---

¹ Токвиль А. де. О демократии в Америке : пер. с франц. – Москва : Прогресс, 1992. – С. 485.

войне с обеих сторон приняли участие 3 млн человек; безвозвратные потери (вместе с гражданским населением) приближались к 700 тыс. человек, более 1 млн человек (3% населения страны) были ранены. Между Севером и Югом вплоть до начала XX в. сохранялся сильный экономический диспаритет. Освобождение чернокожих рабов не обеспечило их равноправия с белыми; принимавшиеся в южных штатах с начала 1890-х годов «законы Джима Кроу» сформировали систему расовой сегрегации.

Постер, рекламирующий выкуп за символическую цену «миллионов акров» из Государственного земельного фонда

Вместе с тем Закон о гомesteadах, проведенный администрацией Линкольна через Конгресс в разгар Гражданской войны, по-

зволил осуществить передачу из государственного земельного фонда на западных территориях в хозяйственное пользование, а затем и в полную собственность любому совершеннолетнему гражданину США участков размером в 160 акров (64 га). До конца столетия, когда земельный фонд был исчерпан, этой возможностью воспользовались сотни тысяч американцев, благодаря чему произошло массовое расширение социальной группы собственников, обеспечив «США преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации»¹. Аграрная реформа позволила быстро освоить в основном чрезвычайно плодородные земли, по площади вдвое превосходившие размеры всей Западной Европы. При этом во многих случаях наносился ущерб дикой природе, насильственно сокращался ареал проживания и хозяйственной деятельности коренного населения Северной Америки. Раздача земельных участков сопровождалась коррупцией, достигшей выдающихся масштабов с того момента, когда участки начали активно выкупаться под железнодорожное строительство.

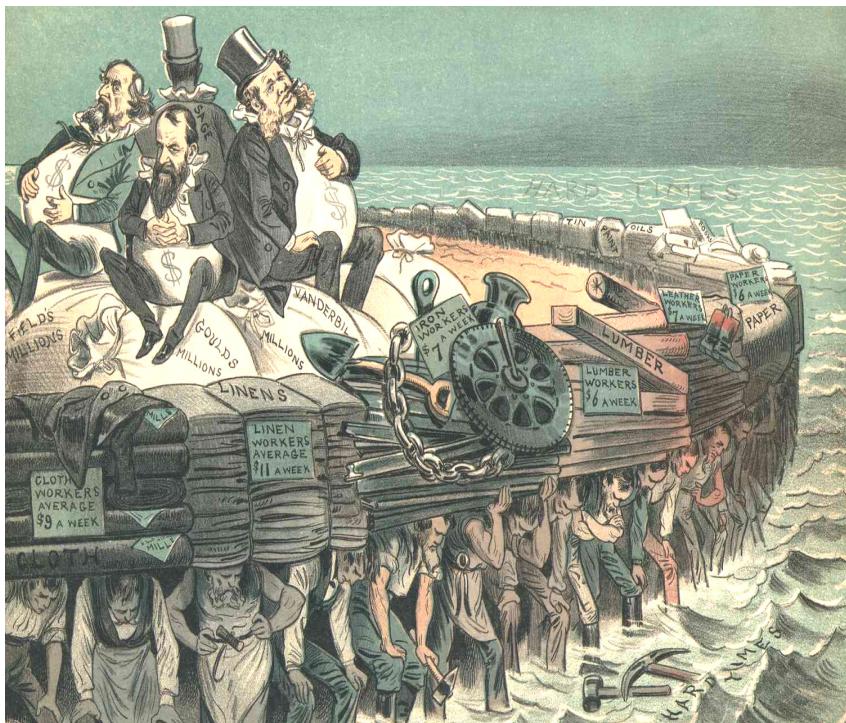
Как в железнодорожном бизнесе, так и во всех перспективных отраслях индустриального и аграрного производства на ведущие роли выдвинулись предприниматели, чьи практики ведения бизнеса принесли им репутацию «баронов-разбойников»². К этой плеяде относились К. Вандербилт, Э. Меллон, Дж. Рокфеллер-ст., Э. Карнеги, Дж.П. Морган, Р. Сэйдж и др. Звездный час «баронов-разбойников» наступил после *паники 1873 г.*, когда появилась возможность по демпинговым ценам скупать активы разорившихся компаний и банков, формируя тем самым горизонтально интегрированные промышленные синдикаты. Осуществляя концентрацию производства и максимально усиливая эксплуатацию наемного труда, «бароны-разбойники» объективно способствовали организации и технологически эффективному использованию ресурсов американской нации в невиданных прежде масштабах и в то же время содействовали формированию новой социальной структуры. Эта плеяда предпринимателей стала основным проводником технологического перевооружения американской промышленности, имевшего глобальные последствия. А. Гринспен и А. Вулдридж в своей «Истории американского капитализма» приводят пример сталелитейной промышленности.

---

¹ Согрин В.В. Американская цивилизация. – Москва : Весь мир, 2020. – С. 107.

² В ходу был также и более деликатный термин – «капитаны индустрии».

«Благодаря постоянному совершенствованию технологий издержки производства на единицу продукции (показатель, в принципе аналогичный почасовой выработке) “бессемеровской стали” резко снизились, в результате чего оптовая цена на сталь с 1876 по 1901 г. упала на 83,5%. Дешевая сталь запустила целый цикл новаций: стальные рельсы были в десять с лишним раз долговечнее чугунных, а стоили лишь немногим дороже, что позволяло перевозить по железным дорогам больше людей и товаров за меньшие деньги. Аналогичный каскад модернизационных изменений, затронувших почти все сферы деятельности человека, удвоил уровень жизни в Америке всего за поколение»¹.

«Зашитники нашей промышленности».
Карикатура Б. Гиллэма на американских
«баронов-разбойников» из журнала «Puck» (07.02.1883)

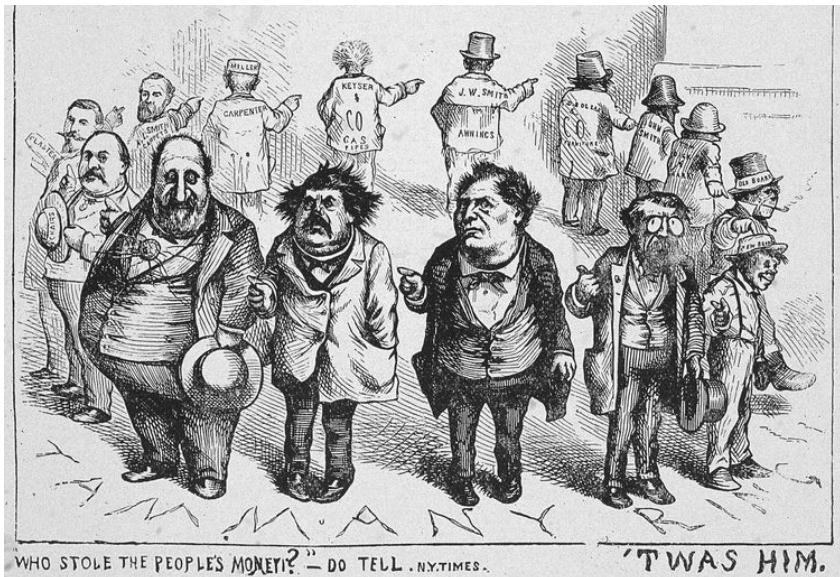
¹ Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке. История. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – С. 8.

Связи «баронов-разбойников» с политической элитой в Вашингтоне и на уровне штатов были столь разветвленными и тесными, что годы «позолоченного века» вполне могут считаться апогеем политической коррупции. Турбулентность на поверхности политической жизни прикрывала процессы «сцепки» политических и экономических элит и формирования единого конгломерата, для которого видимые межпартийные размежевания имели второстепенное значение.

Острая политическая борьба сотрясала Вашингтон в первые годы после Гражданской войны, поскольку из межпартийного соперничества она переросла в противостояние институтов федеральной власти, едва не завершившееся импичментом президенту Э. Джонсону. Курс на свертывание наиболее радикальных демократических преобразований, взятый с начала 1870-х годов, подпитывался почти всеобщей усталостью от потрясений предыдущего десятилетия и недовольством значительной части белого населения (в том числе в северных штатах) «чрезмерными» уступками афроамериканцам. Несмотря на формальное расширение демократических свобод, включая повсеместную имплементацию процедуры тайного голосования, обе основные политические партии шли на теснейшее сближение с корпорациями, да и сами все больше трансформировались в механизмы, нацеленные на прямое извлечение прибыли либо торговлю политическим влиянием.

В крупных городах доминирующую роль играли партийные «политические машины» и их боссы. Так, поистине легендарным было влияние на политическую жизнь Нью-Йорка партийного босса демократов Уильяма Твида (1823–1878), вокруг которого сформировалась мощная система клиентелизма, взяточничества и даже организованной преступности – «шайка Твида». Добившись в годы Гражданской войны практически неограниченного контроля над городской штаб-квартирой Демократической партии – Таммани-Холлом, – Твид за счет манипуляций с подрядами, многократного завышения сметной стоимости объектов строительства, финансируемых городом и штатом Нью-Йорк, прямого казнокрадства сколотил огромное состояние, а общий объем аккумулированных «шайкой Твида» средств превышал размер внешнего долга США к исходу Гражданской войны. В результате разоблачения со стороны одного из немногих неконтролируемых им изданий, Твид был арестован в 1873 г., но бежал из-под ареста и сумел добраться до Испании. Однако испанское правительство выдало беглеца американским властям. Вплоть до своей смерти от пневмонии он

содержался в нью-йоркской тюрьме Ладлоу, на подрядах на строительство которой он ранее неплохо нажился.

«Кто украл народные деньги? – скажи».

Карикатура Т. Наста на босса Твида и его окружение
(The New York Times, 19.08.1871)

Утвердившийся со времен президентства Э. Джексона принцип распределения должностей в зависимости от принадлежности к правящей партии – spoils-system – был еще одним каналом политической коррупции. Общественная критика и снижение качества управления привели к тому, что в 1883 г. был принят Акт Пендлтона, положивший начало переходу в административной системе от клиентелизма к меритократическому принципу назначения на государственные должности. Однако переход был настолько медленным и неуверенным, что полное изживание наследия spoils-system на федеральном уровне затянулось на многие десятилетия, оставаясь острой проблемой даже во времена Ф.Д. Рузельята, а на уровне городов, в частности в Чикаго, система патронажа сохранялась до 1970-х годов.

На примере борьбы с клиентелизмом в государственном управлении США видно, как проявлялся себя парадокс Токвили: был сделан первый, оценивая ретроспективно, – решающий шаг на-

встречу общественному мнению, но его фактическое исполнение только усиливало недовольство положением дел. То же можно сказать о первых шагах в разработке антитрестовского законодательства (Акт Шермана 1890 г.) и о попытках введения государственного регулирования в сфере железнодорожного строительства в пределах компетенции федеральных органов власти (1887). Эти меры были легко копированы рокфеллеровской «Стандарт ойл» и другими крупными корпорациями, находившими многочисленных союзников в Белом доме, Конгрессе, Верховном суде, легислатурах штатов. И тем большим было негодование массы избирателей. Рост недоверия к двухпартийной системе выразился в нескольких попытках создать «третью силу» – Популистскую партию в начале 1890-х годов, Социалистическую – в начале 1900-х, Прогрессивную – в начале 1910-х. Однако наиболее мощное, *прогрессивное* движение развивалось уже вне партийных структур.

Широкое и гетерогенное по своему составу реформаторское движение достаточно долго не имело четкого идеологического оформления. Книга Герберта Кроли (Croly)¹ «Обетование американской жизни» – настоящая «библия прогрессивизма» – была опубликована только в 1909 г. и вобрала в себя многие идеи, витавшие в воздухе на протяжении по крайней мере двух предыдущих десятилетий. При этом Кроли представлял либерально-демократическое крыло прогрессивизма, которое, естественно, не отражало установки, характерные для более радикальных деятелей прогрессивной эры. Отвергая распространенные в эпоху «позолоченного века» социал-дарвинистские представления, Кроли ратовал за сильное центральное правительство, способное выступить противовесом неконтролируемой жажде наживы, следствием которой становится несправедливое распределение национального богатства. По сути, государство должно было взять на себя значительно больший объем задач социального регулирования и коррекции «дикого капитализма». В свою очередь, демократические институты должны выступать в роли предохранителей, исключающих ненадлежащее использование государственной власти².

---

¹ В литературе на русском языке часто используется другое написание этой фамилии – Кроули, что не вполне точно и может порождать путаницу с жившим в ту же эпоху английским мистиком и оккультистом Алистером Кроули (Aleister Crowley).

² Croly H. The promise of American life. – New York : The Macmillan company, 1909. – 468 p.

Разумеется, перечень «горячих тем» социально-политического дискурса прогрессивной эры был намного шире. Каждая из значимых социальных сил или групп, сопричастных реформаторскому движению, привносила туда что-то свое. Набирающий силу феминизмставил во главу угла избирательные права женщин и достижение равноправия в других сферах социальной жизни. Ценители дикой природы, вдохновляемые уже не столько романтическим эскапизмом Г.Д. Торо, сколько раннеэкологическими идеями Дж.П. Марша, Дж. Мьюра и практическими предложениями Г. Пинчота, требовали создания системы национальных парков и заповедников¹. Лидеры афроамериканского сообщества, преодолевая фрустрацию 1870–1880-х годов, инициировали образовательные проекты для чернокожих и проповедовали межрасовое согласие и сотрудничество (Б. Вашингтон) либо настаивали на более высоком уровне равноправия с использованием для достижения этой цели инструментов протестной активности (У. Дюбуа). Расследовательская журналистика (Дж. Стеффенс, Э. Синклер, И. Тарбелл, Дж. Риис и др.), представителей которой президент Т. Рузвельт пренебрежительно назвал «разграбителями грязи» (muckrakers), сыграла выдающуюся роль в мобилизации общественного мнения в новом, возможно, самом сильном подъеме американской «исповедальной страсти».

Наконец, не стоит забывать и о религиозной составляющей прогрессивизма хотя бы потому, что подъем «исповедальной страсти» означал не только массовое негодование, вызванное несоответствием фактического положения дел идеалу общественного устройства, но и протест людей верующих, для которых этот идеал вытекал из понимаемых тем или иным образом божественных предуставленний. Линия социального критицизма к началу XX в. была воспринята большинством протестантских деноминаций США, а само течение получило название социального евангелизма (Social Gospel). Исходная позиция социального евангелизма, сформулированная еще в 1877 г. конгрегационистским пастором У. Гладденом, заключалась в том, что христианское вероучение распространяется на все социальные отношения, включая отношения работников и работодателей, а создание профсоюзов в этой оптике видится вполне богоугодным делом². Весьма важно, что

---

¹ См.: Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. – Москва : ИНИОН РАН, 2006. – С. 145.

² Gladden W. The Christian way: whither it leads and how to go on. – New York : Dodd, Mead & Company, 1877. – 142 p.

течение социального евангелизма, выступая за продвижение реформ, в качестве одного из союзников видело научное знание и тех, кто его производит. Соответственно, вклад социальных евангелистов в развитие образования и научных исследований, весьма важный в контексте интересующей нас истории основания Чикагского университета, в конечном счете ускорял наступление прогрессивной эры.

«Смышленый дикарь, поборовший леса и прерию»

Если общий критический настрой американского общества подготавливал смену исторического цикла, способствовал формированию особого идейного движения и торил путь крупным политическим изменениям, то, очевидно, на обширной территории Соединенных Штатов должна была найтись точка или несколько точек, где все эти веяния, все потоки интеллектуальной и предпринимательской энергии, человеческого капитала, материальных ресурсов должны были сходиться воедино, решительно ускоряя наступление новой эпохи. Вашингтон – политico-административная столица – для этой миссии совсем не подходил: всплески политических баталий внутри Конгресса или между Капитолийским холмом, Белым домом и зданием Верховного суда сменялись затишьем закулисных сделок, но триггеры столичных пертурбаций находились чаще всего в других частях Америки. Конечно, очень многое разворачивалось на аренах Нью-Йорка. Однако город «большого яблока» (сам эпитет будет изобретен только в 1920-е годы) был уже слишком велик, слишком возвышался над всей страной, готовясь перенять у Лондона негласный титул «столицы мира». Но у Нью-Йорка появился соперник на Среднем Западе, возможно, самый американский из всех американских мегаполисов – Чикаго. «Город ветров» (эпитет, утвердившийся во второй половине 1870-х годов) не успел побывать столицей одной из североамериканских колоний, да и примечательного прошлого, до Декларации независимости, у Чикаго не было (если, конечно, не считать таковым создание на его современной территории французом-иезуитом миссионерского поста, а затем основание в той же местности другим французом торговой фактории). Только в 1803 г. американские военные строят на южном берегу реки Чикаго небольшое укрепление – Форт-Дирборн, которое выводится из эксплуатации в 1837 г. – именно в этот год Чикаго получил статус города с населением в

350 человек. За три года население увеличилось более чем в 12 раз. Рост города и его населения продолжался далее беспрецедентными даже для Америки темпами: когда Великий пожар 1871 г., длившийся три дня, утих, только бездомными оказались около 100 тыс. человек.

Таблица 1
Население Чикаго, 1840–1930*

Год	Численность населения	Рост населения, в %
1840	4470	
1850	29 963	570,3
1860	109 260	264,6
1870	298 977	173,6
1880	503 185	68,3
1890	1 099 850	118,6
1900	1 698 575	54,4
1910	2 185 283	28,7
1920	2 701 705	23,6
1930	3 375 329	24,9

* Источник: Census data of the city of Chicago 1920 / Burgess E.W., Newcomb Ch. (eds.). – Chicago : University of Chicago press, 1931. – P. 5.

К концу «позолоченного века» Чикаго по численности населения опередил более двух десятков «старых» городов Америки и отставал лишь от Нью-Йорка. Источником феноменального роста было прежде всего весьма удачное географическое положение на пересечении водных путей и быстро формируемой трансконтинентальной железнодорожной сети. Первоначальной индустриальной специализацией Чикаго были забой скота и заготовка мяса: фермеры Среднего Запада ежегодно доставляли сотни тысяч животных к городу, вокруг и даже внутри которого располагались скотобойни. Гражданская война сделала этот бизнес сверхприбыльным, поскольку администрация Линкольна заключила с чикагскими мясопромышленниками подряд на поставку свинины и говядины для армии северян. Но еще до Гражданской войны началась быстрая экономическая диверсификация. Транспорт, вагоностроение, металлургия, сфера услуг, банковское и страховое дело, ретейл формировали тот образ, который воплотил в своей поэме Карл Сэндберг:

«Свинобой и мясник всего мира,
Машиностроитель, хлебный сысыпщик,
Биржевой воротила, хозяин всех перевозок,
Буйный, хриплый, горластый,
Широкоплечий – город-гигант.

Мне говорят: ты развратен – я этому верю: при свете газовых фонарей я видел твоих накрашенных женщин, зазывающих фермерских парней.

Мне говорят: ты преступен – я отвечу: да, это правда, я видел, как убивают безвинных, и спокойно уходя, чтоб вновь убивать.

Мне говорят, что ты скончался и мой ответ: на лице твоих женщин, детей и подростков я видел отметины алчного голода.

И, так ответив, я обернусь еще раз к ним, высмеивающим мой город, и брошу им тоже усмешку и скажу им:

Укажите-ка город на свете, у которого шире развернуты плечи, где звончее, задорнее песни, чья живей и кипучее радость, радость жить, быть грубым, сильным, искусственным.

Швырками крылатых проклятий вгрызаясь в любую работу, громоздя глазомер на сноровку, он разлегся – огромный, отважный, живучий, ленивый, посреди изнеженных городков и богатых предместий,

Свирипый, как пес, с разинутой пенистой пастью, смышленный дикарь, поборовший леса и прерию»¹.

Трагедия 1871 г. очень многое изменила в судьбе Чикаго. Слова грибоедовского персонажа «Пожар способствовал ей многое к украшению», сказанные, разумеется, о пожаре Москвы 1812 г. (по своему масштабу он уступал чикагскому), применимы к американскому городу, возможно, в большей степени, поскольку произошли качественные перемены не только в благоустройстве и градостроительстве, но была запущена настоящая цепная реакция городских преобразований. Волна солидарности с погорельцами охватила всю Америку и даже Великобританию. На представителей городских властей и олдерменов (членов городского собрания) легла большая ответственность в плане разумного и стратегически ориентированного использования поступающих средств. Можно сказать, что и традиция американской филантропии после Великого пожара достигла нового уровня, и это давало о себе знать даже десятилетия спустя.

Послепожарный Чикаго стал идеальной площадкой для архитектурных новаций. Первый в мировой истории небоскреб (его максимальная высота после надстройки составила 55 м) с полностью металлическим каркасом был построен в Чикаго в 1885 г. по проекту инженера У. «Ле Барона» Дженнингса. Начинавший работать вместе с Дженнингсом, Л.Г. Салливан считается ключевой фигурой Чикаго.

¹ Сэндберг К. Чикаго // Поэзия США. – Москва : Художественная литература, 1982. – С. 353.

кагской школы архитектуры и «отцом» американского архитектурного модернизма. В Чикаго он спроектировал целый ряд каркасных небоскребов (в том числе здание Чикагской фондовой биржи), но при этом он же был автором помпезного павильона в стиле *beaux-art* на Всемирной колумбийской выставке (тем самым внеся вклад в City Beautiful movement, которое было частью прогрессивистского движения), а также православного Свято-Троицкого собора в районе «Украинской деревни», в проекте которого сумел весьма бережно воспроизвести традиции русской церковной архитектуры. Салливан сформулировал базовый принцип: «Форма в архитектуре следует функции»¹. В случае послепожарного Чикаго применение этой формулы не оставляло места для иллюзий: это был город больших денег, строительство в котором было рассчитано прежде всего на максимизацию прибыли.

Руины Чикаго после Великого пожара 1871 г.

---

¹ Sullivan L. The tall office building artistically considered // Lippincott's Monthly Magazine. – Philadelphia : J.B. Lippincot company, 1896. – March. – P. 408.

Первый небоскреб в Чикаго.
Архитектор – У. «Ле Барон» Дженнинг (1885)

Но были и «нюансы». Так, в начале 1880-х годов Дж. Пульман принял решение перенести в южный пригород Чикаго свою основную производственную базу вагоностроения, но на выкупленных площадях он построил не только завод, но и замкнутый рабочий поселок с первоклассной инфраструктурой, многоквартирными домами и таунхаусами в викторианском стиле

для почти 2 тыс. рабочих и сотрудников производственного управления, трамвайной сетью, школой, библиотекой, театром, торговым центром, приходской церковью и даже собственной полицией. В этой воплощенной в кирпиче и бетоне модели патерналистских отношений между работодателем и работником, казалось, было предусмотрено все, чтобы сформировать нерасторжимые узы лояльности и соорудить непреодолимый барьер между населением пульмановского городка и основной массой чикагских рабочих, чьи условия жизни были несоизмеримо более тяжелыми¹.

Однако эксперимент потерпел сокрушительный провал, когда вследствие *паники* 1893 г. Пульман предложил сократить зарплату своим рабочим на 1/3 в качестве альтернативы увольнениям (в Чикаго на других предприятиях порядка 180 тыс. человек потеряли работу) при сохранении высокой арендной платы за жилье. Начавшаяся весной 1894 г. забастовка работников пульмановского городка в несколько недель переросла в стачку, охватившую больше половины всех штатов и парализовавшую пассажирское железнодорожное сообщение на большей части территории страны. Стачка в ряде мест переходила в разрушение транспортной инфраструктуры и вооруженную борьбу, принимавшую такие масштабы, что в передовицах многих газет стало мелькать слово «революция»². Протесты рабочих удалось подавить только после привлечения федеральных войск и гибели нескольких десятков человек; в ходе этого раунда классовой борьбы сформировался мощный Американский профсоюз железнодорожников и начался подъем социалистического движения во главе с Ю. Дебсом. Чикаго, где еще в мае 1886 г. произошли знаменитые забастовки за введение восьмичасового рабочего дня, организованный анархистами митинг в поддержку бастующих на Хаймаркет-сквер и его жестокий насильственный разгон, стал ареной развертывания новой политической силы, – фактор, оказавший в дальнейшем немалое влияние и на ключевые фигуры интеллектуальной жизни города.

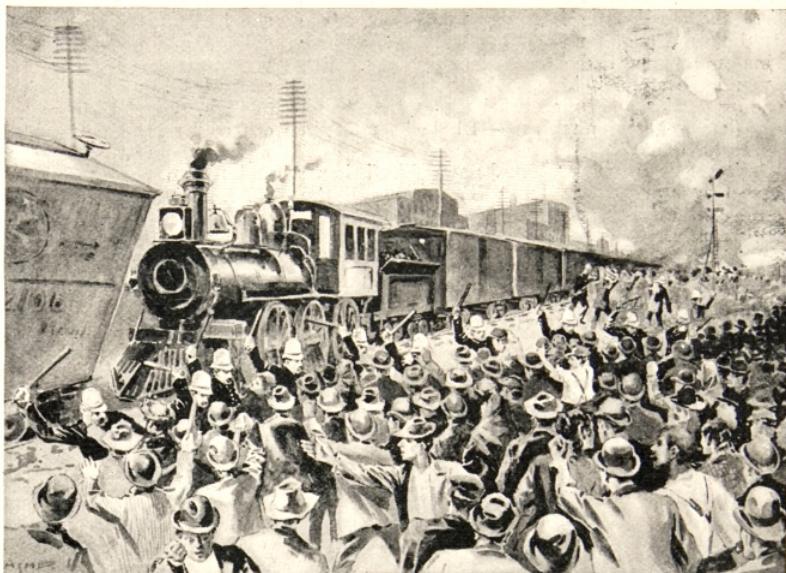
Хотя местные власти и большая часть прессы были на стороне обитателей рабочего поселка, Дж. Пульман отказался от снижения арендной платы и иных уступок, опираясь на

---

¹ Buder S. Pullman: An experiment in industrial order and community planning, 1880–1930. – New York : Oxford University Press, 1967. – 284 p.

² Lindsey A. The Pullman strike: the story of a unique experiment and of a great labor upheaval. – 3rd impression. – Chicago : The University of Chicago Press, 1964. – 424 p.

штрайкбрехеров, не связанных с рабочим поселком. В течение нескольких лет его население значительно сократилось, а вскоре после смерти Пульмана в 1897 г. прокуратура города потребовала от наследников избавиться от непрофильных активов. В последующее десятилетие большинство объектов перешли под контроль города Чикаго, что обернулось упадком всего района.

POLICE DRIVING BACK THE MOB FROM A TRAIN BLOCKED BY OBSTRUCTIONS ON TRACK NEAR FORTY-THIRD STREET.

Drawn by E. M. Ashe from Sketches by G. A. Coflin.

Полиция пытается оттеснить от железнодорожных путей участников Пульмановской стачки, заблокировавших движение поездов в районе 43-й улицы Чикаго (1894)

Пульмановский социальный эксперимент был наиболее масштабным с точки зрения инвестиций и количества участников. Но Чикаго превратился в подлинную лабораторию социального экспериментирования самой разной направленности. Еще более известным социальным экспериментом, одновременно затронувшим такие общесоединенные проблемы, как права женщин, воспитание детей, классовая дифференциация, положение мигрантов

и рабочих, стал сettльмент Халл-Хаус, созданный Джейн Аддамс и Элизабет Стэрр в 1889 г. в чикагском ближнем Вест-Сайде. Аддамс¹ предприняла амбициозную попытку перенести на американскую почву британский опыт социального экспериментирования, основным центром которого был Тойнби-Холл в лондонском Ист-Энде. Чикагский сettльмент – фактически *общежитие* в первоначальном значении этого слова – предполагал проживание в одном здании (но в отдельных квартирах) женщин, связанных с университетом, которые оказывали разнообразную социальную помощь окрестным жителям, среди которых доминировали мигранты с низким уровнем дохода. По сути дела, Аддамс и ее соратницы предпринимали попытку установления коммуникативных связей и стирания социальных барьеров между представителями различных социальных и этнических групп. При этом особое внимание уделялось работе с детьми, чьи родители представляли различные волны переселенцев из Старого Света.

Джейн Аддамс в окружении детей
в Халл-Хаусе (конец 1920-х годов)

---

¹ В 1931 г. Джейн Аддамс была присвоена Нобелевская премия мира.

Небывалые темпы урбанизации и роста городского населения, основным источником которого были мигранты из других стран¹, а также белые приезжие преимущественно с восточного побережья США и афроамериканцы из южных штатов, имели одним из своих следствий опасно высокую степень социальной дифференциации, сопровождающуюся и количественным увеличением групп чикагцев с тем или иным уровнем дохода. Это, в частности, означало формирование весьма влиятельного среднего класса, представители которого предъявляли более высокие требования к качеству жизни и состоянию городской среды. Между тем здесь были очень серьезные проблемы. Самый старый по времени эпитет, которого удостоился Чикаго – *dirty city*, грязный город. Прежде всего это было связано со скотобойным промыслом. Даже в конце XIX в. крупнейший скотобойный комплекс Union Stock Yards, достаточно удаленный от центра Чикаго и использующий множество технических усовершенствований, оставался важнейшим фактором экологического неблагополучия. В.Г. Короленко, приезжавший в 1893 г. в качестве корреспондента журнала «Русская мысль» на Все мирную Колумбийскую выставку, не скрывал отвращения:

«Перед нами целый городок сумрачно-муругих зданий с широкими дворами, обвеянных клубами пара и дыма... Грязно, суро во и уныло. Stock-yard неряшлив, серьеzen и несколько циничен. Он грязен, некрасив, он нехорошо пахнет, и порой гости Чикаго, съехавшиеся со всего мира на его выставку, вынуждены затыкать носы... Что делать! Городу приходится выносить эти неприятные черты в характере Stock-yard'a: ведь город сделал блестящую карьеру, он может принимать, у себя блестящее общество главным образом благодаря своему некрасивому дедушке, Сток-ярду... А дедушка не торопится скидать для гостей грязный халат...»²

Неудивительно, что в американской литературе чикагский Сток-Ярд оставил еще более яркий след. Именно там разворачивается действие «социологического» романа Эптона Синклера «Джунгли», основными персонажами которого являются эмигрировавшие из Российской империи литовцы. Один из главных «разгребателей грязи» прогрессивной эры, Синклер одновременно стремился поднять в «Джунглях» в крайне заостренной форме не-

---

¹ В конце XIX в. более половины населения Чикаго составляли мигранты, значительная часть которых были неграмотными.

² Короленко В.Г. Фабрика смерти // Короленко В.Г. Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Правда, 1971. – Т. IV. – С. 346.

сколько ключевых вопросов – рабочий, миграционный, женский, санитарный, внеся тем самым лепту в распространение социалистических идей. Эффект романа был сильным, но наибольший отклик все же был связан с санитарной проблематикой, ущербом для здоровья работников скотобоен и живущих поблизости горожан. Уже позднее весьма значимым стал вопрос и о правах животных, попавших на конвейер «животно-индустриального комплекса», в частности праве на минимально болезненное умерщвление. Чикагские скотобойни, таким образом, внесли свой вклад в переосмысление во второй половине XX в. отношений между человеком и животными, используемыми им в пищу¹.

Чикагский Сток-Ярд

Помимо Сток-Ярда было немало других факторов, способствовавших активизации чикагцев, заинтересованных в улучшении условий жизни в городе. Например, ярким показателем приоритетности извлечения прибыли стало то, что сам город был отсечен от озера Мичиган железнодорожными путями. Вопрос водоснаб-

¹ Sorenson J. Critical animal studies: Thinking the unthinkable. – Toronto : Canadian Scholars' Press, 2014. – P. 299–300.

жения также стоял чрезвычайно остро, причем его наиболее активное обсуждение началось после наводнения 1885 г., когда отсутствие эффективно функционирующей в пределах всего города системы очистки воды привело к всплеску инфекционных заболеваний не только в среде рабочих, но и среди весьма зажиточных горожан. В 1889 г. под давлением городской общественности власти приняли решение о строительстве 30-мильного санитарного канала и создания вокруг него защитной зоны. Однако вскоре коррумпированные «боссы», возглавлявшие городские политические машины основных партий, в связке с большим бизнесом переориентировали проект на обеспечение коммерческого судоходства, значительно сократив количество сооружений, которые должны были обеспечить снабжение Чикаго чистой водой. Происшедшее в том же 1889 г. четырехкратное расширение площади города еще больше усилило пространственное и санитарное неравенство, причем улучшение инфраструктуры на «новых территориях» происходило с перекосом в пользу «белых» районов. Тем самым были усилены предпосылки пространственной сегрегации по расовому признаку с выделением заведомо депрессивных районов «черного пояса», которые стали заселять афроамериканцы.

В начале 1890-х годов в Чикаго произошло фактическое слияние прогрессивизма и движения за улучшение городской среды. Несмотря на кричащие социальные противоречия, само городское сообщество в этом идейном ракурсе представлялось как единое органическое тело, обеспечение благоприятных условий существования которого позволит добиться позитивных изменений также в социальной и гражданской жизни. В решении этих задач большую роль должны были сыграть эксперты, способные решать проблемы города при опоре на широкий арсенал научно-технического знания.

Основание Чикагского университета

Дефицит знания, нацеленного на решение практических задач развития мегаполиса, был одним из мотивов создания Чикагского университета. Впрочем, более правильно говорить о втором рождении. Старый университет был основан в 1856 г. лидерами местной баптистской церкви в качестве высшей школы теологической направленности, хотя там также обучали основам права, медицине и некоторым другим дисциплинам. При этом сохранялась типичная

для протестантизма культуртрегерская установка, согласно которой содействие распространению и изучению научного знания в конечном счете будет укреплять авторитет истинной веры¹.

С момента основания старый университет сталкивался с финансовыми трудностями; кроме того, в руководстве баптистскими общинами не было единства в отношении того, следует ли развивать именно эту школу или же оказать поддержку другим образовательным инициативам. Проблемы с фандрайзингом усиливались конфликтами в руководстве старым университетом. К середине 1880-х годов кредиторы старого университета добились ареста его имущества и полного закрытия осенью 1886 г. Учебные заведения баптистов продолжали функционировать в новых локациях в Иллинойсе и под другими названиями, но сам город несколько лет оставался без университета.

Новый университет, как и старый, был связан с баптистской деноминацией, или, точнее, с Американским баптистским обществом образования. Реальным же создателем нового университета стал Джон Рокфеллер-ст. (1839–1937). Основав в 1870 г. компанию «Стандарт ойл», занимавшуюся добычей, транспортировкой, переработкой и маркетингом нефти и нефтепродуктов, Рокфеллер стал первым в истории долларовым миллиардером (1916). Он и по сей день остается богатейшим предпринимателем в истории человечества, если принимать во внимание динамику долларовой инфляции. Философ Уильям Джеймс в письме своему брату, писателю Генри Джеймсу рисует крайне противоречивый образ: «Рокфеллер, как ты знаешь, считается самым богатым человеком в мире, и он, безусловно, самая многообещающая личность, которую я когда-либо видел. Человек десятиэтажной глубины, и для меня совершенно непостижимый. С физиономией Пьеро (ни единого остря волос на голове или лице²), гибкой, хитрой, квакерской, внешне не выражющей ничего, кроме добродетельности и совестливости, но обвиняемый в том, что он величайший злодей в бизнесе, которого произвела наша страна»³.

Глубоко верующий христианин, отчислявший 10% своих доходов баптистским конгрегациям, Рокфеллер был очень восприимчив в своей благотворительной деятельности к советам единог

¹ Покровский Н. Ральф Уолдо Эмерсон. В поисках своей вселенной. – Конкорд : Центр американских исследований в Конкорде, 1995. – С. 57.

² С начала 1890-х годов Рокфеллер страдал от алопеции.

³ Цит. по: Chernow R. Titan. The life of John D. Rockefeller, Sr. – New York : Vintage books, 2004. – P. 2.

верцев, прежде всего их наиболее уважаемых представителей, занимавших видное положение в общинах восточного побережья и Среднего Запада США. В середине 1880-х годов предприниматель пришел к решению основать баптистский университет. Однако выбор места расположения и модели функционирования будущего университета занял немало времени. Первоначально Рокфеллер склонялся к тому, чтобы учредить этот университет в Нью-Йорке. Но затем представители баптистских общин Среднего Запада, в частности Т. Гудспид, У.Р. Харпер и Ф. Гейтс, сумели убедить нефтяного магната в том, что город на берегах озера Мичиган, во-первых, нуждается в университете намного больше, чем Нью-Йорк, и, во-вторых, строительство зданий университета окажется в Чикаго менее затратным. Кроме того, под их влиянием Рокфеллер отказался от первоначального плана спонсировать создание компактного учебного заведения религиозной направленности и согласился профинансировать современный мультидисциплинарный университет, соответствующий новым масштабам Чикаго. В мае 1889 г. было объявлено, что Рокфеллер инвестирует в создание нового университета 600 тыс. долл. – сумма вполне достаточная, чтобы запустить весь процесс его учреждения. Существенный объем финансовой поддержки был обещан городскими властями; важный вклад также сделал чикагский ретейлер М. Филд, подаривший университету 10 акров земли в районе Гайд-Парк, которые быстро начали застраиваться неоготическими зданиями факультетов и лабораторий, напоминавшими прототипы британского *Оксбриджа*. Проектировавший университетский городок архитектор Г. Кобб, следуя пожеланиям членов Попечительского совета, спланировал его кварталы таким образом, чтобы создать ощущение изолированности от окружающего *alma mater* шумного мегаполиса.

Новый Чикагский университет создавался как открытый для представителей всех конфессий, хотя в его руководстве и Попечительском совете доминировали баптисты. В университете предполагалось совместное обучение женщин и мужчин. Для достижения максимальной практической отдачи для города и страны была избрана комбинация гумбольдтовской модели исследовательского университета, некоторых принципов французской *École polytechnique*, созданной спустя два месяца после термидорианского переворота для подготовки кадров военных и гражданских инженеров, а также элементов британского аристократического образования. Работу подразделений университета предполагалось организовать таким обра-

зом, чтобы преподаватели имели достаточно времени для научной деятельности, а их студенты – насколько это возможно – привлекались и к исследовательской активности. Приоритетом самого обучения было не максимальное овладение массивом уже существующих знаний, а усвоение навыков, позволяющих приумножить эти знания.

Неоготические здания кампуса Чикагского университета

Для усиления научной составляющей большое значение придавалось публикации результатов научных исследований. Издательство Чикагского университета начало свою работу еще до того, как первые студенты заняли места в учебных аудиториях. От каждого факультета (департамента) требовалось учредить свой научный журнал либо тематическую серию. В ряде случаев, когда та или иная научная дисциплина (например, социология) еще пребывала в стадии институционального оформления, такая практика давала сильный импульс ее последующему развитию.

Дж. Рокфеллер-ст. избежал соблазна дать Чикагскому университету свое имя, в отличие от предпринимателя Дж. Кларка, чье имя носит созданный в тот же период университет в Бустере (Массачусетс). Он также воздерживался от прямого вмешательства в дела управления, резонно полагая, что Попечительский совет и назначенный им президент (ректор) университета будут действо-

вать как в общем духе его замысла, так и с учетом его конкретных пожеланий и интересов. Назначение первого президента университета полностью соответствовало этой модели: им стал 34-летний исследователь библейских текстов Уильям Рейни Харпер (1856–1906). Харпер сумел настолько завладеть вниманием владельца компании «Стандарт ойл», что тот готов был проводить в беседах с ним дни напролет. Но помимо красноречия и выдающихся знаний в области гебраистики Харпер обладал блестящим организационным талантом, уникальным даром убеждения и амбициями создать «великий университет для великого города». Обсуждая условия своего будущего президентства, Харпер писал Рокфеллеру: баптистская «деноминация и вся страна ожидают, что Чикагский университет изначально будет учреждением самого высокого ранга и характера»¹, ни в чем не уступающим Гарварду, Йелю, Принстону и другим наиболее престижным американским университетам. Чтобы реализовать столь амбициозный замысел, требовались дополнительные вложения в университетский эндаумент. Рокфеллер согласился добавить к своему первоначальному взносу еще один миллион долларов. И это было только начало.

Дж. Рокфеллер-ст. и У. Харпер
в Чикагском университете (1901)

---

¹ Цит. по: Chernow R. Titan. The life of John D. Rockefeller, Sr. – New York : Vintage books, 2004. – P. 640.

Упоминание Харпером в письме Рокфеллеру «всей страны» едва ли было случайным. Внешне все выглядело так, что Рокфеллер стремился упорядочить свою филантропическую активность и выделить в ней приоритеты, ориентируясь на интересы баптистских общин, тогда как Харпер и еще несколько уважаемых лидеров этой религиозной деноминации подталкивали предпринимателя к пожертвованиям в пользу дела поистине общенационального значения. Но не будем забывать высказывания У. Джеймса о рокфеллеровской десятиэтажной глубине. В самом деле, кто мог с уверенностью сказать, какая заветная мысль была скрыта Рокфеллером-ст. на уровне «–10-го» этажа? Создатель одной из величайших в истории монополий, он вместе с другими «баронами-разбойниками» возглавлял национальный антирейтинг общественного мнения. Принятый в 1890 г. Акт Шермана, первый из американских антимонопольных законов, был едва ли не в первую очередь направлен против «Стандарт ойл», но фактически на протяжении последнего десятилетия XIX в. на бизнес Рокфеллера существенного влияния не оказал¹. Тем не менее основание Рокфеллером Чикагского университета должно было хотя бы отчасти «перебить» неблагоприятную политическую и информационную повестку.

По всей видимости Рокфеллер и Харпер в своих многочасовых беседах обсуждали и долгосрочную перспективу, связанную с поднимающейся волной «исповедальной страсти». Рассматривалось ли создание университета как своеобразный волнорез или как попытка оседлать волну? Достоверно мы этого знать не можем, но очевидно, что исходная установка Чикагского университета на производство практического знания, востребованного в первую очередь собственным городом, а затем и всей страной, в конечном счете позволяла ориентировать интеллектуальные силы в определенном направлении. Формировалась экспертная среда, в которой предстояло обсуждать будущие реформы; накапливались и социальные практики, опыт научного планирования в сферах трудового законодательства, социального обеспечения, городского управления, здравоохранения, развития инфраструктуры, адаптации мигрантов и т.д. – все самые «горячие» темы социально-политического дискурса прогрессивизма. Рокфеллер, чей феноменальный успех стал своеобразным апогеем капитализма *laissez faire*, через реали-

---

¹ Более поздний антимонопольный закон – Акт Клейтона 1914 г. – разделил бизнес-империю Рокфеллера таким образом, что стоимость его активов выросла вдвое.

зацию образовательного мегапроекта в чикагском Гайд-Парке вносила немалый вклад в интеллектуальную подготовку новой модели капиталистических отношений, позднее получившей название государства всеобщего благосостояния (*welfare state*).

Так или иначе, но заручившись твердой поддержкой Рокфеллера, Харпер начал настоящую охоту за головами, стремясь привлечь в Чикаго в качестве преподавателей лучших из лучших. «Капитан эрудиции», как впоследствии саркастически назовет Харпера Торстейн Веблен¹, воспринял у Рокфеллера бизнес-практику консолидации активов, перенеся ее в сферу научно-образовательной деятельности. Он переманивал в Чикаго щедрыми предложениями не только профессоров и ассистентов, но даже руководителей университетских колледжей, соглашавшихся пожертвовать статусом ради более высокой оплаты труда и новых творческих возможностей. Харпер не обходил вниманием университеты Лиги плюща, но самые опустошительные «набеги» были совершены на Университет Кларка и Мичиганский университет в Энн-Арборе. Именно из Энн-Арбора приехала группа молодых профессоров и преподавателей во главе Джоном Дьюи, на десятилетия вперед определившая идентичность социальных и гуманитарных департаментов чикагской *alma mater*.

Сотрудничество Харпера и Рокфеллера довольно быстро обросло множеством домыслов. Т. Веблен со своейностью ему язвительно высмеивал харперовские хождения к меценату, после которых открывались новые лаборатории и факультеты, а в кампусе появлялись новые здания². Сам Рокфеллер утверждал, что во время его частных дружеских встреч с Харпером финансовые дела университета никогда не обсуждались, а о слухах и газетных публикациях отзывался иронически: «Юмористические журналы широко воспользовались этой благодатной темой. Они, например, изображали д-ра Харпера в образе гипнотизера, размахивающего над моей головой волшебной палочкой, или представляя, в целом ряде картин, способ, которым он добивается доступа в мою тайную контору, где я усиленно занимаюсь резкой купонов, но, завидев его, поспешно скрываюсь в окно. Или, наконец, изображали, как я убегаю от д-ра Харпера, переплываю через реки на льди-

---

¹ Veblen T. The higher learning in America: A memorandum on the conduct of universities by business men. – New York : B.W. Huebsch, 1918. – Р. 221.

² Козер У. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. – Москва : Норма, 2006. – С. 163.

нах, а тот (как волк в русской сказке) все время бежит за мной по пятам, и мне удается ускользнуть от него, выбрасывая чеки на миллион долларов, словно хлебные крошки, которые он неторопливо подбирал»¹.

«Естественно, это была паника». Дж. Рокфеллер, убегающий от У. Харпера, требующего очередного взноса в университетский эндowment. Карикатура в Chicago Daily News (04.12.1904)

В отличие от основателя университета, Харпер относился к подобным публикациям и обсуждениям этой темы внутри университетского сообщества весьма болезненно. По всей видимости, его неприязненные отношения с Вебленом на этой почве переросли в

¹ Рокфеллер Д. Как я нажил 500 000 000 долларов. Мемуары миллиардера. – Москва : издательство АСТ, 2014. – С. 144.

ситуацию, когда президент Чикагского университета *как минимум* не воспрепятствовал распространению в местной прессе публикаций о частной жизни Веблена, послуживших поводом к увольнению автора «Теории праздного класса»¹. Вместе с тем точка зрения, которой, в частности, придерживался Дж.К. Гэлбрэйт, полагавший, что подлинной причиной увольнения Веблена послужила антикапиталистическая направленность его трудов², не устраивавшая Рокфеллера и других университетских донаторов, убедительных подтверждений не находит. Некоторые другие преподаватели, в том числе и Дьюи, также весьма радикально высказывались по социальным вопросам, сочувствуя бастующим чикагским рабочим, но видимого влияния на их положение в университете это не оказывало.

Джон Дьюи и прагматистская социальная мысль в Чикагском университете

34-летний Джон Дьюи прибыл в Чикаго в турбулентное время. Даже поезд, на котором он ехал из Энн-Арбора, сильно задержался из-за забастовки железнодорожных рабочих. Свои первые шаги в качестве руководителя департамента философии и педагогики Дьюи сочетал с визитами к бастующим и публичными призывами к президенту США Гроверу Кливленду не применять в отношении них силу. Открытость Дьюи к социальным проблемам Чикаго и всей Америки, его стремление саму научную и педагогическую деятельность ориентировать в соответствии с духом времени способствовали тому, что в короткие сроки он стал центральной фигурой в интеллектуальном сообществе Чикаго. Но только ли в этом заключался секрет будущего успеха чикагской версии прагматизма как философского мировоззрения и системы координат научной и общественной деятельности? Скорее семена дьювианского прагматизма ложились на хорошо подготовленную почву. В самой американской идентичности были едва ли не изначально «прагматистские» установки, о которых, в частности, писал А. де Токвиль в своей «Демократии в Америке»:

---

¹ См.: Bartley R.H., Bartley S.E. Stigmatizing Thorstein Veblen: A study in the confection of academic reputations // International journal of politics, culture and society. – 2000. – Vol. 14, N 2. – P. 363–400.

² Galbraith J.K. The culture of contentment. – Boston ; New York ; London : Houghton Mifflin, 1992. – P. 81.

«Американцы не имеют своей собственной философской школы и очень мало интересуются теми школами, представители которых соперничают друг с другом в Европе; они едва ли знают их названия и имена.

Между тем вполне очевидно, что почти все жители Соединенных Штатов имеют сходные принципы мышления и управляют своей умственной деятельностью в соответствии с одними и теми же правилами; то есть, не дав себе труда установить эти правила, они обладают определенным, всеми признанным философским методом.

Отсутствие склонности к предустановленному порядку, умение избегать ярма привычек и зависимости от прописных истин касательно проблем семейной жизни, от классовых предрасудков, а до определенного предела и от предрассудков национальных; отношение к традициям лишь как к сведениям, а к реальным фактам не иначе, как к полезному уроку, помогающему делать что-либо иным образом и лучше; индивидуальная способность искать в самих себе единственный смысл всего сущего; стремление добиваться результатов, не сковывая себя разборчивостью в средствах их достижения, и умение видеть суть явлений, не обращая внимания на формы, – таковы основные черты, характеризующие то, что я называю философским методом американцев.

Если идти дальше и из этих различных черт выбрать одну основную, причем такую, которая могла бы обобщить почти все остальные особенности, я бы сказал, что умственная деятельность всякого американца большей частью определяется индивидуальными усилиями его разума»¹.

Токвиль видел в «философском методе американцев» нечто вроде стихийного картезианства, что, впрочем, было не слишком удачной попыткой² соотнести американские реалии с одной из европейских философских традиций. Рано или поздно из такого «философского метода» должно было вырасти вполне оригинальное учение, которое затем развивалось в постоянном соотнесении с познавательной и преобразующей мир деятельностью. В отличие от Токвilia, Х. Ортега-и-Гассет уже *post factum* расставил акценты несколько иначе:

---

¹ Токвиль А. де. О демократии в Америке : пер. с франц. – Москва : Прогресс, 1992. – С. 319.

² Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. – Москва : Высшая школа, 1989. – С. 4.

«С обаятельным цинизмом, свойственным «янки», как и любому новому народу ..., североамериканский прагматизм отважно провозгласил тезис: “Нет истины кроме практического успеха”. И с этим тезисом, столь же смелым, сколь и наивным, столь наивно смелым, северная часть американского континента вступила в тысячелетнюю историю философии»¹. Будучи явно пристрастным, испанский философ, несомненно, сумел вычленить национальную компоненту в этой новой философии. Впрочем, в контексте, о котором высказывается Ортега, именно о философской системе можно говорить с большой натяжкой. Прагматизм слишком внутренне неоднороден, чтобы его можно было рассматривать в качестве систематизированной философии². Скорее, это паттерн мышления и отношения к миру, нечто само собой разумеющееся для американца, о чем он обычно даже не задумывается, подобно мольеровскому Журдену, которому на протяжении сорока лет было невдомек, что изъясняется прозой. Более чем уместной представляется метафора Хилари и Рут Анны Патнэм, назвавших прагматизм «образом жизни».³

Вне всякого сомнения, чикагскую социальную науку можно считать прагматистской в силу того, что она полностью разделяет исходные установки отцов-основателей прагматизма, которые видели миссию наук об обществе не только в производстве нового знания о социальных процессах и институтах, но и в способности внести важнейший вклад в решение животрепещущих проблем, с которыми общество сталкивается. Прагматизм чикагского извода самым ощутимым образом содействовал наполнению восходящей еще к Чарльзу Пирсу идеи о том, что знание – это не индивидуальный акт «отражения» реальности, но социальный процесс⁴. Через интеракционистскую (трансакционистскую) теорию истины Джона Дьюи этот постулат становится одним из методологических оснований чикагских социологической и политологической школ.

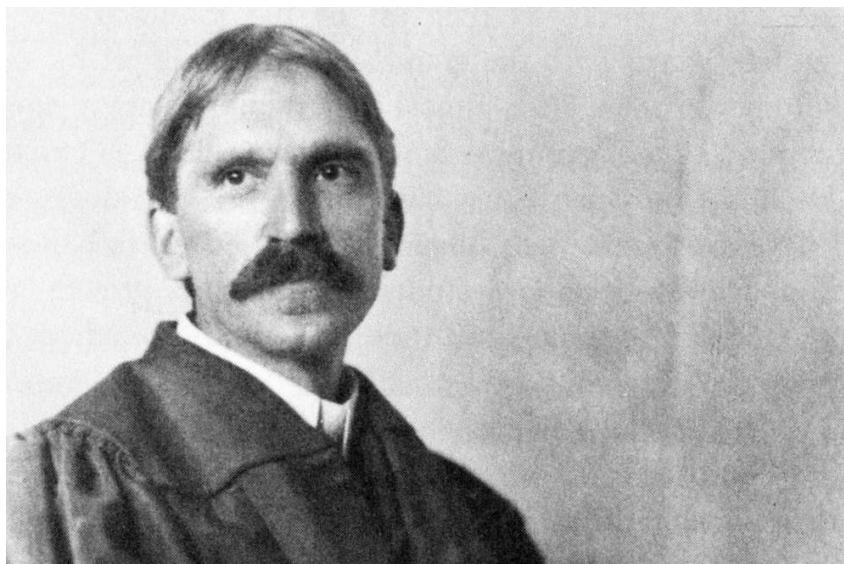
¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? : пер. с исп. – Москва : Наука, 1991. – С. 68.

² Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. – Москва : Канон+, 2010. – С. 488.

³ Putnam H., Putnam R.A. Pragmatism as a way of life: The lasting legacy of William James and John Dewey. – Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. – 496 p.

⁴ Menand L. The Metaphysical club. – New York : Farrar, Straus, and Giroux, 2001. – P. 199–200.

Влияние Дьюи на развитие социальных исследований в Чикагском университете в первой половине XX в. не ограничивалось только его собственной, несомненно выдающейся исследовательской и педагогической активностью в десятилетний чикагский период (1894–1904), а мультилицировалось многими коллегами и студентами. В отличие от индивидуальных вкладов Ч. Пирса и У. Джеймса в фундамент философского прагматизма, Дьюи в Чикаго¹ фактически создает школу философской и социальной мысли, чьи идеи имеют существенные отличия от первоначальных прагматистских подходов². Центральную роль в этой версии прагматизма играет человеческая деятельность, предопределяющая как многообразные процессы, методы и результаты научного познания (ключевой аспект логики и эпистемологии Пирса), так и эмоции, ценности и субъективные представления (приоритет для Джеймса с его упором на психологию).

Джон Дьюи (1902)

---

¹ Не следует забывать, однако, что новый существенный вклад в развитие прагматизма внесли работы Дьюи, опубликованные уже в послечикагский период.

² Rucker D. The Chicago pragmatists: Dewey, Ames, Angell, Mead, Tufts, Moore. – Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1969. – P. VI.

Конечно, для научно-образовательного сообщества Чикагского университета речь не шла о регулярном подтверждении лояльности философии прагматизма. По мере необходимости те или иные аспекты символического интеракционизма, психологического функционализма, бихевиорализма и т.д. соотносились с идеями Дьюи, Джеймса, Пирса, других прагматистов, но в систематической сверке потребности, как правило, не возникало. Например, Г. Лассуэлл лишь на склоне лет счел нужным акцентировать, что философской и методологической основой его вклада в политические исследования была адаптация прагматизма Дьюи и его последователей¹. Прагматизм в этом смысле можно сравнить с внешним слоем атмосферы, внутри которого скрыты еще несколько атмосферных слоев, каждый – со своими качественными особенностями.

В области психологии самая значимая работа Дьюи, предлагающая новую интерпретацию понятия рефлекторной дуги², была опубликована в 1896 г. Она не только придала мощнейший импульс развитию функционалистского направления в психологии, но и оказала существенное влияние на смежные дисциплины, включая социальную психологию, социологию и политическую науку³. Дальнейшее развитие функционализма в психологии было в значительной мере связано с деятельностью Дж.Р. Энджелла, который работал вместе с Дьюи еще в Мичиганском университете, последовал за ним в Чикаго, а в 1905 г., уже после отъезда Дьюи, стал деканом вновь созданного факультета психологии Чикагского университета.

Многогранность научной и общественной активности Дьюи в период работы в Чикагском университете, далеко выходившей за рамки руководства департаментом философии и психологии, также способствовала структурированию сети adeptов прагматизма на берегах озера Мичиган. В Чикаго Дьюи делал новые важные шаги как реформатор в педагогике, и это привлекало к нему вни-

---

¹ Lasswell H.D. A pre-view of policy sciences. – New York : American Elsevier, 1971. – P. XIII–XIV.

² Дьюи Дж. Понятие рефлекторной дуги в психологии // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сб. переводов ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва : Издательство ИНИОН РАН, 2010. – С. 70–83.

³ В частности, эта статья Дьюи оказала сильное влияние на научное творчество Г. Лассуэлла (см.: Dunn W.N. Pragmatism and the origins of the policy sciences. Rediscovering Lasswell and the Chicago school. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 10–15).

мание не только коллег по кампусу, но, в сущности, всей Америки. В 1896 г. Дьюи основал экспериментальные школы (Laboratory Schools) при Чикагском университете, в которых обучались дети от 4 до 13 лет. Это был крупномасштабный эксперимент воплощения базовых принципов прагматизма в сфере дошкольного и школьного образования. Накапливая практический опыт реализации идеи о том, что развитие ребенка и его подготовка к жизни в обществе есть основное мерило воспитательного процесса, Дьюи продолжал совершенствовать свое педагогическое учение¹. Одновременно его проекты резонировали с другими чикагскими социальными инициативами конца «позолоченного века» и начала прогрессивной эры, прежде всего с сеттльментом Халл-Хаус. Дьюи пригласил Джейн Аддамс преподавать у него в качестве адъюнкт-профессора. В свою очередь, сам он регулярно бывал в Халл-Хаусе, причем даже после того, как уехал из Чикаго и начал преподавать в Колумбийском университете.

Со временем первоначальная поддержка со стороны президента университета Харпера, которая была очень важна для реализации педагогических инициатив Дьюи, переросла в затяжное противостояние. Харпер, сам предрасположенный к экспериментированию, моментально оценил всю перспективность проекта Laboratory schools и его значение для реформирования школьного образования в Соединенных Штатах. Успех этих школ Харпер рассматривал как один из главных триумфов своего президентства в Чикагском университете². Однако финансовые трудности экспериментальных школ давали Харперу повод для усиления контроля над учебным процессом и, следовательно, к определенному ограничению свободы действий Дьюи. Последний, в свою очередь, высказывался все более критически в отношении общей политики президента и Попечительского совета, полагая необходимым преодолеть жесткую иерархичность и усилить демократические начала в системе управления университетом и его факультетами. Напряженность в отношениях Харпера и Дьюи нарастала. Разрыв корифея американского прагматизма с Чикагским университетом в 1904 г. спровоцировал отказ Харпера

¹ Книга «Школа и общество», опубликованная в 1899 г., принесла Дьюи всемирную известность как педагогу-реформатору (см.: Дьюи Дж. Школа и общество : пер. с англ. – Изд. 3, стереотип. – Москва : УРСС, 2023. – 168 с.). Основу книги составили переработанные тексты лекций Дьюи, слушателями которых были родители детей, учившихся в его экспериментальных школах, а также более широкий круг людей, заинтересованных в знакомстве с его новаторскими подходами.

² Goodspeed T.W. William Rainey Harper. First president of the University of Chicago. – Chicago : University of Chicago Press, 1928. – P. 183.

назначить супругу Дьюи, Элис, руководителем школы-лаборатории. Своеобразный итог всей чикагской активности Дьюи подвел Уильям Джеймс, писавший в конце 1903 г.:

«Чикагский университет в течение последних шести месяцев дал плоды после десятилетнего созревания под руководством Джона Дьюи. Результат замечательный – настоящая школа и настоящая мысль... Здесь [в Гарварде] мы имеем мысль, но не школу. В Йеле есть школа, но нет мысли. В Чикаго есть и то, и другое»¹.

Отъезд Дьюи не привел к подрыву лидирующих позиций прагматизма в среде социальных исследователей, работавших в разных департаментах университета. Можно сказать, что Чикагский университет оставался доменом дьювианского прагматизма вплоть до конца 1930-х годов, т.е. на протяжении всего периода максимальных достижений социологической и политологической школ, которым посвящена наша монография. Таблица кроссдисциплинарных пересечений в научной и образовательной деятельности лидирующих фигур Чикагского университета в областях философии, психологии, социологии, экономики, политической науки наглядно демонстрирует единство в многообразии прагматистского домена в «городе ветров».

Удачные обстоятельства времени и места, щедрое и в целом обоснованное финансирование, множественные связи с городскими сообществами и федеральной властью, творческий импульс дьювианского прагматизма, широкая свобода научного поиска, почти не ограниченная социальными предрассудками и корпоративными барьерами, сыграли важнейшую роль в том, что в перечне из полусотни важнейших достижений социальных наук в период с 1900 по 1980 г., составленном группой исследователей под руководством К. Дойча, 36% приходится на Чикагский университет в период между 1910 и 1938 гг.² Концентрация и общенакучные эффекты этих достижений настолько значительны, что их едва ли возможно рассматривать лишь как совокупность индивидуальных вкладов нескольких мыслителей, оказывавших значительное влияние друг на друга. Здесь, очевидно, уместно говорить о феномене формирования нескольких научных школ, объединенных общими установками и фундаментальными идеями прагматизма.

---

¹ The letters of William James. – Boston : Atlantic Monthly Press, 1920. – Vol. 2. – P. 201.

² Advances in the social sciences, 1900–1980: What, who, where, how? / Deutsch K., Markovits A., Platt J., eds. – Lanham, MD : University Press of America, 1986. – 460 p.

Таблица 2

Кроссдисциплинарные пересечения в деятельности
ведущих социальных мыслителей Чикагского университета
в конце XIX – первой половине XX в.*

Исследователь	Дисциплина	Период активности в Чикагском университете	Идейно-философское влияние	Персональное влияние
Дж. Дьюи	философия, психология, образование	1894–1904	прагматизм	Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж.Г. Мид
Дж.Г. Мид	философия, психология, образование, социология	1894–1931	прагматизм	Д. Ройс, Дж. Дьюи, Дж. Аддамс
Ч. Мерриам	политическая наука, социология	1900–1940	логический эмпиризм, прагматизм	У. Даннинг, Э. Селигмен, Дж. Дьюи
Р. Парк	социология, журналистика	1914–1933	прагматизм	У. Джеймс, Дж. Дьюи
Г. Блумер	социология, социальная психология	1927–1952	прагматизм	Дж.Г. Мид, Р. Парк
У.А. Томас	социология, психология, антропология	1895–1920	прагматизм	Дж. Дьюи, Дж.Г. Мид, Ч. Кули, Ф. Знанецкий
Г. Лассуэлл	политическая наука, психология, социология	1922–1938	прагматизм, психоанализ	Ч. Мерриам, Дж. Дьюи, Р. Парк
Г. Саймон	политическая наука, экономика, искусственный интеллект	1933–1943	логический эмпиризм, прагматизм	Ч. Барнард, Ч. Мерриам, Р. Парк
Ф. Найт	экономика, философия	1929–1955	прагматизм	Дж. Дьюи, Л.Л. Тёрстоун
Дж.Х. Тафтс	психология, философия	1892–1930	прагматизм	У. Джеймс, Дж. Дьюи
Дж.Р. Энджелл	психология, философия	1895–1921	прагматизм	У. Джеймс, Дж. Дьюи
Т. Веблен	экономика, социология	1892–1909	прагматизм	Ч. Пирс, Дж. Дьюи, Ф. Баос
Р. Редфилд	антропология, социология, философия	1925–1958	прагматизм	Р. Парк
Г. Госнелл	политическая наука	1922–1941	прагматизм	Ч. Мерриам, Р. Парк, У. Огборн, Л.Л. Тёрстоун

* При составлении таблицы использовались материалы: Dunn W.N. Pragmatism and the origins of the policy sciences. Rediscovering Lasswell and the Chicago school. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 20–21. Разумеется, в характеристике дисциплинарной специализации есть доля условности, поскольку вклад многих из этих мыслителей был сделан и в другие отрасли социального знания; также имеются в виду лишь основные идеиные и персональные влияния, которыми не исчерпывается интеллектуальная биография чикагских социальных ученых.

Колыбель научных школ

Этап становления и бурного роста Чикагского университета в основном завершился со смертью его первого президента У.Р. Харпера в 1906 г. Харпер сумел добиться того, что новый университет сумел занять одну из лидирующих позиций в системе высшего образования Соединенных Штатов. Оборотной стороной жесткого лидерства Харпера стало расставание с университетом звезд первой величины – Дьюи и Веблена. Однако их уход не привел к необратимым последствиям для социально-гуманитарных факультетов. Совокупность факторов, способствовавших формированию научных школ, продолжала действовать. При этом специальной задачи создания новой научной школы в той или иной отрасли социально-гуманитарного знания в Чикагском университете не ставилось. Более того, само понятие «школа мысли» с его сколастическими коннотациями долгое время в этом университете, ориентирующемся на производство практического знания, большой популярностью не пользовалось.

Разумеется, термин «научная школа» имеет множество интерпретаций, что получило отражение и в дискуссиях о школах социологии и политической науки в Чикагском университете. Жесткая привязка феномена научной школы к допарадигмальной науке в данном случае, скорее, затеняет суть дела, хотя о наличии парадигм в куновском смысле в социологии или политической науке начала XX в. говорить можно с большой осторожностью. Поэтому имеет смысл сформулировать наше понимание научной школы в контексте основной темы этой монографии. Речь идет о научном сообществе, сформировавшемся на определенной институциональной основе вокруг интеллектуального лидера, чьи идеи, деятельность, организационные качества и – в меньшей степени – статус в научной иерархии определяют идентичность и стабильность данного сообщества, которое демонстрирует способность к самовоспроизведению на протяжении периода активности нескольких исследовательских поколений. Наряду с личностным фактором формирование и продуктивность научной школы определяет принципиальная общность научных взглядов, этических принципов, нормативных установок и теоретико-методологических подходов, не исключающая при этом вариативность, связанную с предметной спецификой конкретных исследований, проводимых различными представителями данной школы, а также их оригинальным вкладом в дальнейшую разработку основной и побочной

тематики. Избегая инфляционного использования термина «смена парадигмы», мы связываем с возникновением и развитием новой научной школы нарушение исходного *status-quo* в одной или нескольких отраслях знания.

В становлении научных школ в Чикагском университете даже в близких друг другу дисциплинах не было синхронности. Во-первых, многие дисциплины, в том числе политическая наука и социология, были еще сравнительно молодыми, не до конца сформированными в плане четкого определения своей предметной области. Социология в начале 1890-х годов лишь начала делать первые шаги как институционализированная отрасль научного знания. Во-вторых, применительно к Чикаго можно сказать, что быстро меняющаяся социальная реальность требовала использования тех методологических подходов и исследовательских инструментов, которых еще не было в наличии. Способность лидирующих фигур и персонала социально-гуманитарных факультетов Чикагского университета быстро откликнуться на эти потребности была одной из главных движущих сил консолидации новых исследовательских направлений. Но здесь корректирующее влияние оказывали и личностные факторы, связанные с масштабом персональных амбиций президентов университета и руководителей факультетов. Свою роль играли и неожиданные повороты судьбы отдельных мыслителей, которые вносили важнейший вклад в развитие той или иной отрасли знания.

Факультет (департамент) политической науки был создан в 1892 г. Руководить им был приглашен историк и специалист по международному праву Гарри Пратт Джадсон (1849–1927). Факультет при нем в основном следовал в своем развитии аналогам в университетах восточного побережья. Но при этом Джадсон все больше втягивался в вопросы организации учебного процесса и управления на уровне университета, своей склонностью к системной работе удачно дополняя экспансивный стиль Харпера. Когда стало известно о неизлечимой болезни последнего, Джадсон фактически взял бразды правления университетом в свои руки. Он исполнял обязанности президента университета после смерти Харпера, а в 1907 г. был официально назначен на эту должность, которую занимал до 1923 г. Джадсон был близок к Рокфеллеру, но, в отличие от Харпера, именно он сумел сбалансировать бюджет университета в течение первых двух лет своего президентства. Можно сказать, что именно при Джадсоне университет перешел от быстрого расширения к органическому росту.

Став президентом университета, Джадсон продолжал оставаться формальным руководителем факультета политической науки. К началу 1910-х годов самой яркой фигурой факультета уже был Чарльз Мерриам, но блокирующее влияние Джадсона сильно сказывалось на динамике развития этого научно-образовательного подразделения. Сам Мерриам еще не сделал окончательного выбора между профессиональной политикой и ее профессиональным исследованием. Лишь в начале следующего десятилетия, осознав бесперспективность ставки на политическую карьеру, Мерриам выступил с программой обновления политического знания (подробнее см. гл. 9).

Траектория развития социологического знания в Чикагском университете была иной. Профильный факультет также был основан в 1892 г. – это был первый социологический факультет не только в Америке, но и в мире. На европейском континенте первый социологический факультет был создан Э. Дюркгеймом в университете Бордо только в 1895 г. Первоначально Харпер вел переговоры относительно руководства факультетом, дисциплинарная направленность которого могла охватывать социологию, экономику и политическую науку, с Ричардом Эли, ведущим исследователем в области политической экономии и одним из будущих лидеров прогрессивного движения¹. Если бы эти переговоры увенчались успехом, то развитие социальных дисциплин в «городе ветров» пошло бы по какому-то иному пути. Однако помимо расхождений в вопросе об оплате труда Харпер не смог гарантировать Эли свободы рук в подборе преподавателей нового факультета.

Когда стало ясно, что переговоры с Эли едва ли окажутся успешными, Харпер начал переписку с историком Альбионом Смоллом (1854–1926), в тот момент президентом Колби-колледжа – небольшого баптистского университета в г. Утервилл в штате Мэн. Смолл четко сформулировал Харперу главное пожелание – он хочет посвятить остаток своей жизни организации факультета социологии, какого прежде не существовало ни в одном из университетов². И хотя основная программа обучения на этом факультете, как ее видел Смолл в 1892 г., с современных позиций может быть охарактеризована как протосоциологическая, все же предпо-

---

¹ Diner S.J. Department and discipline: The department of sociology at the University of Chicago, 1892–1920 // Minerva. – 1975. – N 13. – P. 515.

² Op.cit. – P. 517.

лагалось сделать важнейший шаг в институциональном развитии социологии как научной дисциплины.

Остальные условия Смолла были намного более умеренными; он соглашался и с возможностью вмешательства Харпера в подбор преподавателей и сотрудников факультета (впоследствии это происходило неоднократно). В результате именно Смолл был приглашен в Чикаго, но факультет все же не стал монодисциплинарным, получив официальное название факультета социологии и антропологии. Отдельный факультет антропологии был создан в Чикагском университете только в 1929 г.

Социологический и политологический факультеты довольно долго оставались весьма компактными, в каждом – по четыре полных профессорских ставки и небольшое количество позиций адъюнкт-профессоров и ассистентов. Фактически Альбион Смолл начинал развивать свой факультет как *социологический* едва ли не в одиночку. Тем не менее именно он был пионером в создании учебника социологии (соавтором Смолла стал один из первых аспирантов факультета Дж. Винсент)¹. В 1895 г. Смолл при поддержке Харпера учредил первый в Соединенных Штатах социологический журнал – *American Journal of Sociology* (продолжая аналогию с Европой: Дюркгейм основал первый во Франции социологический журнал *L'Année Sociologique* три года спустя, в 1898 г.).

Наставая на особом институциональном статусе факультета социологии, Смолл ориентировал преподавателей и студентов на широкое междисциплинарное взаимодействие, в первую очередь потому, что видел одну из главных задач социологии в накоплении и синтезе данных, предоставляемых другими научными дисциплинами. Поощрялось посещение студентами учебных курсов, которые читались на других факультетах социально-гуманитарного профиля. В мировоззренческом отношении на факультете доминировал дьювианский pragmatism, причем весьма сильным было и персональное влияние Дьюи и особенно Мида.

---

¹ Small A.W., Vincent G.E. An introduction to the study of society. – New York ; Cincinnati ; Chicago : American Book Company, 1894. – 384 p.

Альбион Смолл

Соглашаясь с диктатом Харпера в кадровых вопросах, Смолл предпочитал гибкую тактику в сфере административного руководства. Поскольку его главной целью было создание принципиально нового факультета, он явно благоволил продвижению молодых сотрудников, часть из которых готовили на факультете свои докторские диссертации. Одним из них был Дж. Винсент, ставший профессором социологии в 1904 г., но затем больше всего преуспевший в качестве академического администратора и ключевого функционера Фонда Рокфеллера. Восходящей звездой факультета был Уильям Айзек Томас (1863–1947). Томас считал себя в большей степени антропологом и не слишком высоко оценивал влияние, оказанное на него Смоллом¹. Тем не менее Смолл отдавал должное выдающемуся исследовательскому таланту Томаса, хотя и не форсировал его карьерный рост: звание полного профессора Томас получил только в 1910 г., на шесть лет позже Винсента.

После смерти Харпера Смолл обрел большую самостоятельность в кадровой политике; кроме того, несколько креатур Харпера достаточно быстро покинули факультет. По рекомендации Томаса Смолл одобрил приглашение на факультет в качестве преподавателя Роберта Парка в 1914 г. Начал ускоряться и процесс рекрутования преподавателей из числа выпускников и аспиран-

¹ Baker P.J. The life histories of W.I. Thomas and Robert E. Park // The American Journal of Sociology. – 1973. – Vol. 74, N 2. – P. 249.

тов самого факультета. Выбор был не маленьkim: с 1892 по 1920 г. на факультете было защищено 54 докторских диссертации – почти в три раза больше, чем на факультете политической науки. Так, например, выпускник факультета Эрнст Бёрджесс, защитивший в 1913 г. докторскую диссертацию и затем три года преподававший в разных университетах, вернулся в свою *alma mater*, где уже в следующем десятилетии стал одним из столпов сформировавшейся социологической школы.

На протяжении большей части 1910-х годов основные научные достижения факультета социологии были связаны с исследовательской активностью У. Томаса, прежде всего с его проектом изучения городских общин мигрантов из Восточной Европы. В конечном счете Томас сосредоточился на самой крупной из таких общин – поляках, а после нескольких поездок в Польшу он привлек в свой проект философа Флориана Знанецкого. Результатом их сотрудничества стал фундаментальный труд «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹, теоретико-методологические установки которого оказали сильное влияние на процесс консолидации Чикагской школы социологии². Вполне возможно, что и сам Томас с его харизматическими качествами мог стать стержневой фигурой, вокруг которой предстояло сформироваться новому исследовательскому направлению.

Однако здесь все изменила скандальная история, приведшая к увольнению Томаса из университета и едва ли не к краху всей его научной карьеры³. Хотя образ жизни и темперамент Томаса были далеки от стереотипа ученого, предающегося абстрактным размышлением в «башне из слоновой кости», его изгнание показало, что и чикагское преподавательское сообщество не свободно от

---

¹ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America : 5 vols. – Boston : Badger, 1918–1920.

² Стоит отметить, что оценка этого труда в качестве основы политической идентичности Чикагской школы социологии 1920–1930-х годов – утверждение слишком сильное (см.: Рождественская Е., Семенова В. «Польский крестьянин в Европе и Америке»: социально-политические, биографические и научные контексты // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 263). Если ставить вопрос таким образом, то, очевидно, необходимо принимать во внимание более широкую совокупность факторов и идейных влияний, в числе которых общие установки прогрессивизма, и политическая философия Дьюи, и месседж социального евангелизма.

³ Подробнее см.: Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. – Москва : Норма, 2006. – С. 478–480.

зависти, интриг, страха испортить репутацию, защищая человека, якобы нарушившего устои общественной морали. Во всяком случае усилий Альбиона Смолла оказалось недостаточно, чтобы сократить Томаса для факультета. Что же касается президента университета Джадсона, то он явно принял сторону гонителей. По оценке Л. Козера, увольнение Томаса «представляет собой одну из позорных глав в истории американских университетов»¹.

И все же первая четверть века существования факультета социологии и антропологии Чикагского университета с полным основанием может рассматриваться как период накопления опыта и преимуществ, обеспечивших настоящий научный прорыв в 1920–1930-е годы. Первым преимуществом, безусловно, была ранняя дисциплинарная институционализация и самостоятельный статус среди научно-образовательных подразделений Чикагского университета. Значение институционального фактора хорошо иллюстрирует М. Балмер. По его оценке, на рубеже XIX–XX вв. было всего шесть социальных ученых, которых можно назвать отцами-основателями американской социологии, – Л. Уорд, У.Г. Самнер, Ф. Гиддингс, Э. Росс, Ч.Х. Кули и А. Смолл². Собственные идеи последнего были, возможно, наименее оригинальными и во многом представляли собой попытку перенести в Новый Свет социально-научные подходы Г. Зиммеля и ряда других немецких мыслителей, но только Смолл сумел обеспечить формирование научной школы.

Смолл сделал все необходимое для появления Чикагской школы социологии, но не стал ее лидером. С его именем не связана жесткая привязка к какому-либо унитарному видению предмета, теоретических оснований и методов социального познания. Во времена Смолла факультет социологии и антропологии давал достаточно простора для научного творчества своих сотрудников. Впрочем, сам «город ветров» был поистине идеальной площадкой для развития того, что Ч.Р. Миллс впоследствии назовет «социологическим воображением». Не случайно Макс Вебер, побывавший в Чикаго в 1904 г., сравнивал этот громадный город с человеком, с которого стянули кожу и работу внутренних органов которого

---

¹ Козер Л. Мастера социологической мысли. – С. 478.

² Bulmer M. The Chicago school of sociology. Institutionalization, diversity and the rise of sociological research. – Chicago : The University of Chicago Press, 1984. – P. 8.

можно наблюдать воочию¹. Связи между городом и университетским кампусом были тесными, как нигде. Большинство старых университетов Лиги плюща располагалось в идиллических маленьких городках или изолированных пригородах, где слабо чувствовались ритмы нового урбанизма. В Чикаго все было иначе. С самого начала существования Чикагского университета вовлеченность преподавателей, а затем и студентов в изучение и решение городских проблем всячески поощрялась. Приобщение к социальной работе в городе было также одной из установок баптистской деноминации и представляющих ее членов Попечительского совета Чикагского университета.

Все это давало университетскому сообществу ценнейший опыт непосредственного наблюдения. Более того, для прогрессивной эры была характерна установка не только на наблюдение, но и на улучшение работы социального организма. Идеалом было получение практического знания и его максимально быстрое использование в целях социальных преобразований. Это, несомненно, создавало ощущение особой миссии научно-образовательной деятельности, формировало соответствующие этические принципы. Но на каком-то этапе подчеркнутая ориентация на излечение общественных язв могла превращаться и в препону на пути более комплексного познания человека и социума. Можно высказать предположение, что для расцвета социологической и политологической школ потребовалась неполнная смена поколений, когда уже был пройден пик активности ученых-прогрессивистов, готовых от социально-философской рефлексии быстро переходить к непосредственному участию в решении масштабных общественных и политических задач (таковы были Д. Дьюи, Дж. Аддамс, С. Бренкенридж, отчасти – Дж.Г. Мид, а также Ч. Мерриам, несколько раз баллотировавшийся на пост мэра Чикаго). Очевидно, наряду с этим типом ученых должна была сформироваться когорта их последователей и продолжателей, впитавших идеалы прогрессивной эры и готовых вносить вклад в решение социальных проблем, но в первую очередь в качестве преподавателей, исследователей и экспертов, производящих эмпирически ориентированное научное знание. Как правило, это поколение социальных мыслителей не стремилось к созданию новых теоретических систем и во главу угла ставило анализ и интерпретацию фактических данных. Уже в

---

¹ Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера. – Москва : РОССПЭН, 2007. – С. 250.

1940-е годы Э. Фэррис констатировал окончание моды на то, «чтобы каждый социолог был отцом новой школы мышления»¹. Впрочем, к этому добавлялось и разочарование в социально-политических результатах прогрессивной эры².

Соответственно, если мы вернемся к теме цикличности, то в случае социологической и политологической школ в Чикагском университете можно отметить примерно совпадающее с закатом прогрессивной эры и консервативной паузой 1920-х годов движение исследовательской мысли «вглубь», позволяющее детально изучить отдельные социально-политические феномены или даже заложить основы новых субдисциплин, таких как человеческая экология или социология города. В свою очередь это накопленное, эмпирически ориентированное знание окажется более социально востребованным уже в новом историческом цикле, охватывающем Великую депрессию, Новый курс Рузвельта, Вторую мировую войну, и быстро получит распространение в Америке и за ее пределами.

---

¹ Цит. по: Шацкий Е. История социологической мысли. — Москва : НЛО, 2006. – Т. 2. – С. 90.

² В частности, Дж.Г. Мид в 1919 г. с горечью писал о «банкротстве» социальных преобразований в Чикаго на фоне новой волны забастовок и расовых конфликтов (см.: Feffer A. The Chicago pragmatists and American progressivism. – Ithaca : Cornell University Press, 1993. – Р. 1).

Часть I.

**ЧИКАГСКАЯ ПРАГМАТИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВА В ДЕЙСТВИИ**

Глава 1

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЧИКАГСКОЙ СОЦИОЛОГИИ^{*}

В истории научного знания бывают поистине прорывные вехи. Первые десятилетия XX в. ознаменовались стремительным и мощным взлетом и развитием социальных наук и, шире, знания о человеке в Чикагском университете. Они подарили нам целую плеяду ярких ученых и мыслителей сразу в нескольких областях знания – философии, социологии, антропологии, политической науке, экономике, психологии, криминологии.

Одна из ярчайших звезд в этом созвездии достижений – Чикагская школа социологии, открывавшая не прерывавшуюся (в каком-то смысле) с тех пор чикагскую социологическую традицию и до сих пор привлекающая к себе живой интерес¹. Наследие

---

* Впервые опубликовано в качестве предисловия к сборнику: Чикагская школа социологии : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. Николаев В.Г. ; отв. ред. Ефременко Д.В. – Москва, 2015. – С. 5–17.

Сформировалась обширная литература, посвященная Чикагской школе. Наиболее представительная подборка критических работ о ней содержится в: Chicago sociology: Critical assessments : 4 vols. / Plummer K. (ed.). – London : Routledge, 1997. Емкий общий обзор и аннотированную библиографию см.: Kurtz L.R. Evaluating Chicago sociology: A guide to the literature, with an annotated bibliography. – Chicago : University of Chicago Press, 1984. Другие важные публикации: Abbott A. Department and discipline: Chicago sociology at one hundred. – Chicago : University of Chicago Press, 1999; Carey J.T. Sociology and public affairs: The Chicago school. – Beverly Hills : Sage Publications Inc., 1975; Faris R.E.L. Chicago sociology: 1920–1932. – Chicago : University of Chicago Press, 1967; Harvey L. Myths of the Chicago school of sociology. – Aldershot : Avebury, 1987; Hinkle R.C. Developments in American sociological theory, 1915–1950. – Albany : State University of New York Press, 1994; Lewis D.J., Smith R.L. American sociology and Pragmatism: Mead, Chicago sociology and symbolic interactionism. – Chicago : University of Chicago Press, 1980; Matthews F. Quest for an American sociology: Robert E. Park

этой школы значимо не только важными вкладами в социологическую теорию, но и богатым опытом эмпирических исследований¹.

С «золотого века» чикагской социологии, охватывающего период с середины 1910-х до середины 1930-х годов, начинается в известном смысле современная американская социология и, поскольку облик социологии после Первой мировой войны определялся прежде всего тем, что происходило на американской сцене, современная социология как таковая.

Ни перед лидером школы Р.Э. Парком, ни перед его коллегами по факультету социологии и антропологии Чикагского университета² не стояло задачи создать какую-то особую школу³. Они развивали социологию как таковую, понимая, что она должна стать эмпирической (натуралистической) наукой, соответствующей критериям научности, как они тогда понимались. В начале XX в. ни в Америке, ни в Европе таковой не было. С одной стороны, сложилась традиция проблемно ориентированных любительских соци-

---

and the Chicago school. – Montreal : McGill-Queen's, 1977; Smith D. The Chicago school: A liberal critique of capitalism. – London : Macmillan, 1988; The tradition of the Chicago school of sociology / Tomasi L. (ed.). – Aldershot etc. : Ashgate, 1998. См. также публикации на русском языке: Баньковская С.П. Роберт Парк. Эрнст Бёрджесс // Современная американская социология / под ред. В.И. Добренькова. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – С. 3–32; Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 18–55. Имеются также отдельные статьи о Р.Э. Парке, Дж.Г. Миде, Л. Вирте, Э.Ч. Хьюзе, Р. Редфилде, Г. Блумере, Л. Эдвардсе и др.

¹ См. особенно: Bulmer M. The Chicago school of sociology: Institutionalization, diversity, and the rise of sociological research. – Chicago : University of Chicago Press, 1984; Platt J. A history of sociological research methods in America, 1920–1960. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

² На факультете работали не только социологи, но и антропологи, причем очень известные и влиятельные – Э. Сепир, Р. Редфилд.

³ Осознание этого научно-исследовательского образования (движения) как школы пришло позже, в ходе внутрифакультетских дискуссий, развернувшихся среди чикагских социологов после Второй мировой войны по поводу природы и своеобразия их наследия и научной идентичности. См.: Abbott A. Department and discipline... В Америке единственное более раннее упоминание «Чикагской школы» (слово «школа» еще было заключено в кавычки) появилось в небольшой статье Х.У. Зорбо: Zorbaugh H. Sociology in the clinic // Journal of educational sociology. – 1939. – Vol. 12, N 6. – P. 344–351. Однако в Европе такое упоминание обнаруживается в более раннем тексте – статье М. Хальбвакса в «Анналах», опубликованной в начале 1932 г. (подробнее см. заключительный раздел «Вместо эпилога: судьба двух школ»).

альных обследований, не ставящих собственно научных задач и не вписанных в какие-либо теоретические перспективы (в Чикаго она была представлена, например, обследованиями сотрудниц Халл-Хауса¹). С другой стороны, были многочисленные теории спекулятивного характера, не соотнесенные с эмпирическими исследованиями. Эти две линии развития существовали порознь, независимо друг от друга, и их нужно было как-то соединить. Разные теоретические позиции, существовавшие параллельно и обособленно, нужно было как-то соотнести; идеи полипарадигмальности и теоретического плюрализма были чужды этой эпохе. Сборку единой науки из разрозненных эмпирических и теоретических компонентов мы и находим в социологии Чикагской школы.

Нередко эта сборка характеризуется как «эклектическая». Но подобная оценка вряд ли справедлива. Отчасти она является проекцией в прошлое тех политических размежеваний и конфликтов между «школами», «подходами», «парадигмами» и «направлениями», которые возникли уже после чикагцев и не были фоном для их научной работы. Более того, чикагская социология во многих отношениях предвосхищает лучшие поздние теоретические синтезы, образцовым примером которых служит теория Т. Парсонса².

---

¹ Hull-House maps and papers, a presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social conditions. – New York : Thomas Y. Crowell & Co., 1895. (Две главы из книги опубликованы в рус. переводе: Келли Ф. Потогонная система // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2020. – № 3. – С. 130–145; Аддамс Дж. Сettльмент как фактор рабочего движения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2020. – № 2. – С. 112–131.) О значимости этих исследований для Чикагской школы см.: Deegan M.J. Jane Addams and the men of the Chicago school, 1892–1918. – New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1988; Deegan M.J. Hull-House maps and papers: The birth of Chicago sociology // Plummer K. (ed.) Op. cit. – Vol. 2 : Theory, history and foundations. – P. 5–19.

² Чикагская социология, как и социологическая теория Парсонса, принципиально выстраивалась как многомерная, в противоположность различным видам редукционизма. Это принципиальное устройство фиксируется в тех предпосылках (или пресуппозициях), которые заложены в обоих случаях в базовую схему соотнесения (систему координат). Только у Парсонса в исходной системе координат, выстроенной в книге «Структура социального действия» (1937), нет антропологических предпосылок, и, соответственно, в социологии отсутствует сама тема человека, человеческой природы; он ограничивается решениями проблем действия и порядка. В чикагской же социологии, наряду со схожими решениями проблем действия и порядка, присутствуют заранее продуманные и принятые предпосылки относительно человеческой природы. В чикагском исполнении

В чикагской социологии, при всей ее пестроте, мы находим высокую степень внутренней связности и согласованности в базовых принципах, придающую вписанным в эту традицию текстам особую, уникальную окраску и позволяющую читать их как части общего интеллектуального предприятия.

Своей уникальной композицией чикагская социология 1920–1930-х годов обязана прежде всего Р.Э Парку, ее признанному интеллектуальному лидеру. Но не только ему. Идеи Парка развивались в тесной связке с проводимыми в эти годы исследованиями, и многие элементы общей теоретической рамки более детально и основательно прописаны не в его трудах, а в трудах его сподвижников. Сама эта рамка развивалась постепенно, по ходу дела, в ответ на проблемы и вызовы, возникавшие в процессе проведения исследований. Многие идеи возникали и прорабатывались в ходе дискуссий на университетских занятиях, очень непохожих (судя по воспоминаниям тех, кто в них участвовал) на учебные занятия, какими мы их знаем сегодня.

Общая теоретическая рамка, рассеянная по разным текстам Р.Э. Парка, Э.У. Бёрджесса, Л. Вирта и многих других авторов и придающая чикагской социологической традиции внутреннюю связность, может быть в общем виде охарактеризована как многомерная¹. Она опирается на достаточно отчетливо сформулированные допущения относительно природы человека, социального порядка, человеческого поведения/действия и социального взаимодействия. В соответствии с ними любое коллективное образование рассматривается как упорядоченное на нескольких уровнях: экологическом (и демографическом), экономическом, политическом, культурном, социально-психологическом. Каждый из этих порядков мыслился как предмет отдельной дисциплины, но целостное видение социального процесса предполагало совмещение знаний,

---

социология – это прежде всего наука о человеке. Кроме того, у чикагцев более объемно проработано соотнесение порядка (постоянства) и изменения, структуры и процесса; процессуальная сторона общества охватывается у них гораздо шире, чем у Парсонса (интеракционистская трактовка общества; более широкий спектр принимаемых во внимание и исследуемых социальных процессов, в том числе конкуренция, конфликт, война, социальные движения, массовое поведение, социальная и личностная дезорганизация и т.д.; одно из определений социологии – наука о «коллективном поведении»). Парсонсовская социология куда более статична, т.е. менее чувствительна к динамическим процессам и изменениям.

¹ Детальную ее реконструкцию можно найти в статье: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии...

полученных с разных дисциплинарных точек зрения; такое со-вмещение было задачей социологии как общей науки. Социология как специальная наука у чикагцев образовалась из суммы перспектив, не «занятых» утвердившимися академическими дисциплинами. В ее состав вошли *человеческая экология*, изучающая экологический порядок (позже из нее выделилась как отдельная дисциплина демография), *социальная психология*, изучающая культурные и социально-психологические факты (позже она превратилась в символический интеракционизм), а также *«социальная организация»*, сфокусированная на всестороннем синтетическом изучении различных институтов. Эти три науки стали специализациями на факультете социологии Чикагского университета, развивающимися каждая в своем русле. Соответственно, в рамках чикагской традиции сформировались и развивались несколько типов исследований, изначально связанных друг с другом общей теоретической рамкой, но позже разделившихся: экологические (включая демографические) исследования, интеракционистские социально-психологические исследования (имевшие в 1920-е годы во многом антропологический характер) и целый ряд близких по духу комплексных исследований различных групп и институтов (занятий и профессий, семьи, шаек, досуговых учреждений, расовых и этнических гетто, организованной преступности, выборов, газет и т.д.).

Социология мыслилась чикагцами как эмпирическая наука (настолько, что специальное занятие разработкой теории и методологии рассматривалось как бесплодное дело, не заслуживающее тряты времени и сил). Превращение социологии в эмпирическую науку было смоделировано Парком по образцу психологии, которая в XIX в. стала в полном смысле слова наукой благодаря утверждению в ней экспериментального метода и появлению лаборатории. В случае социологии своего рода лабораторией был признан город; проведения собственно экспериментов, однако, не требовалось, поскольку совместное существование людей само по себе виделось как эксперимент¹.

---

¹ Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – С. 29–43. Стоит добавить, что стратегия использования тех или иных конкретных объектов или полей как «лабораторий», т.е. для познания чего-то более масштабного и общего, этим не ограничивается и находит массу продолжений в работах сподвижников Парка, его учеников и отдаленных последователей: «народные общества» как лаборатории для изучения модернизационных процессов у Р. Редфилда; гостиница как

Так эмпирическая социология стала у чикагцев городской социологией. Программа эмпирических исследований была предложена Р.Э. Парком в его ранней большой статье «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде» (1915)¹. Корни многих знаменитых чикагских исследований 1920–1930-х годов обнаруживаются в тех или иных разделах этой работы. Большинство исследований проводилось в Чикаго как образцовом крупном современном американском городе, часть исследований – в других городах и даже не только в городах².

Поскольку быстроразвивающийся крупный современный город был не просто площадкой для проведения исследований, но и мыслился как арена, на которой развертываются все основные социальные процессы, в том числе специфически современные, и на которой все больше раскрывает и выражает себя человеческая природа, то городские исследования чикагцев всегда были в той или иной мере исследованиями общества как такового, современности и модернизации как таковых, человеческой природы как таковой³. В лучших их образцах ясно и недвусмысленно присутствовали эти акценты.

лаборатория для изучения свойств современного города как такового у Н. Хейнера; гетто как лаборатория для изучения общих характеристик целого класса городских сообществ и районов у Л. Вирта; занятия и профессии как лабораторные образцы для изучения работы, человеческой природы и человеческого поведения у Э. Хьюза; психиатрическая больница как лаборатория для изучения тотальных институтов, институтов вообще и их влияния на человеческие «Я» и человеческие карьеры у Э. Гоффмана и т.п.

¹ См.: Парк Р.Э. Избранные очерки. – С. 19–56.

² Например, юкатанские и гватемальские исследования Р. Редфилда были выстроены в соотнесении с континуумом «народное–городское» и сфокусированы на изменениях, происходящих в народных (традиционных) культурах под воздействием вторгающейся в них современности и урбанизма. См. главу о Редфилде в этой книге.

³ Как писал Р.Э. Парк, «в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается. В городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида – будь то преступник или попрошайка, равно как и гений – всегда найдет подходящую компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает. А в целом, все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение. Город

Чикаго 1920-х годов. Вид сверху

Эмпирические исследования чикагцев были ориентированы на тесную связь с практикой и были проблемно-сфокусированными. Так, исследования естественных ареалов, сообществ и соседств стали фундаментом для нового районирования Чикаго (во многом сохранившегося по сей день). Целый ряд исследований проводился в тесной связке с работой всевозможных комиссий (по расовым отношениям, по трудовым отношениям, по работе с детьми и подростками-правонарушителями и т.д.). Предполагалось, что социология не только может, но и должна приносить реальную и ощутимую пользу людям – как такую конкретную, так и, в более широком смысле, просветительскую.

Тематически это были очень разнообразные исследования. В них была широко представлена собственно городская тематика:

усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это привлекает, или даже притягивает, в город. И именно это делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» (Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория. – С. 42–43).

внутренняя структура города, городские сообщества, многообразие городских культурных миров и образов жизни. Сюда можно отнести исследования города как мозаики миров (Х.У. Зорбо, «Золотой берег и трущобы», 1929¹), еврейского гетто и прочих видов гетто (Л. Вирт, «Гетто», 1928²), негритянских сообществ (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго», 1922³), общины хлыстов (П. Янг, «Пилигримы Русского городка», 1932⁴) и т.д. Интенсивно исследовались всевозможные городские институты: семья (Э.Р. Маурер, «Семейная дезорганизация», 1927⁵; его же, «Семья: ее организация и дезорганизация», 1932⁶; Э.Ф. Фрейзер, «Негритянская семья в Чикаго», 1931⁷; работы Э.У. Бёрджесса, Л. Котрелла и др. о семье и браке⁸), занятия и профессии (Ф.Р. Донован, «Официантка», 1920⁹; ее же, «Продавщица», 1929¹⁰; Э.Ч. Хьюз, «Рост института: Чикагское агентство недвижимости», 1979 [1928]¹¹), газеты (Х.М. Хьюз,

---

¹ Zorbaugh H.W. *The Gold Coast and the slum*. – Chicago : University of Chicago Press, 1929. (Избранные главы в рус. переводе: Зорбо Х.У. Золотой берег и трущобы // Чикагская школа социологии : сб. переводов. – Москва, 2015. – С. 166–227.)

² Wirth L. *The ghetto*. – Chicago : University of Chicago Press, 1928. (Избранные главы в рус. переводе: Вирт Л. Гетто // Чикагская школа социологии : сб. переводов. – Москва, 2015. – С. 107–165.)

³ Johnson C.S. *The Negro in Chicago: A study of race relations and a race riot in 1919*. – Chicago : University of Chicago Press, 1922.

⁴ Young P.V. *The pilgrims of Russian town*. – Chicago : University of Chicago Press, 1932.

⁵ Mowrer E.R. *Family disorganization: An introduction to a sociological analysis*. – Chicago : University of Chicago Press, 1927. (Гл. 7 в рус. переводе: Маурер Э.Р. Социальные силы в дезорганизации семьи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2020. – № 4. – С. 137–161.)

⁶ Mowrer E.R. *The family: Its organization and disorganization*. – Chicago : University of Chicago Press, 1932. (Гл. 12 в рус. переводе: Маурер Э.Р. Меняющаяся семья // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 1. – С. 137–161.)

⁷ Frazier E.F. *The Negro family in Chicago*. – Chicago : University of Chicago Press, 1932.

⁸ В частности: Burgess E.W., Locke H.J. *The family: From institution to companionship*. – New York : American Book Co., 1945; Burgess E.W., Wallin P. *Engagement and marriage*. – Chicago : Lippincott, 1953.

⁹ Donovan F.R. *The woman who waits*. – Boston : Richard G. Badger, 1920.

¹⁰ Donovan F.R. *The saleslady*. – Chicago : University of Chicago Press, 1929.

¹¹ Hughes E.C. *The growth of an institution: The Chicago real estate board*. – Chicago : Arno Press, 1979.

«Новость и интересная история», 1940¹; Р.Э. Парк, «Иммигантская пресса и ее контроль», 1922²) и кино (исследования влияния кино на разные аспекты поведения горожан, 30-е годы³), гостиницы (Н.С. Хейнер, «Гостиничная жизнь», 1936⁴), танцевальные залы (П.Г. Кресси, «Таксидэнс-холл», 1932⁵) и др. Многочисленные работы были посвящены расовым отношениям, меньшинствам и национализму (Ч. Джонсон, Э.Ф. Фрейзер, Л. Вирт, Р.Э. Парк, Э.Б. Рейтер, Э.В. Стоунквист). В исследованиях чикагцев была обильно представлена криминологическая проблематика. Сюда относятся исследования преступности и молодежной делинквентности (К. Шоу и др., «Ареалы делинквентности», 1929⁶; К. Шоу, «Обирающий пьяных: История делинквентного подростка, рассказанная им самим», 1930⁷; К. Шоу, «Естественная история делинквентной карьеры», 1931⁸; К. Шоу и др., «Братья по преступлению», 1938⁹), шаек (Ф.М. Трэшер, «Шайка», 1927¹⁰), проститу-

---

¹ Hughes H.M. News and the human interest story. – Chicago : University of Chicago Press, 1940. (См. автореферат в рус. переводе: Хьюз Х.М. Новость и интересная история // Чикагская школа социологии : сб. переводов. – С. 401–429.)

² Park R.E. Immigrant press and its control. – New York ; London : Harper & Brothers, 1922.

³ Blumer H. Movies and conduct. – New York : Macmillan, 1933; Blumer H., Hauser P.M. Movies, delinquency and crime. – New York : Macmillan, 1933; Blumer H. Private monograph on movies and sex // Jowett G.S., Jarvie I.C., Fuller K.H. Children and the movies: Media influence and the Payne Fund controversy. – New York : Cambridge University Press, 1996. – P. 281–301.

⁴ Hayner N. Hotel life. – Chapel Hill, N.C. : University of North Carolina Press, 1936.

⁵ Cressey P.G. The taxi-dance hall. – Chicago : University of Chicago Press, 1932. (Избранные главы в рус. переводе: Кресси П.Г. Таксидэнс-холл // Чикагская школа социологии : сб. переводов. – С. 228–264.)

⁶ Delinquency areas: A study of the geographic distribution of school truants, juvenile delinquents, and adult offenders / Shaw C.R., Zorbaugh F.M., McKay H.D., Cottrell L.S., Jr. – Chicago : University of Chicago Press, 1929.

⁷ Shaw C.R. The jack-roller: A delinquent boy's own story. – Chicago : University of Chicago Press, 1930.

⁸ Shaw C.R. The natural history of a delinquent career. – Chicago : University of Chicago Press, 1931.

⁹ Shaw C.R., McKay H.D., McDonald J.F. Brothers in crime. – Chicago : University of Chicago Press, 1931.

¹⁰ Thrasher F.M. The gang: A study of 1,313 gangs in Chicago. – Chicago : University of Chicago Press, 1927. (Избранные главы в рус. переводе: Трэшер Ф.М. Шайки // Чикагская школа социологии : сб. переводов. – С. 300–350. См. также автореферат в рус. переводе: Трэшер Ф.М. Шайка: исследование 1313 шаек Чикаго // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5, вып. 3/4(17/18). – С. 237–244.)

ции (У. Реклесс, «Порок в Чикаго, 1933¹), организованной преступности (Дж. Ландеско, «Организованная преступность в Чикаго», 1929²). Работа Р. Кэван «Самоубийство» (1928)³ около двух десятилетий считалась образцовым социологическим исследованием суицида и даже затмила по значимости одноименную классическую работу Э. Дюркгейма. Немалое значение имели и чикагские исследования различных форм коллективного и массового поведения, таких как публики и толпы (Р.Э. Парк, «Толпа и публика», 1972 [1904]⁴), шайки (Ф.М. Трэшер⁵), профсоюзное движение и забастовки (Э.Т. Хиллер, «Забастовка», 1928⁶), расовые бунты (Ч. Джонсон, «Негр в Чикаго», 1922⁷) и революции (Л. Эдвардс, «Естественная история революции», 1927⁸). Наконец, важное место в наследии чикагцев занимают исследования современной/городской личности (Э.У. Бёрджесс и др., «Личность и социальная группа», 1929⁹; Н. Андерсон, «Хобо», 1923¹⁰; Э.В. Стоунквист, «Маргинальный человек», 1937¹¹).

---

¹ Reckless W. Vice in Chicago. – Chicago : University of Chicago Press, 1933.

² Landesco J. Organized crime in Chicago // Illinois crime survey. – Chicago : Illinois Association for criminal justice, 1929. – Part 3. – P. 815–1087. (Автореферат в рус. переводе: Ландеско Дж. Организованная преступность в Чикаго // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5, вып. 3/4(17/18). – С. 204–236.)

³ Cavan R.S. Suicide. – Chicago : University of Chicago Press, 1928.

⁴ Park R.E. The crowd and the public // Park R.E. The crowd and the public, and other essays. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 1972. – P. 3–81.

⁵ Thrasher F.M. Op. cit.

⁶ Hiller E.J. The strike. – Chicago : University of Chicago Press, 1928.

⁷ Johnson C.S. Op. cit.

⁸ Edwards L. The natural history of revolution. – Chicago : University of Chicago Press, 1927. (Главы 3 и 4 в рус. переводе: Эдвардс Л. Естественная история революции // Социологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 101–131.)

⁹ The personality and the social group / Burgess E.W. (ed.). – Chicago : University of Chicago Press, 1929.

¹⁰ Anderson N. The hobo: The sociology of the homeless man. – Chicago : University of Chicago Press, 1923.

¹¹ Stonequist E.V. The marginal man: A study in personality and culture conflict. – New York : Russell and Russell, 1961. (Главы 5, 10, 11 в рус. переводе: Стоунквист Э.В. Маргинальный человек // Чикагская школа социологии : сб. переводов. – С. 265–299. Глава 7: Стоунквист Э.В. Маргинальный человек (гл. 7) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2015. – № 3. – С. 140–156. Автореферат в рус. переводе: Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8, вып. 1. – С. 9–36.)

Чикаго (1930)

Многие из этих исследований до сих пор привлекают внимание своей оригинальностью и плодотворностью, а заключенный в них опыт служит предметом критического изучения и переосмысления. Некоторые развитые в них концепции и подходы и сегодня сохраняют свою жизнеспособность (как, например, концепция новести или концепция маргинального человека).

Особое внимание сегодня привлекает методология этих исследований. Одна из проблем в данном случае состоит в том, что в чикагской традиции методология (так же как и теория) не была предметом специального интереса. Многообразие методов и процедур сбора данных определялось не какими-то эксплицитными правилами, а скорее общими представлениями об изучаемом предмете, исследовательскими нуждами и попросту обстоятельствами. Была задача в чем-то разобраться, и для достижения этой цели использовались все доступные способы.

Отчасти это многообразие методов досталось чикагцам в наследство от традиции социальных обследований. В зачаточном виде почти все эти методы – от статистики и анкетного опроса до городской этнографии – можно найти в этой традиции (у Ч. Бута, в

чикагских обследованиях Халл-Хауса, в Питтсбургском обследовании и т.д.). Однако в социологии Чикагской школы все они получают более дисциплинированное и находчивое применение.

Чикагские социологи пользовались в своих исследованиях разного рода статистикой, собираемой как Бюро переписи населения, так и социальными службами, полицией, государственными, муниципальными, общественными организациями. Для того чтобы можно было проводить более обоснованные и надежные сравнения разных районов города, по их инициативе в Чикаго были введены более мелкие переписные участки. Широко практиковался и самостоятельный сбор статистических данных, когда готовые статистические сводки отсутствовали (как, например, статистика гостиничного населения у Хейнера или статистика посещаемости городского центра в разное время суток). В 1920-е годы методы статистического анализа данных практически не применялись, но уже во второй половине 1930-х – при активнейшем участии Э.У. Бёрджесса и У. Огборна – получили применение факторный анализ, корреляционный анализ и т.п. (например, в исследованиях эффективности условно-досрочного освобождения заключенных).

Разновидностью статистического метода, отличительной для чикагской традиции, стала картография. Известно, что в эти годы без карт невозможно было защитить ни одну диссертацию. Картографирование в исследованиях городов применялось и раньше (еще со времен Ч. Бута), но никогда прежде не было такого тематического разнообразия карт. На карты разных видов (точечные, штриховые и т.д.) наносилось буквально всё: демографические данные, преступность, подростковые правонарушения, шайки, самоубийства, притоны, цены на землю, разные виды танцевальных заведений, кинотеатры и т.д. Помимо наглядного представления статистических данных по районам, карты служили основой для дальнейших углубленных исследований: они визуализировали территориальное (экологическое) распределение изучаемых феноменов и проблем и позволяли выявить места их высокой концентрации для последующего качественного исследования их *in situ*. Предполагалось, что условия, благоприятные для этих феноменов и проблем, присутствуют в этих районах в наиболее выраженным виде. Так, исследование мира шаек проводилось в местах сосредоточения шаек (Ф.М. Трэшер¹), исследование социальных факторов самоубийства проводилось в районе с самым высоким уровнем

---

¹ Thrasher F.M. Op. cit.

самоубийств (Р. Кэван¹), глубинному изучению факторов подростковой делинквентности и роста преступных карьер предшествовало изучение территориального распределения правонарушений и выявление «ареалов делинквентности» (К. Шоу и др.²), для исследования своеобразия современной городской личности выбирались места, в которых были сильнее всего выражены характеристики современного крупного города, например гостиницы (Н.С. Хейнер³).

Образцовые чикагские исследования чаще всего строились по такой модели: сначала проводилось экологическое исследование распределения изучаемого явления, в котором выделялись места его концентрации, а далее следовало исследование «на месте», в котором решались задачи понимания и объяснения. Решение последних предполагало непосредственное знакомство с изучаемым фрагментом социальной реальности. Известно наставление Р.Э. Парка: «Вам говорили идти и порыться в библиотеке, накапливая тем самым кучу заметок и вбирая слой глубоко въевшейся книжной пыли. Вам говорили выбирать проблемы там, где вы сможете найти заплесневелые штабеля рутинных записей, базирующихся на тривиальных формах, подготовленных усталыми бюрократами и заполненных смущенными претендентами на помочь, придиричевыми благодетелями или равнодушными клерками. Это называется “запачкать ваши руки в реальном исследовании”. Те, кто вам это советует, люди мудрые и почтенные; резоны, которые они приводят, очень ценные. Но нужна еще одна вещь: непосредственное наблюдение. Пойдите и посидите в холлах роскошных гостиниц и на порогах ночлежек; посидите на диванах Золотого берега и на кроватях в трущобах; посидите в Концертном зале и на представлении бурлеска в “Стар энд Гартер”. Короче говоря, джентльмены, идите и запачкайте ваши штаны реальным исследованием»⁴.

Парк и сам практиковал, и прививал своим ученикам ознакомительные социологические прогулки по городу. Описание од-

---

¹ Cavan R.S. Op. cit.

² Shaw C.R., Zorbaugh F.M., McKay H.D., Cottrell L.S., Jr. Op. cit.; Shaw C.R., McKay H.D. Juvenile delinquency and urban areas. – Chicago : University of Chicago Press, 1942; Shaw C.R., McKay H.D. Social factors in juvenile delinquency. – Washington, D.C. : US Government Printing Office, 1931.

³ Hayner N. Op. cit.

⁴ Цит. по: McKinney J.C. Constructive typology and social theory. – New York : Appleton-Century-Crofts, 1966. – P. 71.

ной из таких прогулок (из центра Чикаго в трущобы и другие районы Ближнего Норт-Сайда) можно найти в первой главе книги Х.У. Зорбо «Золотой берег и трущобы»¹.

Использовались чикагскими исследователями и более систематические виды этнографического наблюдения, невключенного и включенного. Так, Ф.М. Трэшер, изучая чикагские подростковые шайки, поселился неподалеку от мест их высокой концентрации, чтобы наблюдать их в естественной среде (на улице)². Н. Андерсон, исследуя странствующих рабочих (хобо), регулярно бывал в районе, в котором они временно селились, с тем чтобы наблюдать их повседневную жизнь; это позволяло ему по случаю вступать с ними в беседы на улице, в кафе, на лавочках в парке, и эти свободные беседы (интервью) дали важный материал для его книги «Хобо»³. Х.У. Зорбо несколько месяцев снимал жилье в Ближнем Норт-Сайде, чтобы наблюдать жизнь изучаемых им районов города изнутри⁴. П.Г. Кресси в целях изучения внутреннего мира таксидэнс-холлов стал завсегдатаем подобных заведений, что позволило ему не только напрямую прочувствовать их атмосферу, но и собрать нужную ему информацию через разговоры с танцовщицами, клиентами и хозяевами этих заведений⁵. В отдельных исследованиях (правда, редко) использовалась также визуальная этнография. Так, Трэшер собрал коллекцию фотографий шаек, и некоторые из них были включены в его монографию⁶.

Наблюдения у чикагцев были практически неотделимы от интервью. Судя по всему, интервью протекали свободно и без заранее подготовленных списков вопросов. Как они проводились и документировались – неизвестно, но в публикациях чикагцев присутствуют многочисленные выдержки из них.

Начиная с новаторского исследования У.А. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁷, чикагцами широко применялся анализ личных документов. Это были очень разные документы. Например, в основу исследования самоубийства у Р. Кэван были положены два дневника девушек-самоубийц (хотя

¹ Zorbaugh H.W. Op. cit. – Ch. 1.

² Thrasher F.M. Op. cit.

³ Anderson N. Op. cit.

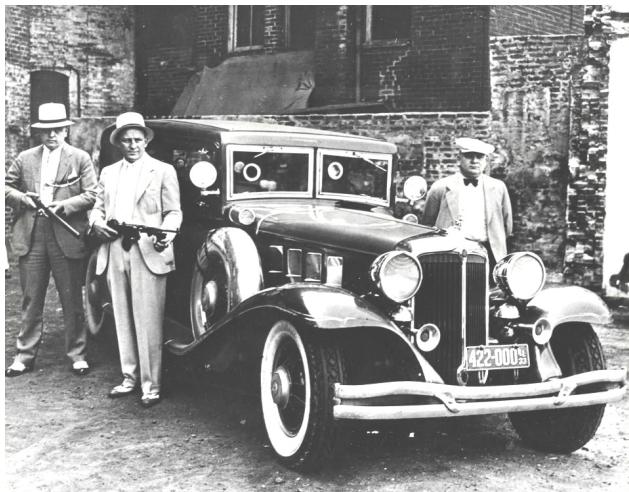
⁴ Zorbaugh H.W. Op. cit.

⁵ Cressey P.G. Op. cit.

⁶ Thrasher F.M. Op. cit.

⁷ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America : 5 vols. – Boston : Badger, 1918–1920.

использовались и другие материалы)¹. Широко использовались биографии и автобиографии; иногда они собирались через интервью, иногда – писались людьми на заказ. На автобиографических материалах и сопоставлении их с другими данными построены, например, книги К. Шоу «Обирающий пьяных»² и «Братья по преступлению»³. Много таких материалов мы находим и в других работах чикагцев, хотя там они играют вспомогательную роль (образцовый пример – автобиографический нарратив «приютской девушки» в книге Зорбо «Золотой берег и трущобы»⁴). К категории биографических материалов причислялись и газетные истории, особенно в жанре исповедей и «криков души».

Организованная преступность в Чикаго.
Автомобиль Аль Капоне

Не менее важную роль во многих исследованиях играли документы самых разных организаций (полиции, судов, благотворительных организаций и душепасильных миссий, всевозможных комиссий и т.п.), публикации в прессе и газетные архивы. Например, внимательное изучение подшивок и архивов чикагских газет

¹ Cavan R.S. Op. cit.

² Shaw C.R. The jack-roller...

³ Shaw C.R., McKay H.D., McDonald J.F. Brothers in crime.

⁴ Zorbaugh H.W. Op. cit.

за 25-летний период позволило Дж. Ландеско, когда он исследовал историю чикагской организованной преступности, обнаружить несколько важных имен, не фигурирующих в полицейских карточках в силу тесных связей полиции с преступным миром¹.

Если взять для сравнения нынешнее состояние социологии, то и здесь мы находим многообразие применяемых методов в связи с решением разных познавательных задач. Но в случае чикагской социологии они были вписаны в целостную и понятную теоретическую рамку, и сделано это было очень изобретательно и элегантно. Этим во многом и определяется ценность «золотого века» Чикагской школы сегодня.

---

¹ Landesko J. A who's who of organized crime in Chicago // Illinois crime survey. – Chicago : Illinois Association for criminal justice, 1929. – P. 1061–1087.

Глава 2

СОЦИАЛЬНОСТЬ В ПРАГМАТИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА МИДА

Джордж Герберт Мид

Джордж Герберт Мид – один из ярких представителей pragmatизма. Он принадлежит к младшему поколению основоположников этого изначально специфически американского философского направления, к так называемой Чикагской школе pragmatизма (вместе с Дж. Дьюи, его единомышленником и другом). Разработанное им оригинальное всеобъемлющее видение мира, хотя и не было никогда до конца систематизировано, сделало его классиком философии, социологии и социальной психологии. Хотя Мид был философом и подчеркнуто дистанцировался от социологии, активнее и шире всего его идеи были восприняты и продолжены именно в ней, прежде всего в таком течении, как символический интеракционизм, хотя и не только.

Литература о Миде обширна и продолжает расти¹. Его наследие в ней интерпретируется в очень разных ракурсах и очень по-разному.

---

¹ Вот некоторые из наиболее значимых книжных публикаций (в хронологическом порядке): Victoroff D. G.H. Mead sociologue et philosoph. – Paris : Vrin, 1953; Natanson M. The social dynamics of George H. Mead. – Washington, D.C. : Public Affairs Press, 1956; Pfuetze P.E. Self, society, existence: Human nature and dialogue in the thought of George Herbert Mead and Martin Buber. – New York : Harper and Row, 1961; The philosophy of G.H. Mead / Corti W.R. (ed.). – Winterthur : Amriswiler Bucherei, 1973; Miller D.L. George Herbert Mead: Self, language, and the world. – Austin, Texas : University of Texas Press, 1973; Goff T. Marx and Mead: Contributions to a sociology of knowledge. – London ; New York : Routledge, 1980; Lewis G.D., Smith R.L. American sociology and pragmatism: Mead, Chicago sociology, and symbolic interaction. – Chicago : University of Chicago Press, 1980; Joas H. G.H. Mead: A contemporary re-examination of his thought. – Cambridge, Ma. : The MIT Press, 1985; Gunter P.A.Y. Creativity in George Herbert Mead. – Lanham, Md. : University Press of America, 1990; Wenzel H. George Herbert Mead zur Einführung. – Hamburg : Junius, 1990; Rosenthal S.B., Bourgeois P.L. Mead and Merleau-Ponty: Toward a common vision. – Albany : SUNY Press, 1991; Hamilton P. George Herbert Mead: Critical assessments : 4 vols. – London ; New York : Routledge, 1992; Philosophy, social theory, and the thought of George Herbert Mead / Aboulafia M. (ed.). – Albany : SUNY Press, 1991; Cook G.A. George Herbert Mead, the making of a social pragmatist. – Urbana, Il. : University of Illinois Press, 1993; Mutaawe Kasozi F. Self and social reality in a philosophical anthropology: Inquiring into George Herbert Mead's socio-philosophical anthropology. – New York : Peter Lang, 1998; Aboulafia M. The cosmopolitan self: George Herbert Mead and continental philosophy. – Urbana ; Chicago : University of Illinois Press, 2001; Waal C. de. On Mead. – Belmont, Ca. : Wadsworth Publishing, 2001; Baldwin J.D. George Herbert Mead: A unifying theory for sociology. – Dubuque, Ia. : Kendall Hunt, 2002; Westlund O. Stimulating a social psychology: G.H. Mead and the reality of the social object. – Uppsala : Uppsala University Library, 2003; Blumer H. George Herbert Mead and human conduct / Ed., with an introduction, by T.J. Morrione. – Walnut Creek, Ca. : AltaMira Press, 2004; Deegan M.J.

Из раза в раз в потоке публикаций, от ранних до новейших, звучит один и тот же рефрен: прежние интерпретации Мида ограничены и не учитывают еще такие-то и такие-то существенные стороны его работы. В социологии, например, после авторитетной блумеровской версии истолкования Мида было предложено несколько существенно иных версий систематизации его идей (Х. Йоас, Ю. Хабермас, Дж.Д. Болдуин, Л. Атенс, Ж.-Ф. Котэ и др.). В русле нынешнего возрождения прагматизма и таких новейших интеллектуальных веяний, как объектно ориентированные онтологии, конструктивизм, новый реализм, акторно-сетевая теория и т.п., отмечается недооцененность Мида как первопроходца, что открывает пути к новым перепрочтениям того, что он сделал. Идейное наследие Мида поразительно открыто для самых разных интерпретаций. В российской науке оно до сих пор освоено очень ограниченно и поверхностно¹.

Self, war, and society: George Herbert Mead's macrosociology. – New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 2008; Silva F.C. da. Mead and modernity: Science, selfhood, and democratic politics. – Lanham, Md. : Lexington Books, 2008; Burke F.T., Skowroński K.P. (eds.) George Herbert Mead in the twenty-first century. – Lanham, Md. : Lexington Books, 2013; Côté J.-F. George Herbert Mead's concept of society: A critical reconstruction. – Boulder; London : Paradigm Publishers, 2015; Joas H., Huebner D.R. (eds.) The timeliness of George Herbert Mead. – Chicago; London : University of Chicago Press, 2016.

¹ Первая и единственная монография о Миде: Кравченко Е.И. Джордж Герберт Мид: философ, психолог, социолог. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2006.

Наследие Мида переведено на русский язык пока лишь частично. Единственная полностью переведенная книга: Мид Дж.Г. Философия настоящего [Текст] / под ред. А.И. Мерфи ; предисл., введ. А.И. Мерфи ; вступит. слово Дж. Дьюи ; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьминова ; закл. ст. В.Г. Николаева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Есть сборник, в котором представлены некоторые прижизненные публикации и фрагменты из основных посмертно опубликованных книг: Мид Дж.Г. Избранное : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-инф. исследований, Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2009.

Помимо представленного в этих книгах есть еще следующие переводы (везде, где ниже специально не указано, – пер. В.Г. Николаева).

Отдельные статьи: Естественные права и теория политических институтов // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. 18, вып. 3/4. – С. 26–39; Научный метод и моральные науки // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2009. – № 1. – С. 158–175; Национальное и интернациональное мышление // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10, вып. 5/6. – С. 57–71; Предложения к теории философских дисциплин // Личность. Культура. Общество. –

Мид родился 27 февраля 1863 г. в Саут-Хэдли, шт. Массачусетс. О детстве его мало что известно. Его отец был пастором конгрекционалистской церкви. В 1870 г. семья переехала в Оберлин, шт. Огайо, где отец получил преподавательское место в теологической семинарии. В 1879–1883 гг. юный Мид учился в Оберлин-колледже. В эти годы у него сложилось негативное отношение к богословию, развившееся позже в ревностную веру в научный метод и наложившее отпечаток на всю его философию. Эти установки он разделял с ближайшим другом, Генри Кастрлом, не без влияния которого он решил позже продолжить образование и на сестре которого, Хелен, в 1891 г. женился. По окончании колледжа Джордж четыре месяца работал школьным учителем (опыт оказался неудачным), а затем три года железнодорожным инженером (этим опытом он позже гордился).

В 1887 г. Мид отправился со своим другом в Гарвард, выбрав для себя изучение философии. Его учителями в Гарварде были У. Джеймс, патриарх американского pragmatизма (у детей которого он был домашним учителем и в доме которого какое-то время жил), и Дж. Ройс, философ-неогегельянец, впоследствии сблизившийся с

2014. – Т. 16, вып. 3/4. – С. 45–56; Природа прошлого / пер. Н. Нама под ред. В.Г. Николаева // Личность. Культура. Общество. – 2021. – Т. 23, вып. 3. – С. 21–27; Природа эстетического опыта // Личность. Культура. Общество. – 2014. – Т. 16, вып. 3/4. – С. 57–64; Психология пunitивного правосудия / пер. Т. Новиковой // Американская социологическая мысль : тексты. – Москва : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 235–257.

Из книги «Разум, Я и общество»: От жеста к символу. Интернализованные другие и самость; Аз и я / пер. А. Гараджи // Американская социологическая мысль : тексты. – С. 213–234 (фрагменты глав 9–11 и 19, глава 20); Разум и символ. Разум как усвоение социального процесса индивидом / пер. Е.И. Кравченко // Кравченко Е.И. Джордж Герберт Мид ... – С. 239–255 (главы 16 и 24).

Из книги «Философия акта»: Стадии акта: постановка вопроса // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3, вып. 1. – С. 87–100 ; вып. 2. – С. 137–145 (глава I); Ценностная и консумматорная фаза акта // Социальные и гуманитарные науки : РЖ. Сер. 11: Социология. – 2007. – № 1. – С. 140–148 (глава XXII); Моральное поведение и рефлексивное мышление. Наука и религия. Религия и социальные ценности. На задворках наших разумов // Там же. – 2007. – № 3. – С. 113–143 (главы XXIV, XXV, XXVI, XXVII); Экспериментализм как философия истории. Разрозненные фрагменты // Там же. – 2007. – № 4. – С. 109–153 (глава XXVIII и глава XXXIII, фрагменты а, д, е, ф, г-14).

Из книги «Очерки психологии»: Мид Дж.Г. Два фрагмента из книги «Очерки психологии» из архивных материалов // Социальные и гуманитарные науки : РЖ. Сер. 11: Социология. – 2013. – № 1. – С. 161–170.

прагматизмом. Влияние последнего на Мида было особенно сильным¹.

После Гарварда, в 1888 г., Мид отправился дальше учиться – опять же вместе с Г. Каствлом и его сестрой Хелен – в Германию. Там он ознакомился не только с немецкой философией, классической и новейшей (в том числе с герменевтикой В. Дильтея), но и с передовой на тот момент физиологической психологией (особенно с работами В. Вундта) и с эволюционным учением Ч. Дарвина. Все это было им глубоко усвоено, осмыслено и позднее творчески переработано. В Германии (главным образом в Лейпциге и Берлине) Мид провел четыре года. Докторскую диссертацию он так и не написал.

В 1891 г. Мид получил преподавательскую должность в Мичиганском университете и перебрался в Энн-Арбор. Там он познакомился с Дж. Дьюи; это знакомство переросло в близкую дружбу и многолетнее сотрудничество. Там же он впервые встретился с Р. Парком, но близких отношений из этого не выросло. В Энн-Арбore работал также Ч.Х. Кули; его идеи Мид хорошо знал, они во многом на него повлияли, но никаких свидетельств их личного знакомства нет.

В 1894 г. Дьюи принял приглашение возглавить факультет философии в Чикагском университете – с условием, что он возьмет с собой Мида. С этого года и до конца своей жизни Мид работал в Чикаго, поначалу в ранге простого преподавателя, а с 1907 г. – в профессорской должности. Мид читал в университете множество курсов: общий курс по проблемам философии, курсы по Аристотелю, Юму, Лейбницу, Гегелю, французской философии, немецкому романтизму, мысли XIX столетия, этике, философии выдающихся ученых, проблемам теории относительности и др. Особое место среди его курсов занимал курс психологии (социальной психологии), который он читал с 1900 г. и до последних дней сво-

---

¹ Это влияние в литературе о Миде, с одной стороны, регулярно упоминается, но, с другой стороны, даже в новейших публикациях всё же недооценивается, если иметь в виду близкие параллели поздних философских разработок Мида с теми идеями, которые Ройс развивал в русле сближения с прагматизмом. Речь идет не столько о таких темах, как Я, сознание, самосознание и их социальный генезис, сколько вообще о рассмотрении социальной психологии как своего рода ключа к познанию мира, в том числе природы. См., например: Ройс Дж. Моральное прозрение // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Т. 22, вып. 1/2. – С. 25–45; Самосознание, социальное сознание и природа // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21, вып. 1/2. – С. 29–43 ; вып. 3/4. – С. 55–72 ; Физическая и социальная реальность // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Т. 22. – Вып. 3/4. – С. 16–41.

его преподавания; это был один из главных его специальных интересов, Мид придавал ему принципиальное значение, и именно эта часть его идеиного наследия обрела наибольшую известность и оказалась наиболее живучей. Этот курс Мид постоянно совершенствовал; три его версии известны по посмертно опубликованным книгам «Разум, Я и общество» (1934) и «Индивид и социальное Я» (1982).

Среди коллег Мид поддерживал наиболее тесные отношения с Дьюи. До 1904 г., когда последний покинул Чикаго для работы в Колумбийском университете, они дружили домами, их дети вместе играли и постоянно были в гостях друг у друга. Мид и Дьюи практически ежедневно подолгу, до трех часов кряду, проводили в беседах на философские темы. Оба имели друг на друга большое влияние, постоянно делились друг с другом идеями, и часто было так, что идеи одного подробно прорабатывались другим, и наоборот; такие отношения сложились у них еще с Энн-Арбора¹. Близкие дружеские отношения связывали Мида также с У.А. Томасом и Дж. Уотсоном (до их увольнения из Чикаго), хотя на первого как социолога он не сильно повлиял, а со вторым принципиально расходился в трактовке поведенческого подхода в психологии. С первых дней работы в Чикаго Мид также был очень дружен с Дж. Аддамс и другими активистками-реформаторами из Халл-Хауса; он горячо поддерживал их движение за развитие социальных сеттльментов и даже был в нем казначеем. Интересы Мида не ограничивались философией и наукой; он любил литературу, музыку, поэзию, мог с ходу прочесть наизусть любимые стихи. Один из его коллег отмечал, что он запросто мог бы сделать «большой курс о Марселе Прусте, Джеймсе Джойсе и Вирджинии Вулф»². Среди друзей он славился как тонкий и доброжелательный человек и редкого качества собеседник. В его доме любили принимать гостей; в частности, у него останавливался С. Прокофьев, когда в Чикаго впервые исполнялась его опера «Любовь к трем апельсинам».

¹ Так, Д.Л. Миллер отмечает, что идея «координации», занимающая центральное место в программной статье Дьюи о рефлекторной дуге (Дьюи Дж. Понятие рефлекторной дуги в психологии // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-инф. исследований, Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2010. – С. 70–84), совпадает с понятием «акта» как «единицы существования», сложившимся у Мида как минимум на два года раньше публикации этой статьи (Miller D.L. Op. cit. – P. XXV–XXVI).

² Цит. по.: Miller D.L. Op. cit. – P. XXXVI.

Последний год жизни Мид тяжело болел и отошел от преподавания. Он умер 26 апреля 1931 г. в своем доме от сердечной недостаточности. При жизни он публиковался мало, не было ни одной опубликованной книги. Все его книги были опубликованы посмертно его учениками и собраны из рукописей, найденных у него дома и в его кабинете в Чикагском университете, а также из сохранившихся стенограмм его лекций и записей студентов¹. В силу этого к принципиальной незавершенности философии Мида добавляется то обстоятельство, что преобладающая часть его текстов им не авторизована, скомпонована не им, имеет проблематичное авторство и представлена в никак не описанной редакторской обработке.

Если учесть еще и «темный» язык Мида, это существенно затрудняет работу с его наследием и аутентичную реконструкцию той логики, которой он в своей работе руководствовался. Фрагментированность и неполная или проблематичная собранность его наследия допускают разные толкования и разные способы систематизации, о которых уже говорилось выше.

Тем не менее общие контуры мышления Мида вполне определены, и их можно достаточно определенно очертить (особенно если исходить из того, что Мид последовательно пытался собрать свою философию воедино и что Карусовские лекции «Философия настоящего» содержат последнюю и, что немаловажно, авторизованную попытку систематически ее сформулировать).

Как pragmatist Мид считал бесплодными любые метафизические спекуляции по поводу трансцендентного мира, находящегося за границами человеческого опыта. Люди живут в мире, каким он им дан в их опыте; в этом мире люди сталкиваются с проблемами; для решения проблем людям необходимо адекватное знание именно этого мира, а не какого-то другого. Задача философии, как и науки, – обеспечивать их таким знанием. В центре философии Мида оказывается, таким образом, опыт, и какие бы вопросы им ни затрагивались, все они преломляются через его призму.

Мир, присутствующий в опыте, – это «мир в наличии» (the world that is there), выстроенный вокруг здесь-и-сейчас и ограниченный в пространстве «зоной манипулирования» и во времени «мнимым настоящим». Мид вовсе не отрицает мир, выходящий за

---

¹ Подробнее о необычности формирования его наследия и вытекающих из этого трудностях см.: Николаев В.Г. Джордж Герберт Мид и его «Философия настоящего» // Мид Дж.Г. Философия настоящего. – С. 237–250.

эти пределы (*out there*); этот более широкий мир проявляет себя в опыте через разного рода ограничения («сопротивления»); но в отношении этого мира невозможно знание, которое могло бы быть сформулировано в доступных человеку понятиях и проверено в практике. Знание должно соотноситься с опытом и отсылать к нему как к конечному референту.

Опыт, с прагматистской точки зрения, нельзя трактовать абстрактно. Это всегда какой-то ограниченный действительный опыт. В этом смысле он всегда неотделим от поведения (действия), которое тоже нельзя трактовать абстрактно и формалистически. Мид истолковывает опыт в бихевиористском (в широком смысле) ключе¹. Человека с миром связывает не знание, или когниция в узком смысле, как в декартовской дуалистической оппозиции субъекта и объекта, а поведение во всем его объеме, включающее части, относящиеся как к действующему человеку, так и к человеческому и нечеловеческому внешнему миру. Это влечет за собой существенное переосмысление соотношения субъективного и объективного: граница между ними уже не совпадает с границей между организмом и средой или между ментальным и материальным; то, что прежними дуализмом, идеализмом и материализмом изымалось из природы и размещалось в сфере сознания («интроспекции») как полностью принадлежащее этой сфере, в том числе значения, ценности, восприятия, «вторичные качества» и т.д., возвращается (частично) в природу; ментальные компоненты опыта и поведения видятся как в какой-то степени субъективные, а в какой-то степени объективные – не менее объективные, чем физический мир. Знание, даже обыденное, коль скоро оно вплетено в практическое поведение, не является произвольной фантазией по поводу мира, а так или иначе укоренено в нем и выражает его реальные свойства (или по крайней мере является попыткой их выражения).

Мидовская схема «акта»² собирает воедино его видение поведения и опыта. В акте выделяются четыре фазы: импульс, перцепция, манипуляция и консуммация. Это не стадии, а именно фазы; все они присутствуют в акте одновременно; каждая из них

---

¹ Известно противопоставление «социального бихевиоризма» как позиции Мида «бихевиоризму» Дж. Уотсона, восходящее к книге «Разум, Я и общество». Однако многие комментаторы допускают возможность того, что это различие принадлежит не самому Миду, а было привнесено редактором этого тома Ч. Моррисом.

² Организующая для книги «Философия акта», но также используемая во многих других текстах Мида.

оказывает воздействие на другие и сама, в свою очередь, находится под их воздействием.

Акт – это не статическая единица, а непрерывно развертывающийся процесс; ему присуще темпоральное измерение, протекание, или, в терминах Мида, переход (passage). В манипуляторной фазе организм непосредственно контактирует с реальностью. Ментальные компоненты акта, относящиеся к фазе перцепции, постоянно проверяются этим контактным опытом.

Мир, значимый для человека, заключен внутри этого процесса опыта и поведения. Он существует в действии и через действие. Локусом реальности является настоящее. Действующий и знающий субъект не противостоит миру как нечто внешнее, а включен в мировой процесс наряду с другими его элементами.

Реальность в такой оптике оказывается развертывающимся во времени взаимодействием¹ элементов – но не изначально заданных и фиксированных, а складывающихся, дифференцирующихся, придающих определенность друг другу внутри этого процесса. Ни один из этих элементов не является тем, что он есть, сам по себе. Целое предшествует части, а не часть целому. В этом процессе какие-то образования закрепляются, воспроизводятся и сохраняют свое тождество во времени – как те или иные «согласованные множества», механические и органические системы, «живые формы», сообщества, группы и т.д. Но даже сохраняя тождество (идентичность), они остаются в процессе постоянной перестройки, переналадки, меняя, пусть даже неуловимо, свои очертания и составы.

Частью таким образом понимаемой реальности являются человеческие коллективные образования, детальному анализу которых посвящена у Мида социальная психология. Эти образования неотделимы от присущих человеку специфических свойств и достоиний, за счет которых они складываются и поддерживаются: Я (у философов – самости), сознания (в том числе высшей его формы – рефлексивного интеллекта), самосознания, значащих символов, языка, символической коммуникации и т.д.

Ключевым механизмом для человеческих коллективных образований (групп, сообществ, общества) является, по Миду, принятие роли другого, в том числе в такой продвинутой форме, как принятие роли генерализованного (обобщенного) другого. Принятие роли другого вносит в поведение индивида установку другого (как начальную fazu акта другого), позволяет ему иметь в виду соответствующий акт

---

¹ Стоит отметить, что термином «взаимодействие» Мид не пользуется.

другого, координировать свой акт с его актом и ориентировать свое поведение на общий для него с другим «социальный объект». Через взаимное принятие ролей, поддерживающее социальный акт, складываются и сохраняются во времени групповые образования – от малых до крупных¹. В сфере мышления (разума) это предполагает разные степени генерализации значений. Пределом подобной генерализации, неизбежно достижимым, является, по Миду, «международное мышление», обобщенная установка всего человечества, интернациональное общество. Возможность такой универсализации Мид связывал прежде всего с экспериментальной наукой и научным методом; любые другие формы знания партикулярны и ограничивают расширение и универсализацию общества.

Если вернуться собственно к опыту, то ключевую роль в толковании и объяснении разных его аспектов у Мида играет принцип социальности. Опыт социально организован. Я человека, его поведение, разум, мышление, язык по своей природе и происхождению социальны. Связь человека с миром по существу социальна. Связь любой «живой формы» со средой социальна: они взаимно определяют друг друга в рамках объемлющего их целого². Подход, положенный Мидом в основу социальной психологии, «бер[е]т социальный процесс опыта и поведения как логически предшествующий вплетенным в него индивидам и их индивидуальным переживаниям и объясня[е]т их существование в терминах этого социального процесса»³.

Между тем человеческая ментальность, коммуникация и человеческое общество – не что-то отдельное от мироздания, а его часть. В реальности они вплетены в единый развертывающийся процесс наряду со всем остальным. Мид не только предлагает рассматривать сложные человеческие процессы и явления, психические и социальные, в связке с их природными основаниями и предпосылками (как, например, связь человеческого языка с «разговором жестами» у животных или мыслительного процесса с его физиологической основой в нервной системе). Мид предлагает пойти дальше и распространить принцип социальности на мир

---

¹ «Под социальным объектом, – пишет Мид, – я имею в виду такой, который соответствует всем частям сложного акта, хотя части эти находятся в поведении разных индивидов. Цель акта, таким образом, находится в жизненном процессе группы, а не только в жизненных процессах отдельных индивидов» (Мид Дж.Г. Избранное. – С. 63).

² См., например: Там же. – С. 183–190, 236–240.

³ Там же. – С. 178–179.

жизни и на физический мир вообще. Так в поле зрения попадают социальные объединения у низших животных, от пчел и муравьев до птиц и млекопитающих (в частности, собак), а в «Философии настоящего» в связи с переосмыслением теории относительности заходит речь и о социальности физического мира (например, планетные системы трактуются как в некотором роде социальные). В этой необычной оптике сам мир по сути своей социален. Правда, смысл понятия социальности при этом меняется: она переопределяется как «способность быть несколькими вещами сразу»¹. Речь идет о перспективной организации мира. Вместо «принятия роли» появляется «вхождение в перспективу», или «занятие перспективы»: любые объекты являются/становятся тем, что они есть, и проявляют себя – в настоящем как «вместилище реальности» – так, как они себя проявляют, в рамках более широкого процесса, в котором они участвуют, т.е. в рамках тех или иных согласованных множеств. Например, тело движется или покоятся только в перспективе другого тела, или согласованного множества, но никак не само по себе. В отношении «перспектив» окончательно утверждается их объективность², но эта же объективность была ранее обоснована Мидом для ролей и установок в социально-психологическом анализе человеческого Я и такого его аспекта, как *me*³.

Речи о редукции мироздания к психологии, разумеется, не шло; всякого рода мистицизм, идеализм и наивный антропоморфизм были органически чужды Миду как философу-эмпиристу, приверженному научному методу.

---

¹ Мид Дж.Г. Философия настоящего. – С. 92.

² См.: Там же. – С. 203–217.

³ В книге «Разум, Я и общество» связь человека с физической вещью упоминается связи с другим человеком: «Инженер, строящий мост, разговаривает с природой в том же смысле, в каком мы разговариваем с инженером... В своем мышлении он принимает установку физических вещей. Он разговаривает с природой, и она отвечает ему. Природа разумна в том смысле, что есть некоторые реакции природы на наши действия, которые мы можем представить и на которые можем ответить, и они меняются, когда мы на них ответили» (Mead G.H. Mind, self and society. – Chicago : University of Chicago Press, 1934. – P. 185). Схожий пример с топором можно найти в «Философии акта»: «Человек полагает внешний мир подобным ему самому, как такой же по материи и субстанции. Например, орудия топором, человек устанавливает с ним кооперативную связь и в соответствующей степени вносит внутрь этого объекта свое Я. Схожим образом и бревно, которое он рубит, будет в каком-то аспекте с ним сотрудничать. Этот процесс в сущности своей социален» (Мид Дж.Г. Избранное. – С. 287).

С одной стороны, это просто несколько неожиданная импликация того, что реальный мир, в котором мы живем и который подлежит познанию, – это мир, каким он нам дан в нашем опыте, мир, к которому примешаны формы нашего разума, и другого реального мира в действительном опыте у нас нет.

С другой стороны, что очень важно, расширение понятия социальности на весь мир позволяет Миду вписать человеческие формы социальности в эволюционный ряд. Человеческой социальности предшествуют в эволюции другие «организации перспектив»: системы «механической причинности» и системы жизни и живых организмов¹. Каждая предшествующая ступень создает предпосылки для последующей, более сложной, и сохраняет свое воздействие при появлении последующих; но каждая новая эволюционная ступень эмерджентна и создает новую форму, несводимую к предыдущим, со своими особыми механизмами реализации и самосохранения. Социальность человека связана с появлением Я и развитием рефлексивного интеллекта. По Миду, «появление разума – лишь кульминация той социальности, которая обнаруживается во всем мироздании, и кульминация эта состоит в том, что организм, занимая установки других, может занять собственную установку в роли другого. Общество – это систематический порядок индивидов, в котором у каждого есть более или менее дифференцированная деятельность. Эта структура реально присутствует в природе, находим ли мы ее в обществе пчел или в обществе людей. И она в разных степенях отражается в каждом индивиде»².

Соединение эволюционизма с социальной психологией у Мида вполне гармонично. Уже начиная с Дарвина, широкий взгляд на эволюционные ряды и последовательности соединялся с натуралистическим наблюдением здесь и сейчас того, как эволюция конкретно работает. Такое же соединение позже мы находим, например, у П. Геддеса и Дж.А. Томсона³ или в версии, более близкой к Миду, – у Дж. Болдуина⁴.

---

¹ Мид Дж.Г. Философия акта (избранные фрагменты) // Социальные и гуманитарные науки : РЖ. Сер. 11: Социология. – 2007. – № 4. – С. 134–141.

² Мид Дж.Г. Философия настоящего. – С. 128–129.

³ См.: Геддес П., Томсон Дж.А. Эволюция (избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2022. – № 1. – С. 151–168.

⁴ См.: Болдуин Дж. Новый фактор в эволюции // Личность. Культура. Общество. – 2022. – Т. 14, вып. 1. – С. 7–15 ; вып. 2. – С. 7–20; Болдуин Дж.М. Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. Исследование

Мидовская социальная психология во многом сфокусирована на как раз на анализе механизмов социального изменения и возможностей общественной трансформации (реконструкции). Фоном для этого анализа служит не только противопоставление специфически человеческой социальности той, которая обнаруживается в низших формах жизни и основана на физиологической дифференциации, но и прояснение своеобразия современного человеческого общества по сравнению с более простыми, относительно малочисленными и менее дифференцированными формами общества, которые исторически ему предшествовали.

Современное общество – общество взаимосвязанных Я, «единство в разнообразии». Если в более ранних обществах преобладающим источником единства было «тождество общих импульсов», то теперь им становится «взаимосоединение всех разных Я в их самосознательном разнообразии»¹. В современном обществе, которое Мид прочно связывает с развитием науки и демократии, высвобождаются как никогда индивидуальные перспективы, возрастает роль отдельного индивида и индивидуальной инициативы и, в тесной связи с этим, роль рефлексивного интеллекта (и научного метода как высшей формы его развития) в обеспечении общественных приспособлений к постоянно меняющимся условиям и обстоятельствам. Современный мир специфически отмечен креативностью и сознательным преобразованием, постоянным реформированием и реконструкцией. Кроме того, он отмечен ценностными проблемами, которые необходимо решать на рациональных основаниях, поскольку прежние способы их решения на основе «тождества общих импульсов» уже не работают. В этом контексте наука как наивысшее воплощение объективности и универсальности чрезвычайно важна; наука – часть общества в эволюции; и очень важную роль Мид отводит, в частности, социальным наукам.

Социальные науки могут оказаться на высоте этой роли, только если их метод будет верно ориентирован. Принципиальной позицией в этом плане является эмпиризм. По Миду, «проблемы социальной теории должны быть исследовательскими проблемами»². Постоянно находимую у Мида критику метафизики

по социальной психологии : 2 части. – Москва : Московское книгоиздательство, тип. А.А. Левенсон, 1911–1912; Болдуин Дж.М. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. Кн. 1–2. – Москва : URSS, 2021.

¹ Мид Дж.Г. Национальное и интернациональное мышление. – С. 64.

² Мид Дж.Г. Научный метод и моральные науки. – С. 165.

и эпистемологии можно отнести и к абстрактно-спекулятивным видам теоретизирования в социологии; они попросту бесполезны и ничему не помогают. Более того, они неадекватны современному миру, постоянно меняющемуся в своих конфигурациях; это не мир постоянных сущностей и констант, а креативный, эмержентный, лишь частично детерминированный процесс, нуждающийся в пристальном внимании как таковой. Изучать этот мир нужно целиком в его конкретности, выявляя в нем подвижную игру сил. Такое исследование не может быть механическим; оно часть органического социального процесса, и в нем должны находить выражение творческие силы рефлексивного интеллекта. Любые научные открытия, решения, находки не могут быть окончательными истинами; это всегда лишь гипотезы, которые должны проверяться в практике, и даже если они прошли такую проверку, то лишь до поры до времени. Знание быстро меняющегося мира должно быть адекватно по форме этому миру. Это не знание, отдельное от мира, а живая текущая часть общества и фактор его трансформации. Наука находится не вне общества, а внутри него; позиция внешнего объективного наблюдателя, предлагаемая позитивизмом, для нее не годится.

Общее видение науки (в том числе социальной) и ее метода, находимое у Мида, в сочетании с предлагаемым определением подлежащей изучению реальности открывало для социологии путь, предполагающий решительный разрыв с абстрактной метафизикой и эпистемологией, всякими дуализмами, религиозной мистикой, идеализмом и материализмом. Примерно такой же разрыв с самого начала предполагался и в позитивизме (уже у Конта¹), но прагматизм в ряде принципиальных пунктов радикально несовместим и с позитивизмом.

Хотя Мид преподавал в Чикагском университете в пору расцвета тамошней школы социологии, сколько-нибудь заметного влияния при жизни он на нее не оказал, если не брать двух его учеников – Э. Фэриса из старшего поколения и Г. Блумера из младшего. Влияние его было больше общим и косвенным. Однако его общее видение общества, человеческого поведения (индивидуального и коллективного), связи человеческого Я с

---

¹ См.: Конт О. Дух позитивных наук // Западноевропейская социология XIX века : тексты / под ред. В.И. Добренькова. – Москва : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 91; Конт О. Система позитивной политики // Там же. – С. 181–183.

обществом, взаимодействия и коммуникации, природы современности, его диалектика, его представления о том, какой должна быть социальная наука и какие задачи она должна решать, были в высшей степени созвучны тем идеям, которыми вдохновлялись в 1920–1930-е годы чикагские социологи. И в 1930-е годы, особенно после публикации книги «Разум, Я и общество», его имя стало все чаще включаться в один ряд с Р.Э. Парком, У.А. Томасом, Э.У. Бёрджессом, Э. Фэрисом, Л. Виртом и другими чикагскими социологами-классиками золотого века.

Глава 3

РЕДКИЙ ДАР ПОНИМАТЬ ЛЮДЕЙ: РОБЕРТ ПАРК И ЧИКАГСКАЯ ШКОЛА СОЦИОЛОГИИ

Наука – это не знание. Это поиск знания.
Роберт Эзра Парк¹

Вопрос «Кто сегодня читает [такого-то]?», поставленный впервые в отношении Спенсера К.К. Бrintоном и позже с легкой руки Т. Парсонса широко растиражированный, не обошел стороной и Роберта Парка². Уже в начале 1950-х годов, по воспоминанию Э.Ч. Хьюза, когда он рекомендовал студентам статьи Парка о «маргинальном человеке» (включенные в только что вышедший том его работ под названием «Раса и культура»), где было введено это понятие, «один студент-антрополог, мало слыхавший о Парке, сообщил, что по прочтении пары статей удивился, почему этот самый Парк не указывает в примечаниях, перед кем он в долг, а потом обратил внимание на датировки оригинальных публикаций и удивился уже тому, почему его любимые авторы не признают, что они в долгу перед Парком»³.

Тем не менее его в какой-то мере читали и до сих пор читают, по крайней мере в контексте общего интереса к Чикагской школе. Накоплена довольно обширная литература – как зару-

---

¹ Цит. по: Raushenbush W. Robert E. Park: Biography of a sociologist. – Durham, NC : Duke University Press, 1979. – P. 184.

² См.: Goldberg C.A. Robert Park's marginal man: the career of a concept in American sociology // The Anthem companion to Robert Park / Ed. by P. Kivisto. – London ; New York : Anthem Press, 2017. – P. 159.

³ Hughes E.C. Robert E. Park // Hughes E.C. The sociological eye. – Chicago ; New York : Aldine–Atherton, 1971. – P. 548.

бежная¹, так и на русском языке². И интерес этот, похоже, не иссякает.

Значимые содержательные вклады Парка в социологию перечисляются и классифицируются в разных оценках очень по-разному. Для отражения их широты и разнообразия можно соста-

---

¹ Из значимых книжных публикаций выделим следующие: Carey J.T. Sociology and public affairs. The Chicago school. – London, Beverly Hills : Sage, 1975; Faris R.E.L. Chicago sociology, 1920–1932. – Chicago : University of Chicago Press, 1970; Harvey L. Myths of the Chicago school of sociology. – Aldershot : Avebury, 1987; Linder R. The reportage of urban culture: Robert Park and the Chicago school. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996; Lyman S.M. Militarism, imperialism and racial accommodation. An analysis and interpretation of the early writings of Robert E. Park. – Fayetteville : University of Arkansas Press, 1992; Matthews F.H. Quest for an American sociology: Robert E. Park and the Chicago school. – Montreal : McGill-Queen's University Press, 1977; Tomasi L. (ed.) The tradition of the Chicago school of sociology. – Aldershot : Ashgate, 1998; The Anthem companion to Robert Park. Имеется также довольно много статей в журналах и сборниках. Наиболее полная биография Парка: Raushenbush W. Robert E. Park: Biography of a sociologist. – Durham : Duke University Press, 1979 (с предисловием и эпилогом Э.Ч. Хьюза).

² Довольно много работ Парка переведено на русский язык. Первые переводы появились в 1992 г.: Парк Р.Э. Человеческая экология. Город как социальная лаборатория // Рабочие тетради по истории и теории социологии. – [Рига] : Социологический факультет, Московский университет им. М.В. Ломоносова, 1992. – Вып. 1. – С. 43–71. Опубликован сборник: Парк Р.Э. Избранные очерки : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-информ. исследований, Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и пер. с англ. В.Г. Nikolaev ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2011. Другие переводы: Разум бродяги: размышления о связи ментальности с пространственным передвижением // Социальные и гуманистические науки. Сер. 11: Социология. – 1997. – № 4. – С. 158–162; По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3, вып. 1(7). – С. 101–113; Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 3. – С. 3–12; Организация сообщества и романтический характер // Там же. – С. 13–18; Экология человека. Конкуренция. Конфликт. Аккомодация. Ассимиляция // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. / сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. – Москва : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1. – С. 374–421. О Парке: Баньковская С.П. Роберт Парк // Современная американская социология / под ред. В.И. Добренькова. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – С. 1–19; Баньковская С.П. Роберт Парк: эволюционно-реформистский подход к социологии // История теоретической социологии / под. ред. Ю.Н. Давыдова. – Москва : КАНОН, 1998. – Т. 3. – С. 117–132; Nikolaev В.Г. Роберт Парк как теоретик социологии // Парк Р.Э. Избранные очерки. – С. 4–18; Nikolaev В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 18–55.

вить такой довольно хаотичный список: социология города; изучение расовых отношений¹; человеческая экология²; социальная психология и теория личности; изучение газеты как института и новостей; исследования маргинальности; изучение коллективного поведения (толп, публик); исследования сообществ; изучение социальных и культурных изменений. Во многие из этих областей вклады Парка были по-настоящему новаторскими, а какие-то из них попросту были им созданы (как, например, человеческая экология и исследования маргинальности).

Но общая значимость фигуры Парка для развития социологии никак не исчерпывается этими частными вкладами. Хотя статус ее, как отмечают иной раз комментаторы, небесспорен, центральное место Парка в Чикагской школе и роль этой школы в формировании американской (и мировой) социологии в первой половине XX в. волей-неволей придают его научной деятельности особый масштаб. Так, по мнению Г. Одума, «Парк вместе с У.А. Томасом, видимо, придали основной импульс превращению социологии из социальной философии в индуктивную науку об обществе»³. А Э. Шилз, учившийся у Парка, но принадлежащий (как сподвижник и соавтор ряда работ Т. Парсонса) к совершенно другой, конкурирующей традиции, ставит Парка в один ряд с такими классиками, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Тённис и У.А. Томас⁴.

Путь Парка в социологию был весьма необычным, и та форма, которую он ей придал, во многом отражает этот необычный и уникальный путь.

---

¹ Так, Э.Ч. Хьюз отмечает, что «Парк, вероятно, внес больше идей в анализ расовых отношений и культурных контактов, чем любой другой современный социальный ученый» (Hughes E.C. Preface // Park R.E. Race and culture (Collected papers. Vol. I) / Ed. by E.C. Hughes et al. – Glencoe, Ill. : The Free Press, 1950. – P. XIII).

² Парк (вместе со своим учеником Р.Д. Маккензи) заложил основы этой науки, дал ей название и, как отмечает Э. Богардус, стимулировал студентов к исследованиям в этой области больше, чем «большинство других социологов, вместе взятых». См.: Odum H.W. American sociology: The story of sociology in the United States through 1950. – New York : Longmans, Green & Co., 1951. – P. 134.

³ Odum H.W. Op. cit. – P. 134.

⁴ Шилз настаивает, что Парк «был одним из великих социологов, который, как и Вебер, Дюркгейм и Тённис, все еще занимает важное место среди великих социологов прошлого. Наряду с Дюркгеймом Парк был единственным социологом, который кое-что понимал в природе коллективного самосознания» (Shils E. The sociology of Robert E. Park // American sociologist. – 1996. – Vol. 27, N 4. – P. 104).

Жизненный путь

Роберт Эзра Парк

Роберт Эзра Парк родился 14 февраля 1864 г. в Харвивилле, шт. Пенсильвания. Детство провел в Ред-Уинге, шт. Миннесота. Отец был бизнесменом, торговал бакалейными товарами. В школе

Парк не был многообещающим учеником, но любил читать (всё подряд), а к старшим годам приобрел вкус к письму и желание делать что-то значимое.

Отец не видел в сыне особых перспектив и хотел, чтобы тот продолжил его дело. В 1882 г., решив стать инженером, Роберт бежал из дома, заработал за лето 50 долларов и поступил против воли отца в университет Миннесоты. Там он проучился год, едва сводя концы с концами, после чего отец, видя его упорство, поддержал деньгами его переход в более солидный университет – Мичиганский.

1883–1887 гг. Парк провел в Энн-Арбore. Отказавшись от инженерного дела, он вначале выбрал филологию, но затем, под влиянием преподававшего там Джона Дьюи, остановил свой выбор на философии. Среди десяти курсов, которые Парк прослушал на факультете философии, было шесть курсов Дьюи¹. Будущий классик прагматизма оказал на него большое влияние, заразив духом участия в общественных преобразованиях и стремлением «понять человеческую природу и общество в качестве основы для построения лучшего мира»².

Получив степень бакалавра философии, Парк ненадолго вернулся в Ред-Уинг. Попытка поработать школьным учителем его не вдохновила. Не без влияния опыта издания студенческой газеты, полученного в Энн-Арбore, движимый «любопытством к входению в контакт с фактами человеческой жизни»³, Парк принимает решение посвятить себя работе репортера, и это решение открывает 11-летний период его журналистской деятельности, который заканчивается только в 1898 г. За это время Парк успел поработать в Миннеаполисе, Детройте, Денвере, Нью-Йорке, Чикаго – сначала просто репортером, потом редактором городских новостей и воскресных выпусков.

Примерно в середине этого периода Парк пережил экзистенциальный кризис, связанный с осознанием недолговечности репортерской карьеры. В этот момент его выручил Дьюи, с которым он продолжал контактировать. Дьюи познакомил его с журналистом Ф. Фордом, задумавшим в это время издание газеты нового

---

¹ Bulmer M. Robert Park's journey into sociology // The Anthem companion to Robert Park. – P. 38.

² Odum H.W. Op. cit. – P. 133.

³ Shils E. Teaching: Robert E. Park, 1864–1944 // American scholar. – 1991. – Vol. 60, N 1. – P. 123–124.

типа – газеты, которая связала бы передовой научный мир с широкой публикой, распространяя истину в мир из университетских центров и формируя просвещенное общественное мнение. Парк включился в проект, и хотя этот опыт не увенчался успехом, запущенные им рефлексии во многом определили его дальнейшую жизнь. Он стал понимать, как работает газета, и укрепился в уверенности, что «при более точном и адекватном оповещении о текущих событиях исторический процесс можно ощутимо ускорить, и прогресс пошел бы устойчиво, без прерываний и беспорядков, вызываемых депрессией или насилием, и быстрыми темпами»¹.

Стремление не просто рассказывать о событиях, а передавать их суть, а для этого основательнее разобраться в том, что такая газета и что такие новости и какова их связь с общественным мнением, вновь привело Парка в академический мир². На целых семь лет.

В 1898–1899 гг. он изучал философию в Гарварде, выйдя со степенью магистра психологии и философии. Учеба в Гарварде свела его с такими яркими мыслителями и учителями, как У. Джеймс, Дж. Ройс, Дж. Сантаяна, Х. Мюнстерберг. Особенно сильным было влияние Джеймса, для которого «реальным миром был опыт действительных мужчин и женщин, а не те урезанные и сокращенные его описания, которые мы называем знанием»³. Вспоминая позже об этом влиянии, Парк писал: «Оно избавило меня от схоластики. С тех пор логика и всякого рода формальное знание утратили для меня тот интерес и авторитет, которым они обладали раньше. Идеи больше не были... заменой или суррогатом реальности и мира вещей»⁴.

Тем не менее ответов на свои вопросы Парк в Гарварде так и не нашел и отправился далее учиться в Германию, где провел четыре года (1899–1903). Там он впервые услышал о социологии и в 1900 г. прослушал в Берлине три лекционных курса Г. Зиммеля, в

---

¹ Park R.E. An autobiographical note // Park R.E. Race and culture (Collected papers. Vol. I) / Ed. by E.C. Hughes et al. – Glencoe, Ill. : The Free Press, 1950. – P. V–VI.

² Парку, по его словам, хотелось «понять природу и функцию того вида знания, который мы называем новостями», нужна была «фундаментальная точка зрения, с которой я мог бы описывать поведение общества под влиянием новостей на точном и универсальном языке науки» (*Ibid.* – P. VI).

³ Raushenbush W. Op. cit. – P. 29.

⁴ Парк Р.Э. Методы преподавания: впечатления и вердикт // Парк Р.Э. Избранные очерки. – С. 309.

том числе курс «Социология». Позже он называл Зиммеля «величайшим из всех социологов»¹, а упомянутый курс – своим «единственным формальным обучением в социологии»². Случайное прочтение книги Б. Кистяковского «Индивид и общество», которую Парк счел наиболее близкой к своим интересам, побудило его писать докторскую диссертацию под руководством В. Виндельбанда (учителя Кистяковского) в Страсбурге, а затем в Гейдельберге, где тот преподавал. Диссертация («Масса и публика: методологическое и социологическое исследование») была завершена уже в Гарварде, куда Парк отправился после поездки в Германию, и защищена в 1904 г.³

В 1903 г. Парк поселился с семьей в Бостоне (в это время у него было уже четверо детей) и в 1903–1904 гг. работал в Гарварде ассистентом. Однако он не видел для себя перспектив на этом по-прище, и академическая жизнь вскоре ему наскутила. Устав от книг и преподавания, он все больше желал «вернуться в мир людей»⁴, и когда ему предложили место секретаря (по сути пресс-агента) в Ассоциации конголезской реформы, он принял предложение.

В его задачи входило написание статей о зверствах колониалистов в Свободном государстве Конго с целью продвижения программы реформ в этом политическом образовании. Так появилась серия статей в «Everybody's magazine»: «Король в деле: Леопольд II Бельгийский, самодержец Конго и международный брокер» (1906), «Ужасная история Конго» (1906), «Кровавые деньги Конго» (1907)⁵. По мере ознакомления с колониальными ситуациями в

---

¹ Raushenbush W. Op. cit. – P. 30.

² Park R.E. An autobiographical note. – P. VI. Дабы развеять невольно возникающую оптическую иллюзию, стоит упомянуть, что Парк родился в один год с М. Вебером, был всего на шесть лет младше Г. Зиммеля и Э. Дюркгейма и на девять лет младше Ф. Тённиса. Когда Парк слушал курсы Зиммеля, ему было 36 лет, Зиммелю – 42. На это обстоятельство (со ссылкой на Шилза) обращает внимание П. Кивисто: *The Anthem companion to Robert Park*. – P. 1–2.

³ В 1904 г. она была издана на немецком: Park R.E. *Masse und Publikum: Eine methodologische und soziologische Untersuchung*. – Bern : Lack und Grunau, 1904. В 1972 г. вышла в переводе на английский: Park R.E. *The crowd and the public // Park R.E. The crowd and the public, and other essays*. – Chicago : University of Chicago Press, 1972. – P. 3–84.

⁴ Park R.E. An autobiographical note. – P. VII.

⁵ С.М. Лайман предлагает рассматривать эти публикации как значимый ранний эпизод в социологической работе Парка, определяя их как «готическую

других странах Африки у Парка возникла идея, что вещи, происходящие в Бельгийском Конго, происходят «везде, где изощренный народ вторгается на территории более примитивного народа, чтобы эксплуатировать его земли и заодно возвысить и цивилизовать его»; его понимание «цивилизации» все более окрашивалось представлением, что «прогресс, как однажды заметил Джеймс, ужасная вещь. Он весьма деструктивен и опустошителен»¹.

Эта идея увлекла Парка настолько, что он готов был ехать в Африку для проведения исследований на месте. Но случилось иначе. В 1905 г. он познакомился с Букером Вашингтоном, вице-президентом ассоциации, и тот, узнав о его планах, убедил его для начала изучить положение чернокожих в южных штатах. Вашингтон предложил ему место секретаря и пригласил в Таскиги (шт. Алабама), в ремесленную школу для негров, в которой он был директором. Парк согласился.

В Таскиги Парк провел семь зим (лето проводя с семьей в Мичигане). Он часто пребывал в разъездах, объездил многие южные штаты, используя свой накопленный репортерский опыт и все ближе знакомясь с негритянской жизнью. За это время он стал ведущим экспертом по расовым отношениям, «человеком, который знал отношения негров с белыми американцами лучше, чем любой социальный ученый в стране»². Обретенные знания держались во многом на том, что Парк жил среди изучаемых людей, живо интересовался ими, относился к ним с глубоким сочувствием; в ходе этих исследований он в каком-то смысле «сам стал негром»³. Оценивая значимость этого опыта для себя как социолога, Парк позже отмечал: «Думаю, на Юге, работая у Букера Вашингтона, я узнал о человеческой природе и обществе больше, чем где бы то ни было во всех моих прежних исследованиях. Я верю в знание из первых рук не как в замену, а как в основу более формального и систематического исследования... Я убедился, в конце концов, что наблюдаю исторический процесс, посредством которого цивили-

---

социологии». См.: Lyman S.M. Op. cit.; Lyman S.M. The Gothic foundation of Robert E. Park's conception of race and culture / Tomasi L. (ed.). Op.cit. – P. 13–23.

¹ Park R.E. An autobiographical note. – P. VII.

² Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 545–546.

³ Цит. по: Raushenbush W. Op. cit. – P. 49. 10 апреля 1912 г. в письме Вашингтону о решении покинуть Таскиги Парк писал: «Я чувствую и всегда буду чувствовать, что принадлежу в некотором роде к негритянской расе и буду и впредь, несмотря ни на что, разделять все ее радости и горести» (цит. по: Ibid. – P. 63).

зация не просто здесь, но и везде, развертываясь, вовлекает в круг своего влияния все более широкий круг рас и народов»¹.

В 1910 г. Парк совершил вместе с Вашингтоном поездку по Европе с целью сравнения положения чернокожих фермеров-арендаторов Алабамы с положением беднейших классов в Европе². Они хотели заехать и в Россию, но не смогли получить въездных документов.

В 1912 г. Парк познакомился с У.А. Томасом на конференции, которую организовал в Таскиги. Они быстро нашли общий язык и были поражены близостью взглядов. Томас пригласил Парка прочитать курс на тему расовых отношений в Чикагском университете. Ранее А. Смолл уже предлагал ему в 1904 г. скромную позицию в Чикаго. Тогда Парк отказался³. На этот раз он принял предложение и в зимнем семестре 1914 г. прочитал там свой первый курс («Негр в Америке»). Так в возрасте почти 50 лет началась его карьера социолога.

Довольно быстро Парк занял заметное место на факультете социологии и антропологии, опубликовав в 1915 г. статью «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде», ставшую во многом программной для чикагской социологии, и привнеся в последнюю более акцентированные теоретические интересы⁴. Поначалу он оставался в тени Томаса (с которым близко сошелся и тесно сотрудничал), но с 1918 г., когда тот был уволен из университета, вышел из тени. К началу 1920-х годов у него сложилось плодотворное партнерство с молодым сотрудником факультета (и его выпускником) Э.У. Бёрджессом. У них был общий кабинет, в который постоянно заходили студенты для обсуждения своих исследований; вдвоем они образовали, по словам Э.Ч. Хьюза, своего рода «преподавательскую команду»⁵.

В первой половине 1920-х годов Парк руководил большим исследованием расовых отношений на Тихоокеанском побережье; исследовались азиатские этнические сообщества в тихоокеанских

¹ Park R.E. An autobiographical note. – P. VII, VIII.

² По результатам поездки была написана книга: Washington B., Park R.E. The man farthest down; a record of observation and study in Europe. – Garden City ; New York : Doubleday, Page and Company, 1912. В отличие от других публикаций Б. Вашингтона, в написании которых Парк участвовал, в этой он был указан в качестве соавтора.

³ См.: Shils E. Teaching: Robert E. Park... – P. 125.

⁴ См.: Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 546.

⁵ Raushenbush W. Op. cit. – P. 182.

штатах и Британской Колумбии. По результатам этого исследования, в силу обстоятельств так и не законченного, был подготовлен специальный выпуск журнала «Survey graphic», где Парк опубликовал знаменитую статью «По ту сторону наших масок».

Парк долго занимал на факультете должность простого лектора. В 1923 г. его заслуги были наконец замечены университетским руководством, и он получил полную профессуру. В 1925 г. он был избран 15-м президентом Американского социологического общества (ныне – АСА).

Во второй половине 1920-х годов Парк объездил в связи со своими исследованиями многие части мира: Гавайи, Индонезию, Филиппины, Китай, Японию, Индокитай (Вьетнам, Бирму), Сингапур, Индию, Южную Африку. В 1931–1933 гг. был приглашенным профессором в Гавайском университете.

С 1933 г., после увольнения из Чикагского университета, он продолжал путешествия по миру, но до 1936 г. часто бывал в Чикаго, сохраняя связи с университетом (семинар по расовым отношениям и культурным контактам, чтение лекций) и дружеские связи с Э. Бёрджессом, Л. Виртом, Г. Блумером, Э. Фэрисом, Р. Редфилдом, Э.С. Эймсом, Г. Лассуэллом, Э.Ч. и Х. Хьюзами.

В 1936 г. Парк с семьей переехал в Нэшвилл, шт. Теннесси. С этого года и до конца он работал в университете Фиска, где президентом был его друг и ученик Ч. Джонсон, один из ярчайших негритянских социологов США первого поколения. Поскольку преподавательские обязанности у Парка были необременительными, он продолжал путешествовать по миру, посетив в том числе Китай, Яву, Бразилию (провинцию Байя), и продолжал писать.

Умер он 7 февраля 1944 г. в Нэшвилле, напряженно работая до конца своих дней.

Особенности наследия

Собственно социологическое наследие Парка охватывает его опубликованную докторскую диссертацию и разнородные публикации, сделанные с начала работы в Чикагском университете. Среди них – одна-единственная полноценная монография «Иммигрантская пресса и ее контроль» (1922), представляющая собой отчет об исследовании прессы на иностранных языках, проведенном Парком для корпорации Карнеги в рамках широкого проекта

«Исследования американизации»¹. Остальное – статьи, очерки и предисловия к монографиям его учеников. После кончины Парка эти тексты были собраны в трехтомном собрании сочинений, подготовленном его учениками (прежде всего Э.Ч. Хьюзом)². Кроме того, Парк подготовил два учебника: первый – «Введение в науку социологии» (1921) – был сделан в соавторстве с Э.У. Бёрджессом и представлял собой в значительной мере хрестоматию, хотя и не только³; второй – «Очерк принципов социологии» (1939) – был задуман и подготовлен им в качестве редактора и не содержал его текстов⁴.

Парковское видение социологии не представлено систематически и в полном объеме ни в одной из его работ. Оно рассеяно по его публикациям и, можно добавить, отчасти по публикациям его сподвижников и учеников. Оно постоянно пребывало в процессе доработки и переработки, отзываясь на развертывающийся поток исследований и на постоянно возникавшие в нем новые проблемы и потребности. Как отмечает Э.Ч. Хьюз, Парк «не оставил *magnum opus*. Он считал свои работы пролегоменами к исследованиям, которые увенчиваются более систематическим знанием человеческой социальной жизни»⁵.

Именно в этих «пролегоменах», при всей их подвижности и открытости к изменению, документированы очертания тех общих

---

¹ Park R.E. The immigrant press and its control. – New York ; London : Harper & Brothers Publishers, 1922. Имя Парка (вместе с именем Г.А. Миллера) стоит на обложке еще одной книги, написанной в рамках проекта «Исследования американизации», – “Old world traits transplanted” (1921), но основная работа по написанию книги была сделана Томасом; Парк лишь предоставил свое имя, чтобы она могла быть опубликована, так как издательство категорически отказывалось публиковать Томаса после скандала с его увольнением; в позднейших переизданиях книга выходила под авторством Томаса с указанием участия Парка и Миллера (см.: Raushenbush W. Op. cit. – P. 88–89, 92–93).

² Park R.E. Race and culture (Collected papers. Vol. I). – Glencoe, Ill. : The Free Press, 1950; Park R.E. Human communities: The city and human ecology (Collected papers. Vol. II). – Glencoe, Ill. : The Free Press, 1952; Park R.E. Society: Collective behavior, news and opinion, sociology and modern society (Collected papers. Vol. III). – Glencoe, Ill. : The Free Press, 1955.

³ Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. – Chicago : University of Chicago Press, 1921.

⁴ Park R.E. (ed.) An outline of the principles of sociology. – New York : Barnes & Noble, 1939.

⁵ Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 548.

рамок, которые сделали чикагскую социологию больше чем агрегацией интересных исследований.

Центральную роль Парка в чикагской социологии 1920–1930-х годов можно рассмотреть с четырех взаимосвязанных сторон: он во многом задал характерный для нее тип натуралистического исследования; он был автором практически всех ее программных текстов; он был прямо и глубоко вовлечен в большинство исследований, составивших ее славу; и он выстроил систему координат, придающую ей характерные, узнаваемые очертания.

Социология как эмпирическая / натуралистическая наука: социолог как «суперрепортер»

Тип исследовательской работы, который развился у Парка и к которому он позже приобщал учеников, во многом вытекает из его журналистского опыта, предшествовавшего работе в Чикаго. Этот опыт, как отмечает М. Балмер, дает «ключ к пониманию его ориентации»¹.

Богатейший репортерский опыт, помноженный на присущий Парку живой интерес к людям и тому, что с ними происходит, приучил его к ознакомлению с людьми и ситуациями «из первых рук» и к «свободе от конвенциональных способов смотреть на поведение»². Парк испытывал «симпатию ко всем видам и состояниям людей, эстетическое и моральное удовольствие от фактов их повседневного существования. Удовольствие от созерцания драмы и конфликтов в крупных событиях существовало в нем вместе с отстраненностью. Все происходившее интересовало его»³. С этим же опытом постоянных путешествий по городу были сопряжены для Парка работа редактором городских новостей и подготовка материалов воскресных выпусков. В этом опыте постепенно складывалось его общее представление об организации жизни в крупных современных городах. Позже он вспоминал об этом: «Думаю, бродя по городам в разных частях мира, я покрыл большие рас-

---

¹ Bulmer M. Robert Park's journey into sociology // The Anthem companion... – P. 41. Это же отмечает и Шилз: «Сам он был журналистом и редактором, и этот журналистский опыт наложил отпечаток на его видение того, что собой представляет мир и как его надо изучать» (Shils E. The sociology of Robert E. Park. – P. 88).

² Odum H.W. Op. cit. – P. 134.

³ Shils E. Teaching: Robert E. Park ... – P. 124.

стояния, чем любой другой из живущих людей. Из всего этого я вынес, среди прочего, концепцию города, сообщества и региона не просто как географического феномена, а как своего рода социального организма¹. Так же возникло у Парка и глубокое понимание расовых отношений и расовых проблем – в ходе постоянных путешествий и непосредственного знакомства с людьми в разных ситуациях во время работы секретарем у Б. Вашингтона.

В ходе журналистской работы сформировались все ключевые интересы Парка как социолога: газета, новости, коллективное поведение, расовые отношения, город. Именно эти интересы привели его к долгому углубленному изучению философии, а потом и социологии². Отсюда же выросли курсы, которые он позже читал в Чикаго: «Негр в Америке» – на материале семилетней работы в Таскиги; «Газета» – на основе репортерского опыта и осмысливания природы газеты и новостей в связке с общественным мнением и поведением; «Толпа и публика» – на материале диссертации и многолетнего внимания к разным формам коллективного поведения; «Обследование» – на основе глубокого и всестороннего знания городов, в которых он был репортером и редактором городских новостей.

Войдя в мир социологии, Парк привнес в него свое видение социолога как «своего рода суперрепортера», призванного сообщать «точнее» и в «чуть более отстраненной манере» так называемые Большие новости, т.е. «долговременные тенденции», опровергающие о том, что «действительно происходит», в противовес тому, что видится людям на поверхности³. Это видение ориентиров социологии и закрепилось в практике Чикагской школы как «натуралистическое изучение человеческой групповой жизни»,

---

¹ Park R.E. An autobiographical note. – P. VIII.

² Так, вспоминая о своем юношеском замысле «реформировать газету, сделав ее более точной и научной», Парк пишет: «...мой опыт репортера привел меня к изучению социальной функции газеты – не как органа общественного мнения, а как летописи текущих событий... Я провел шесть лет дома и за рубежом, работая над этой задачей. Отсюда выросли моя диссертация о толпе и публике... и мой интерес к коллективному поведению. Думаю, моим основным теоретическим интересом до сих пор остается газета как социальный институт. Одной из вещей, которые я открыл в ходе своих исследований, было то, что нет никакого адекватного и точного языка, которым можно было бы описать вещи, которые я хотел изучить, например “коллективное поведение”» (цит по: Odum H.W. Op. cit. – P. 132).

³ Park R.E. An autobiographical note. – P. IX.

акцент на котором Г. Блумер позже назвал одним из «великих достижений» Парка¹.

Центром тяжести в этом видении социологии как эмпирической науки был императив вовлеченности, живого соприкосновения с изучаемым миром, натуралистического наблюдения на месте, знакомства с предметом из первых рук. Это требование зафиксировано в знаменитом призыве «испачкать штаны в реальном исследовании»². Интерес к живому событийному миру стирает грань между журналистом и социологом, а также – косвенно – историком. А тип знания, получаемый в прямом контакте с изучаемыми людьми («знание-знакомство», по У. Джеймсу), – точка опоры для любых социологических интерпретаций и обобщений³.

Вовлеченность между тем должна уравновешиваться отстраненностью. Это фиксируется в часто цитируемом требовании Парка, чтобы социологи исследовали людей «с такой же объективностью и отстраненностью, с какой зоолог препарирует коло-

---

¹ Цит. по: Raushenbush W. Op. cit. – Р. 119.

² Полностью этот призыв звучит так: «Вам говорили идти корпеть в библиотеку, дабы накопить там гору записей и покрыться толстым слоем пыли. Вас призывали выбирать проблемы там, где можно найти пропахшие плесенью груды документации, основанной на тривиальных бланках, которые были подготовлены усталыми бюрократами и заполнены не желающими этого делать претендентами на пособие, суетливыми благодетелями человечества или бесчувственными клерками. Это называется “запачкать руки реальным исследованием”. Те, кто вам это советует, люди мудрые и почтенные; резоны, которые они в пользу этого приводят, имеют большую ценность. Но нужна еще одна вещь: непосредственное наблюдение. Пойдите и посидите в вестибюлях роскошных отелей и у входа в ночные ложки; посидите на золотобережных диванах и на импровизированных постелях в трущобах; посидите в Концертном зале и в дешевом кафешантане. Короче говоря, джентльмены, идите и испачкайте свои штаны в реальном исследовании» (цит. по: Tomasi L. (ed.) Op. cit. – Р. 78–79). Как выяснил Р.М. Ли, это высказывание сохранил для нас Г.П. Беккер (записав со слуха в 1928 г.). См.: Lee R.M. Beyond «get the seat of your pants dirty in real research»: Park on methods // The Anthem companion ... – Р. 51–52.

³ Г. Блумер подчеркивает значимость так истолкованного эмпиризма, видя в нем главную силу чикагской социологии и ее своеобразие. Одна из фундаментальных посылок Парка, как он отмечает, «именно и заключена в признании того, что человеческая группа состоит из людей, которые *живут*. Довольно странно, но это не та картина, которая лежит в основе доминирующей образности в поле сегодняшней социологии... Они думают об обществе или группе как о чем-то таком, что существует в форме регуляризированной *структурь*, в которой люди размещены» (Reminiscences of classic Chicago: The Blumer–Hughes talk / ed. and with an introduction by L.H. Lofland // Urban life. – 1980. – Vol. 9, N 3. – Р. 261).

радского жука»¹. Эта объективность не устраниет необходимости понимания изучаемых людей, но именно предполагает ее как необходимое условие. Позже эта методологическая позиция была доведена до полной ясности Э.Ч. Хьюзом в трактовке социолога как «маргинального человека», совмещающего в себе «инсайдера» и «аутсайдера»². Она является характерно прагматистской и отмежевывает социологию от позитивизма (с его трактовкой социолога как внешнего наблюдателя) и от реформистского активизма «борцов за добро» («do-gooders»), типичного для утвердившейся с конца XIX в. традиции социальных обследований (где исследователь виделся как заинтересованный, болеющий за дело участник).

Ориентация на объективность делает социологию наукой и придает ей специфичную для нее связность и систематичность. Она подразумевает интерпретацию наблюдений с использованием абстрактных понятий и схем общего характера. Каждое наблюдающее событие (наблюдение, новость), как полагал Парк, может быть помещено «в какую-нибудь универсальную тему человеческого взаимодействия»³, подведено под ту или иную категорию, и задача состояла в соотнесении того и другого. «Так, – пишет Э.Ч. Хьюз, – появилась эта кажущаяся аномалия, когда человек, желавший заставить социологию работать с новостями, был также и человеком, основавшим свою схему на работе самого абстрактного из всех социологов, Георга Зиммеля. У него не было желания сформировать систему, и вместе с тем он был прежде всего систематическим социологом»⁴.

Социологию в парковском видении отличает абдуктивное связывание событий и вещей, новостей и абстрактной теории, истории и естественной истории, сочетание «вдумчивой рефлексивности в отношении оснований общества со страстью восприимчивостью к скромным фактам обыденной жизни»⁵. В период между двумя мировыми войнами этот сплав любопытства к проходящему с теоретическим интересом окрасил собой американскую социологию, и «Парк больше, чем кто бы то ни было раньше или в его время, свел эти два интереса вместе»⁶. Социология у

---

¹ Слова Э.У. Бёрджесса, цит. по: Matthews F.H. – Op. cit. – P. 116.

² См.: Hughes E.C. The improper study of man // The sociological eye. – P. 431–442. Особенно р. 435–436.

³ Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 549.

⁴ Ibid.

⁵ Shils E. Teaching: Robert E. Park ... – P. 122.

⁶ Слова Э.Ч. Хьюза, цит. по: Linder R. Op. cit. – P. 164.

Парка – наука одновременно идиографическая и номотетическая. Различаемые У. Джеймсом «знание-о» и «знакомство» одинаково важны и необходимы для социолога, ни одно из них не должно перевешивать другое, они должны «сосуществовать в балансе»¹.

У Парка все это подпитывалось редким даром понимать людей². И этот дар был в какой-то степени заразительным, передаваясь тем, с кем он работал в Чикаго. Классическая чикагская социология всегда была отчасти искусством, пронизанным таким вдохновением.

Программные тексты Чикагской школы

Какие бы программные тексты Чикагской школы мы ни взяли, во всех автором или соавтором был Роберт Парк.

Его статья «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской среде» (1915) при активном содействии А. Смолла была в начале 1920-х годов положена в основу обширной программы исследований города, получившей щедрую финансовую поддержку и реализованной на площадке Чикаго совместными усилиями нескольких социально-научных факультетов Чикагского университета (не только социологов). Хотя формально Парк и не руководил этим проектом, неофициально он играл в нем ведущую роль³. Как точно резюмирует Э.Ч. Хьюз, в этой статье содержалось «в зачаточном виде большинство исследований городов, сделанных его студентами и другими в последующие годы»⁴. Книга «Город» (1925), в которую помимо этой статьи вошли тексты Э.У. Бёрджесса, Р.Д. Маккензи и Л. Вирта, была расширенной версией этой ранней программы и служила «пособием и руководством для социологического исследования городов на протяжении многих лет»⁵.

Такое же программное значение, но уже для социологии как таковой, играл знаменитый учебник Р.Э. Парка и Э.У. Бёрджесса «Введение в науку социологию» (1921). Эта книга, соединившая в

---

¹ Raushenbush W. Op. cit. – P. 120.

² Об этом так или иначе говорят все, кто знал Парка, в частности Г. Блумер, см.: Raushenbush W. Op. cit. – P. 119–120.

³ Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 546.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. – P. 548.

себе свойства хрестоматии и трактата, содержала свод основных «понятий... необходимых для анализа человеческого социального поведения»¹, и задумывалась как «введение в дальнейшие исследования и теорию»². Она оказала колоссальное влияние на межвопренную американскую социологию, получив красноречивое название «зеленая библия». Вводимые в ней понятия получили широкое хождение (в частности, схема типов взаимодействия, включающая такие процессы, как конкуренция, конфликт, аккомодация и ассимиляция); но помимо этого она заключала в себе общую систему координат для социологии.

Эту систему координат («схему соотнесения») Парк совершенствовал и дорабатывал всю жизнь, начиная со своей докторской диссертации и статьи «Социология и социальные науки» (включенной во «Введение...» в качестве вводной главы). В более поздних работах он продолжал это делать; речь идет о таких статьях, как «Симбиоз и социализация», «Социология, сообщество и общество», «Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок», «Физика и общество», «Размышления о коммуникации и культуре». Совокупность этих работ очерчивает форму, которую, с точки зрения Парка, должна принять социология как наука.

Еще один основополагающий вклад внесен Парком в человеческую экологию. Он по сути создал эту науку (вместе с учеником и сподвижником Р.Д. Маккензи) и придумал ей название. Первые упоминания о человеческой экологии появились еще во «Введении в науку социологии». В 1925 г. Парк и Маккензи с успехом представили свои видения этой науки на съезде Американского социологического общества. Большинство специальных статей о ней написано Парком уже после ухода из Чикагского университета: «Человеческая экология», «Симбиоз и социализация», «Доминирование», «Сукцессия: экологическое понятие». Они остаются классическими точками отсчета для этой области знания. Парк и Маккензи планировали целую книгу о человеческой экологии, но замысел так и не был реализован. Э. Хоули, с подачи Маккензи доведший этот замысел до конца в 1950 г., писал: «В моей юности, в 1930-е годы, не было иного источника, нежели Парк и его студенты, особенно Маккензи, откуда можно

---

¹ Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 547.

² Hughes E.C. Preface. – P. XI.

было бы почерпнуть столь ясно определенную и многообещающую программу для интеллектуального развития»¹.

Одним из последних крупных начинаний Парка в 1930-е годы был новый учебник – «Очерк принципов социологии» (1939). План состоял в том, чтобы пересмотреть «Введение в науку социологию» и воплотить в виде книги его финальное на тот момент видение социологии как науки; сам Парк выступил в качестве редактора, а главы были написаны лучшими его учениками. Парк двигался в сторону упрощения: если в первом учебнике было 14 разделов, то в этом – только четыре (Человеческая природа; Экология; Социализация; Коллективное поведение и институты)². Планировалось создать своего рода вечный учебник, регулярно пересматриваемый и корректируемый, «учебник, призванный положить конец всем учебникам, книгу идей», а публикацию фактов оставить исследовательским монографиям³. В самой форме этого учебника со всей наглядностью воплотилось парковское видение социологии как постоянно эволюционирующего знания – характерно pragmatistское и совершенно не похожее на те ее видения, в которых она отливается в жестко кристаллизованную и детально проработанную понятийную систематику.

Парк и его ученики

Говоря об объединяющей роли Парка, связавшей чикагских социологов 1920-х годов в школу, нельзя ограничиться текстами, даже программными. Если иметь в виду не систематизаторство, а

---

¹ Цит. по: Raushenbush W. Op. cit. – Р. 162.

² В последующих переизданиях (после смерти Парка – под ред. А.М. Ли) разделы перерабатывались, но незначительно. Был добавлен раздел «Социальные проблемы».

³ Raushenbush W. Op. cit. – Р. 162.

В письмах Л. Вирту Парк, рассказывая об этом учебнике, говорил о намерении «рассмотреть некоторые проблемы понятийной организации нашей любимой науки, но особенно концептуальный порядок, лучше всего подходящий для изучения коллективного поведения» (22.02.1934, цит. по: Ibid. – Р. 143), о стремлении «сделать это учебником, в котором после представления понятий и истории должен быть обзор исследований, которые были проведены в областях, охваченных разными понятиями... При этой схеме учебник мог бы продолжаться вечно, переустанавливая в каждом новом издании... старые понятия и содержа обзор новой литературы. Это могло бы сделать его институтом» (5.09.1932, цит. по: Ibid. – Р. 144).

некоторую систематичность, то Парк был не только систематизатором через тексты, но и во многом систематизатором в действии. Значительная часть его влияния осуществлялась через прямую работу с учениками – неформальную, устную и недокументированную. О ней нам известно лишь косвенно, через мемуары тех, кто его окружал в те годы.

О том, насколько значимым было это влияние, говорит список тех, кто под ним находился: Ч. Джонсон, Л. Вирт, Э.Ч. Хьюз, Х. Хьюз, Ф.М. Трэшер, Х.У. Зорбо, К. Шоу, Э.В. Стоунквист, Н. Андерсон и др. О том, насколько важным было именно прямое влияние, говорит то, что многие его ученики, сделавшие под его руководством исследования, ставшие классическими, не написали после расставания с ним ничего сопоставимого по значимости¹.

Руководство студентами включало предложение тем, обсуждение хода исследований, совместные прогулки по местам, где они проводились, прямое соучастие Парка в этих исследованиях, редактирование текстов (порой очень жесткое), написание предисловий к их монографиям².

В определении тем исследований студентов Парк участвовал двояко. С одной стороны, он старался предлагать что-то такое, о чем и сам бы хотел узнать больше исходя из собственного опыта и накопленного знания о городе и расовых отношениях³. С другой стороны, он старался опираться при этом на личные интересы и мотивации студентов. Многим из них он помог найти тему и сделать карьеру исходя из их личных проблем и «крестовых походов», как, например, Ф.М. Трэшеру, К. Шоу, Л. Вирту⁴. Как отмечает Э.Ч. Хьюз, «у большинства этих людей не было никакого

---

¹ Shils E. The sociology of Robert E. Park. – Р. 105. Это же отмечает и Г. Блумер. Студенты были разные – и талантливые, и посредственные. Парк «работал терпеливо, настойчиво и упорно с каждым... Ему удалось добиться от очень многих из них развития неослабевающего интереса к сосредоточенной работе над их темами, приведшей, следует заметить, к очень впечатляющей серии публикаций. Эти публикации были по большей части великолепны; они часто представляли достижения, которых отдельные студенты при других условиях никогда не смогли бы добиться. Любопытно заметить, что в случае некоторых таких студентов их последующие интеллектуальные карьеры не были впечатляющими... На мой взгляд, влияние д-ра Парка на американскую социологию было гораздо более значительным через его преподавание и руководство студентами, чем через чтение его социологических работ» (цит. по: Raushenbush W. Op. cit. – Р. 104–105).

² См.: Raushenbush W. Op. cit. – Р. 96–106.

³ Odum H.W. Op. cit. – Р. 132.

⁴ Hughes E.C. Robert E. Park. – Р. 547.

социологического бэкграунда, и Парк очень умело подхватывал их, где бы они ни находились, увлекал, насколько мог, а затем отпускал. Такова... история многих из этих людей. Они приходили не для того, чтобы стать социологами. Они приходили чему-то научиться, и Парк улавливал в их опыте то, из чего он мог бы что-то выстроить, чем бы это ни было, а затем сочетал свой репортерский интерес со своей философской подготовкой... Он брал этих людей и выуживал из них то, что мог выудить. И выуживал он из них зачастую что-то такое, о наличии чего в себе они даже не подозревали¹. Парк помогал им погрузиться глубже в то, о чем они уже что-то знали, но знали мало и недостаточно.

Работая со студентами, Парк устраивал им экскурсии по городу. Хотя бы раз с каждым проводилась такая совместная прогулка, сопровождавшаяся наблюдениями и их обсуждением. Иногда студенты сопровождали Парка по дороге из университета домой, обсуждая с ним свои исследования. Бывало и так, что Парк сам подключался к этим исследованиям. «Когда студент делал диссертацию под его руководством, – вспоминает Э. Шилз, – он жил в теме этого студента, навязывал ему себя, шел в тот район или в то учреждение, где студент проводил полевую работу, добавляя к наблюдениям студента свои наблюдения. Он расспрашивал своих студентов обо всем и размышлял вслух с ними о вещах, которые он и они наблюдали. Если студент работал над интересной темой – обычно темой, предложенной Парком, – он безгранично интересовался работой студента. Он способен был делать это с несколькими студентами одновременно»². Так вырастали (хотя и не всегда) диссертации, бывшие «реализацией в конкретной, фрагментарной форме того глубокого понимания общества, которое предложил Парк»³. Определения проблем, модели исследования, опыт и интуиция Парка плотно инкорпорировались в работы его учеников, латентно (если не явно) связывая их друг с другом.

Лучшие из этих работ отбирались для публикации в «Социологической серии» издательства Чикагского университета. Ко многим из них Парк писал предисловия. Эти предисловия не только составляют важную часть наследия Парка; через них

---

¹ Reminiscences of classic Chicago ... – P. 267.

² Shils E. Teaching: Robert E. Park ... – P. 122.

³ Ibid. – P. 126.

исследования, заключенные в монографиях, встраиваются как элементы мозаики в общий каркас чикагской социологии¹.

Оценивая метод работы Парка со студентами, Э.Ч. Хьюз пишет, что он, «казалось, гораздо больше заботился о том, чтобы узнать что-то от студента, нежели что-то ему преподать. И именно это... сделало его великим учителем. Он будил в своих студентах любопытство к самим себе и к тем социальным мирам, в которых они жили; а затем он давал им перспективу, в которой им следовало посмотреть на себя и тем самым удовлетворить это любопытство. Эта перспектива была системой понятий, достаточно абстрактной, чтобы охватить все формы взаимодействия людей друг с другом всегда и везде, но вместе с тем живой и суггестивной»². Это всегда был способ увидеть что-то в новом свете. Универсальность понятий влекла студентов от изучения себя к изучению других, и из этого рождалось нечто универсально значимое.

Руководство исследованиями учеников было плодотворно и для самого Парка, постоянно ставя перед ним все новые и новые вопросы и стимулируя и направляя его теоретическую работу. В мемуаре, написанном для Г. Одума, Парк говорит об этом: «Именно эти исследования открыли мне, что у нас в социологии много теории, но нет рабочих понятий. Когда студент предлагал тему для диссертации, я неизменно замечал, что задаю следующий вопрос: что представляет собой эта вещь, которую вы хотите изучить? Что такое шайка? Что такое публика? Что такое национальность? Что такое раса в социологическом смысле? Что такое подкуп? и т.д. Я не представлял, как можно получить что-то вроде научного исследования, пока у нас нет системы классификации и схемы соотнесения, в которой мы сможем сортировать и описывать в общих терминах вещи, в которых пытаемся разобраться»³. Из этих вопросов и в попытке ответить на них выросла та система координат, первым наброском которой стало «Введение в науку социологию» и работу над которой Парк продолжал на протяжении всей жизни.

---

¹ Характеризуя эти тексты, Хьюз отмечает, что иногда это было предисловие «к книге, которую, как он [Парк] надеялся, автор напишет, а не к той, которую тот написал» (Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 547).

² Hughes E.C. Preface. – P. XIII.

³ Цит. по: Odum H.W. Op. cit. – P. 132–133.

Система координат

Путь интеллектуального развития Парка был, по словам Шилза, «линией непрерывного расширения опыта и знания очень разных ситуаций, и все это на службе связного, внутренне последовательного и постоянно углубляющегося понимания»¹. Система координат, которая обеспечивала эту связность и согласованность, не эксплицирована Парком в виде полного и завершенного теоретического трактата. Разные ее элементы рассеяны по публикациям разных лет; он прорабатывал то одни из них, то другие, по ходу дела перерабатывая их, дополняя, углубляя, меняя акценты.

Принципиальная позиция Парка состояла в том, что социология как эмпирическая наука имеет дело со сложными синтетическими объектами и их нужно изучать во всей полноте, во всей гамме значимых аспектов, а не в аналитически абстрагированных и очищенных вырезках. Он «был склонен к реализму, к изучению целостностей» и был убежден, «что у каждого события есть место где-то в универсальных человеческих процессах, что ни одна ситуация не может быть понята, пока в ней не найдены те универсальные качества, которые позволяют сравнить ее с другими ситуациями, как бы они ни были далеки от нее во времени, в пространстве или по виду»².

На самом общем (метатеоретическом) уровне система координат Парка представляет собой набор посылок, задающих базовые измерения изучаемого предмета³. В них определяются природа человека, природа человеческого действия и природа социального порядка. Принципиальный каркас задается рядом взаимосвязанных дихотомий: человек – это одновременно организм и персона; этой своей двойственностью человек одновременно включен в два принципиально разных порядка – биотический (природный) и культурный (моральный); в силу этого человеческое поведение подчинено двум разным рядам влияний и детерминаций и заключает в себе аспекты биологически заданного поведения и культурно (символически) организованного действия, идет ли речь о поведении индивидуальном или коллективном.

---

¹ Shils E. Teaching: Robert E. Park ... – P. 125.

² Hughes E.C. Robert E. Park. – P. 549.

³ Подробнее см.: Николаев В.Г. Роберт Парк как теоретик социологии. Многомерные и редукционистские стратегии ... – С. 21–33.

В силу построения метатеоретического каркаса на этих дихотомиях социологию Парка нередко толковали как «дуалистическую» и критиковали на этом основании¹. Но его система координат несводима к дихотомиям². Парку как социологу, работающему в русле прагматизма, дуализм чужд. Его метод мышления диалектический; в этом он следует своим учителям – как повлиявшим на него философам-прагматистам³, так и Г. Зиммелю, давшему отправные точки его социологии. Дихотомические пары задают континуумы, определяющие пространство, внутри которого выстраиваются аналитически вычлененные аспекты и возможности, которые социология должна принимать во внимание. Так, в логике этих континуумов выстроены иерархия порядков (экологический, экономический, политический, культурный), классификация форм взаимодействия (конкуренция, конфликт, аккомодация, ассимиляция) и другие важные концептуальные схемы. Такая система координат позволяет теоретически уловить игру разнородных сил в определении явлений⁴, задает поле взаимно друг друга трансформирующих сил и влияний, совместная игра которых создает ту реальность, которую нужно напрямую и целиком, во всей ее многогранности исследовать натуралистически.

---

¹ См., например: Helmes-Hayes R.C. “A dualistic vision”: Robert Ezra Park and the classical ecological theory of social inequality // Sociological quarterly. – 1987. – Vol. 28. – N 3. – P. 387–409; Lengermann P.M. Robert E. Park and the theoretical content of Chicago sociology: 1920–1940 // Plummer K. (ed.) The Chicago school: Critical Assessment. – London ; New York : Routledge, 1997. – Vol. 2. – P. 239–255.

² См., например: Парк Р.Э. Экология человека. – С. 387.

³ Э. Шилз утверждает, что свои посылки Парк воспринял от Дьюи: «От Дьюи он пришел к видению человеческих существ как биологических организмов, закрепленных в природном порядке, конкурирующих друг с другом в пределах собственного вида и в качестве вида с другими видами; он также научился у Дьюи видеть их не только как биологические организмы, но и как членов общества, удерживаемых вместе не только рациональным расчетом и договором, но и общей культурой и общими моральными идеями, когнитивным и моральным консенсусом. Эти фундаментальные концепции жизни человека на земле как биологического организма в экологическом порядке и как человеческого существа, способного к разумному дискурсу, рациональности и морали и участвующего в коллективном самосознании, оставались в уме Парка всю жизнь и пропитали его социологические взгляды» (Shils E. Teaching: Robert E. Park ... – P. 123). О прагматистских основаниях мышления Парка см. также: Maines D.R., Bridger J.C., Ulmer J.T. Mythic facts and Park's pragmatism: on predecessor-selection and theorizing in human ecology // Sociological quarterly. – 1996. – Vol. 37, Summer. – P. 521–549.

⁴ Парк Р.Э. Экология человека. – С. 389.

Суть этой системы координат – в ее многомерности, в совмещении в единой точке зрения ключевых аспектов изучаемой реальности. Это означает недопустимость редукций предмета к любой из аналитически вырезанных его сторон. Задача социологии – видеть и истолковывать происходящее (события, явления, новости) во всей конкретности и многомерности, как нечто, возникающее на пересечении множества одновременно играющих сил. Как в мидовской формуле «социальность есть способность быть несколькими вещами сразу», все обретает определенность на перекрестке множества перспектив. Никакую из перспектив нельзя априорно отбросить, все нужно иметь в виду, но в каких соотношениях они играют в каждом конкретном случае – вопрос конкретный, требующий натуралистической фокусировки на том, что в живой событийности конкретно себя проявляет. Многофазность, многофокусность, многометодность – программный идеал Парка¹.

Социология Парка – одна из ранних и наиболее продвинутых версий многомерной социологии. В отличие от более поздней ее версии, созданной Т. Парсонсом (он на Парка не опирался и не ссылался), она сфокусирована на эмпирическом / натуралистическом изучении социальной жизни, не нацелена на построение всеобъемлющей формальной понятийной системы и остается прежде всего наукой о человеке. Как прагматист, Парк питал «недоверие к систематизации и формализации»² и «довольствовался... разработкой ряда общих идей и сенсибилизирующих понятий, которые бы должным образом направляли эмпирическую работу»³. И миссию социологии он видел в том, чтобы лучше понять человека и донести до людей это понимание.

Э. Шилз сетует, что «многие из его лучших идей остались без развития, поскольку у него не было восприимчивой к ним аудитории»⁴. Но развитие все-таки было. При всем постоянном совершенствовании, система координат Парка сохраняла устойчивые очертания и шла работа над тем, как конкретно и практически ее реализовать. В работах Парка и в исследованиях Чикагской школы мы видим многообразные изобретательные попытки ее воплощения.

---

¹ Lee R.M. Op. cit. – P. 66.

² Ibid.

³ Слова Л. Козера, цит. по: The Anthem companion ... – P. 12.

⁴ Shils E. The sociology of Robert E. Park. – P. 105.

Глава 4

ЛУИС ВИРТ И ЕГО ВКЛАД В СОЦИОЛОГИЮ*

12 мая 1952 г. в журнале «Тайм» был помещен небольшой некролог: «В Буффало в возрасте 54 лет скончался от сердечного приступа доктор Луис Вирт, социолог из Чикагского университета, считавший современный большой город одним из печальнейших порождений цивилизации и однажды сказавший: “Или мы подчиним этот угрожающе сложный организм, или он нас раздавит”»¹. Так, в качестве теоретика и критика урбанизма, Вирт по большей части и вошел в каноническую, стандартизированную память социологии. Сегодня любой стандартный социологический словарь помещает статью о Вирте, как правило, небольшую, в которой неизменно фиксируется его вклад в развитие социологии города, упоминается его классическая работа «Урбанизм как образ жизни», часто называемая его ранней (тоже классической) монография «Гетто», иногда коротко перечисляются другие темы, которые затрагивались в его работах, и совсем уж редко приводятся названия еще одной-двух его работ. Так же и в учебниках в разделе «Социология города» могут отвести абзац или параграф его теории урбанизма; в других контекстах имя Вирта, как правило, не появляется. Таким образом, Вирт занял в каталоге социологических достижений весьма прочное, но скромное место, которое вряд ли когда-то уже изменится – разве что в сторону нарастающего забвения.

---

* Впервые опубликовано в: Вирт Л. Избранные работы по социологии : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований, Отдел социологии и социальной психологии : пер. с англ. – Николаев В.Г. ; отв. ред. Гирко Л.В. – Москва : ИНИОН, 2005. – С. 4–23.

¹ Time. – 1952. – Vol. 59, May 12. – P. 47.

Луис Вирт

Между тем в начале 1950-х годов, на момент своей неожиданной кончины, Вирт был одним из наиболее видных и уважаемых американских социологов, мэтром, к которому внимательно прислушивались и обращались за советом и помощью по самым разным поводам, признанным лидером Чикагской школы после ухода Р.Э. Парка из Чикагского университета, наставником целой когорты ученых и исследователей, игравших далеко не последние роли в американской и мировой социологии после Второй мировой войны (среди них Р. Бендикс, Э. Гоффман и др.). И, что еще важнее, его вклад в развитие социологической науки оценивался в то время не столь однозначно и узко, как теперь. Современники признавали важный вклад Вирта не только в теорию урбанизма, но и в изучение и осмысление таких тем, как сообщества в современном мире, экология человека, социальная организация, социальное планирование, расовые отношения, национализм, проблема меньшинств, международные отношения, социология преступности, социология знания, роль массовых коммуникаций и идеологий и условия консенсуса в современном обществе. Хотя Вирт не создал эксплицитной и систематической социологической теории, важ-

ность его вклада в развитие социальной теории не подвергалась сомнению¹.

Наука в своем историческом развитии неизбежно сортирует свою работу: что-то берет в будущее, а что-то отправляет в архив. Чтение Вирта наводит на мысль, что социология несколько спешила отправить в архив многое из того, что он сделал. Его работы по сей день выглядят весьма свежо, стимулируют мышление и нередко помогают в прояснении важных вопросов, вокруг которых сегодняшние споры и дискуссии зачастую нагнетают плотный, непроницаемый туман. Высокие достоинства социологических текстов Вирта определяются не только содержательной глубиной, емкостью и многоплановостью, но и особым стилем, который их отличает, – стилем, для которого характерна кристальная прозрачность и ясность. Стоит отметить, что социологи нередко пренебрегают старыми текстами, исходя из того, что в них описывается и объясняется старый социальный мир, которого уже нет, в то время как от социологов по роду их деятельности требуется оперативно реагировать на мир сегодняшний, который на глазах меняется и уже совсем не такой, каким был раньше. «Злоба дня» легко делает нас интеллектуально близорукими и лишает восприимчивости к целым пластам научных ресурсов, которые могли бы сегодня быть нам полезными. Тексты Вирта содержат много таких ресурсов. Более того, они посвящены как раз тем проблемам, которые сегодня нас остро волнуют и для которых пока не найдено решений – ни теоретических, ни практических. Это утверждение вряд ли прозвучит убедительно для тех, кто измеряет эпохи небольшими отрезками времени и считает, что со второй половины XX в. мир ежегодно или даже еженедельно меняется столь радикально, что социально-научная литература более чем прошлогодней давности уже ничего не может нам дать. Но возможен и другой взгляд на социальные процессы, акцентирующий долговременные, вековые изменения, которые переживаются во всей их остроте сегодня, но которые начались давно и привлекали внимание выдающихся умов десять, двадцать, пятьдесят, сто, двести лет назад.

---

¹ См.: Blumer H. Louis Wirth: In memoriam // Amer. j. of sociology. – 1952. – Vol. 58, N 1. – P. 69; Burgess E.W. Louis Wirth, 1897–1952 // Amer. sociol. rev. – 1952. – Vol. 17, N 4. – P. 499; Frazier E.F. Louis Wirth: An appreciation // Phylon. – 1952. – Vol. 13, N 2. – P. 167; Bendix R. Social theory and social action in the sociology of Louis Wirth // Amer. j. of sociology. – 1954. – Vol. 59, N 6. – P. 523–529; Bernert E.S. Louis Wirth // International encyclopedia of the social sciences. – New York : The Macmillan Company & The Free Press, 1968. – Vol. 16. – P. 558–559.

В работах Вирта есть много проницательных наблюдений именно таких изменений, и эти наблюдения могут показаться интересными.

Так, вдумчивое чтение работ Вирта позволяет увидеть в них глубокий и многосторонний анализ социальных и социально-психологических аспектов глобализации (хотя слово «глобализация» в них и не употребляется). Урбанизм как образ жизни может быть рассмотрен как образ жизни глобального общества, поскольку последнее – общество *par excellence* городское. В статьях Вирта описывается, как глобализация радикально подрывает старые формы социальных связей без образования столь же прочных новых, как общество становится «массовым» и нуждается в новых формах и методах создания/воспроизведения консенсуса, как новые условия глобального существования создают новые угрозы и опасности, делая существование человека рискованным и ненадежным. У Вирта можно много прочесть о тех последствиях, которые несет глобализация человеческой личности. Городской тип личности, который он описывает, – это тип личности, который характерен для глобального общества. В исследовании гетто Вирт ярко показывает, как процесс глобализации, с одной стороны, упрямо уничтожает старые формы локальной общинной жизни, а с другой – активно способствует реанимации общинных, националистических и традиционалистских реакций в группах, утрачивающих в глобальном обществе свою идентичность. Детально анализируются механизмы утраты этой идентичности и связь высокой ценности этой идентичности с экономическим и политическим неравенством. Проблемы «меньшинств», анализируемые Виртом, – острые проблемы сегодняшнего общества. Сложность взаимосвязей между локальными, региональными, национально-государственными и международными уровнями социальной жизни, связанные с этим конфликты и проблемы – все это имеет прямое отношение к тем трудностям, с которыми мы сегодня никак не можем справиться и которые до конца не понимаем. Вирт пытается их понять, хотя и не дает никаких готовых рецептов, которыми можно было бы воспользоваться. Если взглянуть на идеи Вирта под таким углом зрения, то становится видно, что «глобализация» – лишь один из аспектов того процесса, который связан с переходом от узкопартикулярных ко все более универсальным формам социального существования, своего рода предел этого процесса. Но собственно этот процесс и был для Вирта главной темой его исследований. О чём бы конкретно он ни писал, в его работах неизменно затрагивается эта тема.

Поскольку Вирта интересовали общие формы, процессы и тенденции социальной жизни, его произведения вполне могут быть прочитаны как тексты о современном нам обществе¹.

Краткий биографический очерк

Луису Вирту выпада недолгая, но предельно насыщенная жизнь. Родился он 28 августа 1897 г. в небольшом сельском мещечке Гемюнден в Германии в сравнительно зажиточной еврейской семье. В 1911 г., когда Луису было 14 лет, родители по настоятельному совету его дяди по материнской линии, несколько лет назад уехавшего в Америку и к тому времени неплохо там обосновавшегося, решили, что в США юношу ждут более широкие перспективы, чем на родине. Переехав в Америку, Вирт первое время жил в Омахе (шт. Небраска), там же закончил школу. В 1916 г. он перебрался в Чикаго, дабы учиться в тамошнем университете, имевшем репутацию одного из лучших университетов страны. Первым профессиональным выбором Вирта стала медицина, однако в скором времени он передумал, перевелся на факультет социологии и закончил его в 1919 г. со степенью бакалавра. Три года после этого он занимался практической социальной работой, возглавляя отдел по работе с несовершеннолетними правонарушителями в чикагском Бюро личных услуг. Затем он вернулся для продолжения учебы в Чикагский университет, с которым отныне была связана вся его профессиональная карьера, за исключением трехлетнего периода, когда он работал в Тулейнском университете в Новом Орлеане (1928–1930) и выезжал по исследовательскому гранту в Европу (1930–1931).

В 1925 г. Вирт получил в Чикагском университете степень магистра, а в 1926 г. защитил там же докторскую диссертацию. Книга «Гетто», написанная на основе диссертации и изданная в 1928 г., стала классической. С 1926 г. Вирт работал штатным преподавателем на факультете социологии. В 1928 г. он его временно покинул, но спустя три года вернулся. С 1931 г. он доцент, с 1932 г. – адъюнкт-профессор, с 1940 г. – профессор. Помимо преподавания работа на факультете была связана для Вирта с административны-

---

¹ Наиболее полная биография ученого, а также библиография и общий обзор его работ представлены в книге: Salerno R.A. Louis Wirth; a bio-bibliography. – New York : Greenwood Press, 1987.

ми обязанностями. К ним он относился очень трепетно, отдавая им много сил и времени. При университете функционировал Совет по социально-научным исследованиям, игравший важную роль в организации и координации исследований чикагских социальных ученых. С 1930 г. и вплоть до кончины Вирт был его членом, а в 1935–1947 гг. – секретарем. В разные годы Вирт участвовал в работе таких его комиссий, как «Личность и культура», «Исследование жилищной застройки», «Культурные гибриды», «Присуждение стипендий». На момент кончины он был председателем комиссии «Организация исследований в социальных науках». В 1936 г. Вирт подготовил официальный доклад об исследовательской политике этого органа. В 1940–1948 гг. Вирт занимал пост заместителя декана отделения социальных наук. С 1949 г. был председателем работавшей при университете Комиссии по исследованиям, подготовке и обучению в области расовых отношений. Кроме того, в разные годы он был членом межфакультетских комиссий по коммуникациям, промышленным отношениям и планированию.

В 1930-е годы Вирт участвовал в реализации программы документирования чикагских локальных сообществ, разработанной в 1920-е годы Комиссией по исследованию локального сообщества (LCRC). В 1938 г. была опубликована подготовленная им совместно с М. Фурес первая «Книга фактов локального сообщества», подробно описывавшая все районы Чикаго, с приложением карт, исторических справок и статистических данных. Эта книга стала образцом для последующих аналогичных справочников, издававшихся в Чикаго раз в десять лет. В 1946–1947 гг. Вирт исполнял обязанности директора в организации Chicago Community Inventory, занимавшейся сбором данных для этих справочников.

Работа в Чикагском университете, бывшем до 30-х годов XX в. центром американской социологической науки, была сопряжена для Вирта с активной работой в Американском социологическом обществе (позже – ассоциации). В 1931–1932 гг. он выполнял функции секретаря и казначея АСО, а в 1947 г. был избран его президентом. В течение многих лет он был заместителем главного редактора *American journal of sociology*, официального органа АСО, а также редактором многих книг, издававшихся под эгидой Общества. Кроме того, он был редактором серии «Социология» издательства Macmillan.

Участие Вирта в делах профессионального сообщества далеко не ограничивалось работой в АСО. В 1937 г. он был президентом Ассоциации социологических исследований, в 1951 г. участ-

вовал в учреждении Общества изучения социальных проблем. В ноябре 1947 г. под его руководством в Чикаго была проведена 1-я национальная конференция по межгрупповым отношениям, из которой выросла Национальная ассоциация специалистов по межгрупповым отношениям. Также он был членом Американского общества специалистов по планированию и Американской ассоциации университетских профессоров. Он был одним из основателей Международной социологической ассоциации и в 1949 г. стал первым ее президентом.

Социология, в представлении Вирта, не должна была быть кабинетным занятием. Считая, что социолог по роду своей профессии обязан находиться в гуще социальной жизни и деятельно участвовать в ее реконструкции на основе научных принципов, Вирт был плотно включен в общественную деятельность на локальном, региональном и национальном уровнях. К нему часто обращались за консультациями муниципальные власти, власти штата Иллинойс, различные гражданские организации. Круг вопросов, по которым Вирт их консультировал, был весьма широк. Это проблемы городского планирования, преступности, межрасовой напряженности, миграций, реконструкции трущоб и размещения школ. На протяжении всего времени работы в Чикагском университете Вирт поддерживал постоянный контакт с местными социальными работниками и сам по сути был профессиональным социальным работником¹. В разные годы он активно работал в официальных национальных организациях и органах штата Иллинойс, участвуя в выработке социальной политики. В 1935–1943 гг. он был консультантом и региональным председателем Национальной комиссии по ресурсам. Наиболее важным итогом этой работы стал отчет «Наши города: Их роль в национальной экономике» (1937), основным автором которого был Вирт; эта книга – одно из первых официальных исследований урбанизма в США. В 1944 г. Вирт был директором по планированию в Комиссии по послевоенному планированию штата Иллинойс. В 1948–1951 гг. он занимал пост президента в Американском совете по расовым отношениям.

Как человек публичный Вирт неоднократно выступал в СМИ, затрагивая в выступлениях и интервью злободневные темы,

---

¹ In memoriam: Louis Wirth // Social service review. – 1952. – Vol. 26, N 3. – P. 357.

волновавшие американскую общественность¹. В качестве приглашенного профессора он читал лекции в Стэнфордском, Мичиганском, Миннесотском и Айовском университетах.

Кончина Вирта стала для тех, кто его знал, полной неожиданностью. 3 мая 1952 г. он выступал на конференции по отношениям в сообществе в Университете Буффало. После выступления случился сердечный приступ.

Этот сухой перечень биографических фактов позволяет многое понять в личности Вирта, в его социологическом кредо и в особенностях его научного наследия. Вирт считал, что социология как наука может развиваться только в тесном контакте с социальной практикой и должна активно участвовать в выработке социальной политики. Личность Вирта как социолога неотделима от этого кредо. Острое теоретическое зрение сочеталось в нем с постоянной погруженностью в эмпириическую фактуру и активной гражданской позицией. Он чувствовал себя одинаково непринужденно и в теоретизировании, и в эмпирическом наблюдении, и в социально-политическом консультировании. Все эти три элемента, как правило, сплавлены воедино в его социологических работах и трудноотделимы друг от друга. У Вирта нет практически ни одного чисто эмпирического исследования, ни одной чисто теоретической работы и ни одной чисто прикладной публикации, лишенной серьезного теоретического и эмпирического контекста.

Кроме «Гетто» и упомянутых выше «Книг фактов» и «Наших городов», у него не было больших монографий. Понять причины этого нетрудно, учитывая огромную занятость ученого. Вместе с тем наследие Вирта велико. Кроме названных книг, оно включает около сотни статей на разные темы. Попробуем, насколько возможно, систематизировать это наследие.

Социологическое наследие Вирта: инвентаризация

Разложить наследие Вирта по рубрикам – задача нелегкая и во многом неблагодарная. Главная причина в том, что публикации Вирта по большей части многослойны; отнесение той или иной работы к одной рубрике не исключает одновременного отнесения ее и к нескольким другим. Так, классический очерк «Урбанизм как

---

¹ Распечатки 65 радиовыступлений Вирта на «Круглом столе Чикагского университета» (1938–1952) хранятся в библиотеке Чикагского университета.

образ жизни» можно законно рассматривать как работу по теоретической социологии, социологии урбанизма, методологии изучения города, социальной экологии, социологии модернизации, социологии личности. В силу этого тематическая каталогизация работ Вирта, предлагаемая ниже, должна рассматриваться скорее как рабочий справочник для предварительной ориентации в его наследии, чем как строгий путеводитель, указывающий, где что у Вирта можно найти.

Теория и история социологии. Вирт идентифицировал себя прежде всего с этой областью социологической работы. При этом историко-социологических и чисто теоретических публикаций у него немного. Отсутствие специальных теоретических трудов отчасти объясняется тем, что Вирт никогда не стремился создать какую-то школу или особое теоретическое направление. Он был представителем и наследником чикагской теоретической традиции (У.А. Томас, Р.Э. Парк, Э.У. Бёрджесс), и его работа подсоединена к корпусу работ других ее представителей, в котором можно обнаружить многие неэксплицитированные элементы его теоретической позиции. Кроме того, Вирт негативно относился к абстрактному теоретизированию как специализированному виду деятельности. В итоге, теоретические идеи рассеяны более или менее равномерно по всем его работам, нигде не изложены полно и систематически и не всегда эксплицитны.

Теоретическая составляющая как таковая больше всего присутствует в его очерках «Социальное взаимодействие: проблема индивида и группы» (1939)¹, «Человеческая экология» (1945)², «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство: попытка прояснения терминов» (1948)³, «Урбанизм как образ жизни» (1938)⁴ и предисловие к «Идеологии и утопии» К. Мангейма (1936)⁵. Теоретичны по содержанию и многие другие работы Вирта.

Историю социологии Вирт рассматривал не просто как историографию дисциплины, а как важный компонент теоретической работы. Его публикации в этой области: «Библиография литературы о городском сообществе» (1925), «Социология Фердинанда Тён-

---

¹ Рус. пер. см.: Вирт Л. Избранные работы по социологии. – С. 24–38.

² Рус. пер. см.: Там же. – С. 39–50.

³ Рус. пер. см.: Там же. – С. 79–92.

⁴ Рус. пер. см.: Там же. – С. 93–118.

⁵ Рус. пер.: Вирт Л. Предисловие к «Идеологии и утопии» К. Мангейма // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8, вып. 3(31). – С. 10–26.

ниса» (1926)¹, «Литература по социологии: 1934» и «Литература по социологии: 1935–1936» (обе совм. с Э. Шилзом, 1935, 1937), «Американская социология, 1915–1947» (1947), «Социальные науки» (опубл. 1953) – содержат существенные теоретические вкрапления.

Особняком стоит небольшой текст «Социология и локальная история»² (опубл. 1956), в котором просматривается неожиданный набросок программы микросоциологического изучения социальной жизни, вплотную смыкающегося с микроисторией, утвердившейся в качестве полноценной области исследования много позже.

Человеческая экология. Этому важному для чикагской традиции разделу социологии посвящена программная статья «Человеческая экология» (1945). К этой же рубрике можно отнести очерк «Значение среды» (1932) и, в некоторой степени, публикации на темы регионализма и природы сообщества. Если же говорить о применении принципов человеческой экологии, то его можно найти, за редкими исключениями, практически во всех его публикациях.

Регионализм. Этой теме посвящены статьи «Локализм, регионализм и централизация» (1937)³, «Ограничность регионализма» (1951)⁴, «Перспективы региональных исследований в связи с социальным планированием» (1935). В них можно найти ключевые идеи Вирта о пространственном переупорядочении и усложнении социальной жизни с переходом от «сообщества» к «обществу».

Сообщество. Понятие сообщества является в социологии Вирта и, шире, Чикагской школы одним из важнейших. Раскрытию сути этого понятия Вирт посвятил очерк «Пределы и проблемы сообщества» (1933)⁵. В статье «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство» (1948) он попытался применить это понятие к анализу процессов становления «мирового общества».

Социология города. Принадлежа к чикагской социологической традиции, Вирт рассматривал город как основной объект исследований, как «социальную лабораторию», где могут быть изучены важнейшие социальные процессы современного общества,

¹ Рус. пер. см.: Социальные и гуманитарные науки : РЖ. Сер. 11: Социология. – 2005. – № 3. – С. 106–118.

² Рус. пер. см.: Вирт Л. Избранные работы по социологии. – С. 65–78.

³ Рус. пер.: Вирт Л. Локализм, регионализм и централизация // Логос. – 2003. – № 6 (40). – С. 53–66.

⁴ Рус. пер. см.: Вирт Л. Избранные работы по социологии. – С. 138–151.

⁵ Рус. пер. см.: Там же. – С. 51–64.

«человеческая природа» и «социальный порядок». В силу этого значительная часть его научной работы (а в каком-то смысле и вся она целиком) посвящена изучению города. Его «Библиография литературы о городском сообществе», вошедшая в знаменитую книгу «Город» (1925, совм. с Р.Э. Парком, Э.У. Бёрджессом, Р. Маккензи), определила наряду с другими статьями этого сборника общие контуры чикагских городских исследований. Книга «Наши города: их роль в национальной экономике» (1937), основным автором которой был Вирт, сыграла важную роль в стимулировании изучения городских сообществ и развитии городского планирования в США.

Специфика современных городских сообществ посвящены такие статьи, как «Метропольные регионы» (1938, совм. с Л. Коуплендом), «Городские сообщества» (1942), «Метропольный регион как единица планирования» (1942), «Городское сообщество» (1943), «Жизнь в городе» (1944)¹, «Городская и сельская жизнь» (1944), «Социологические факторы городского плана» (1949)².

Много работ посвящено конкретно чикагскому городскому сообществу: «Чикаго: земля и люди» (1934), «Знает ли себя Чикаго?» (1936), «Беглый взгляд на меняющееся население Чикаго» (1936), «Социальный и культурный состав Чикаго» (1945), «Перестройка чикагского метрополиса» (1946), «Чикаго: у большого города большие проблемы» (1949), «Чикаго: куда теперь?» (1944, опубл. 1956). Также Вирт сыграл важную роль в подготовке упомянутых выше справочников «Книга фактов локального сообщества Чикаго» за 1938 г. (совм. с М. Фурес) и за 1949 г. (совм. с Э.Х. Бернерт).

Важнейшая публикация Вирта по городской социологии – «Урбанизм как образ жизни» (1938), небольшой очерк, мгновенно ставший бестселлером и уже при жизни Вирта признанный классическим. Предварительный набросок концепции урбанизма был предложен в статье «Городской образ жизни» (1937). Неразрывность урбанизма и современного общества подчеркивается в статье «Городское общество и цивилизация» (1940)³.

---

¹ Рус. пер. см.: Вирт Л. Избранные работы по социологии. – С. 119–131.

² Есть также небольшой посмертно опубликованный (по рукописи) текст «Различия между “сельским” и “городским”» (1956). Рус. пер. см.: Там же. – С. 132–137.

³ Рус. пер.: Вирт Л. Городское общество и цивилизация // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8, вып. 2(30). – С. 21–32.

Анализ важнейших аспектов современного общества.

Хотя специфика современности является сквозной темой исследований Вирта, некоторые статьи подчеркнуто посвящены анализу природы современного общества: «Урбанизм как образ жизни» (1938), «Групповые трения и массовая демократия» (1945), «Консенсус и массовая коммуникация» (1948)¹, «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство: попытка прояснения терминов» (1948).

Социология знания. Вирт считал эту область второй по важности для себя после социологической теории. Наиболее концентрированно его идеи в этой области выражены в предисловии к переводу «Идеологии и утопии» К. Мангейма, сделанному им совместно с Э. Шилзом (1936). Поскольку важность социологии знания Вирт связывал с природой современного общества (в противоположность локальным традиционным), то компоненты его социологии знания можно найти практически во всех работах, в которых речь заходит о современности. Однако в ряде работ существует повышенная концентрация этих компонентов. Роль идеологии в современном обществе рассматривается в очерках «Идеологические аспекты социальной дезорганизации» (1940)², «Идеи и идеалы как источники могущества в современном мире» (1947), «Консенсус и массовая коммуникация» (1948); роль социально-научного знания – в очерках «Американская социология, 1915–1947» (1947), «Ответственность социальной науки» (1947), «Социальные науки» (опубл. 1953); роль СМИ в современном обществе – прежде всего в очерке «Консенсус и массовая коммуникация». К этой группе публикаций тесно примыкают статьи о социальном планировании и образовании.

Социальное планирование. В этой области Вирт проявил себя как энергичный социолог-практик и социальный инженер. Планированию посвящен целый ряд его статей и брошюры: «Перспективы региональных исследований в связи с социальным планированием» (1935), «Федеральный учет информации о городах» (1939), «Метропольный регион как единица планирования» (1942), «Полномочия и услуги правительства в послевоенные периоды» (1943), «Подготовка к прекращению военных контрактов» (1944), «Ваш бизнес после войны» (1944), «Иллинойс готовится к миру» (1944), «Потребности в социальном планировании» (1944), «Что

¹ Рус. пер. см.: Вирт Л. Избранные работы по социологии. – С. 209–235.

² Рус. пер. см.: Там же. – С. 192–208.

вызывает безработицу» (1944), «Городское планирование и расовая политика» (1945), «Последствия недавних социальных тенденций в городском планировании» (1945), «Планирование современных городских сообществ» (1945), «Планирование сообщества для мирной жизни» (1946), «Планирование для свободы» (1947), «Социологические факторы городского плана» (1949), «Чикаго: куда теперь?» (1944, опубл. 1956). К этой же рубрике можно отнести работы Вирта о жилищном планировании: «Жилье» (1940), «Жилье как поле социологического исследования» (1947).

Образование. Институтам образования Вирт отводил очень важное место в современном обществе, связанное с возрастанием роли знания в поддержании социального порядка. Образованию посвящены статьи «Природа, масштабы и существенные элементы общего образования» (1934), «Перекосы в образовании для бизнеса» (1940), «Проблемы и перспективы учебных планов по социальным наукам» (1943), «Образование ради выживания: евреи» (1943), «Политические и социальные условия после войны и высшее образование» (1944), «Социальные условия для высшего образования после войны» (1944).

Целый цикл публикаций связан с особым интересом Вирта к проблемам межкультурных и расовых отношений, меньшинств, национализма, что отчасти обусловлено его личным опытом иммиграции, двойственной принадлежности и маргинальности. Первоначально этот круг проблем исследовался в основном на примере еврейских иммигрантских групп; позже – преимущественно на примере негритянского меньшинства в США.

Межкультурные отношения. К этой рубрике можно отнести ряд ранних статей: «Культурные конфликты в иммигрантской семье» (1925), «Культурный конфликт и дурное поведение» (1931), «Взаимосвязь культур» (1937).

Расовые отношения. Под «расовыми отношениями» в социологии того времени подразумевались отношения не только между расовыми, но и между этническими и культурными группами. Этим отношениям у Вирта посвящены статьи «Раса и национализм» (1934), «Раса и публичная политика» (1944), «Гибрид и проблема расового смешения» (совм. с Х. Голдхамером, 1944), «Городское планирование и расовая политика» (1945), «Позитивные и негативные аспекты сегодняшних расовых отношений» (1945), «Цена предрассудка» (1947), «Исследования в сфере расовых и культурных отношений» (1948), «Проблемы и ориентации в исследованиях расовых отношений в США» (1950).

Меньшинства. Важнейшими публикациями Вирта на тему меньшинств были книга «Гетто» (1928)¹ и два очерка: «Сегодняшнее положение меньшинств в Соединенных Штатах» (1941) и «Проблема меньшинств» (1945)². Также этой теме посвящены статьи «Моральный дух и меньшинства» (1941), «Воздействие войны на американские меньшинства» (1943) и «Комментарии к резолюции экономико-социального совета по недопущению дискриминации и защите меньшинств» (1949).

Национализм. Проблемы национализма затрагиваются в публикациях о расовых отношениях и меньшинствах, а также более специально в статьях «Раса и национализм» (1934) и «Типы национализма» (1936). Феномен национализма Вирт рассматривает в контексте межгрупповых отношений.

Межнациональные отношения. К проблемам международных отношений Вирт обратился в последнее десятилетие своей жизни в значительной мере под влиянием мировой войны и изобретения атомной бомбы. Основной акцент его исследований в этой области связан с поиском условий поддержания мира и порядка в условиях нового «мирового» общества. Сюда относятся его статьи «Предпосылки мира» (1941), «Значение новейших социальных тенденций для осуществимых программ мира и мировой организации» (1944), «Альтернатива мировому атомному контролю» (1945), «Мир в атомную эпоху» (1948, совм. с Х. Ури и К. Хартом), «Международные напряжения как объекты социального исследования» (1948), «Консенсус и массовая коммуникация» (1948), «Мировое сообщество, мировое общество и мировое правительство» (1948), «Внутренние и международные межгрупповые отношения» (1949), «Интегративные тенденции в международных отношениях» (1950), «Свобода, власть и ценности в нашем нынешнем кризисе» (1952).

Социология личности. Собственно в этой области Виртом написана только одна статья (наполовину этнографического характера) – «Некоторые еврейские типы личности» (1926). Между тем у Вирта можно найти немало ценных идей о воздействии на

---

¹ Рус. пер. избранных глав из этой книги см.: Чикагская школа социологии : сб. переводов / сост. и пер. Николаев В.Г. ; отв. ред. Ефременко Д.В. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – С. 107–165. В рус. переводе есть также журнальная статья с одноименным названием: Вирт Л. Гетто (журнальная версия) // Избранные работы по социологии. – С. 178–191.

² Рус. пер. см.: Вирт Л. Избранные работы по социологии. – С. 152–177.

человеческую личность социальных условий: в книге «Гетто» – о воздействии продолжительной социальной изоляции, в статье «Урбанизм как образ жизни» – о воздействии анонимной социальной среды большого города.

Социология Вирта: связующие нити

Теперь, когда мы имеем синоптический взгляд на наследие Вирта, необходимо нащупать некоторые связующие нити, без которых это наследие грозит распасться на множество не связанных друг с другом фрагментов или блоков. При всем многообразии интересов Вирта, его социология внутренне органична. Какие бы темы он ни затрагивал, он руководствовался единой схемой анализа, и в контексте этой схемы его исследования оказываются частями единой картины, изображающей состояние и перспективы современного общества.

Социологию Вирт понимал как одновременно и общую, и специальную социальную науку. В качестве общей науки социология не имеет собственного предмета, который бы не изучался другими науками о человеке, а представляет собой познание человека, поскольку он ведет групповой способ существования. Общесоциологическое знание тем самым оказывается релевантным для всех наук о человеке, так как вне групповой жизни человека как особого предмета изучения не существует. Социология как общая наука дает видение «природы человека и социального порядка» *sub specie aeternitatis*. В качестве специальной науки социология имеет предметное содержание, однако это содержание в силу исторических обстоятельств лишено внутренней связности, так как вошло в себя аспекты социальной жизни человека, оставшиеся не охваченными другими науками, сформировавшимися раньше, чем социология. В текстах Вирта границ между социологией как общей наукой и социологией как специальной наукой не проводится. Они сплавлены воедино. С этим связан характерный для работ Вирта эффект: даже когда он пишет о вполне конкретных вещах, таких как проблемы городского планирования в Чикаго середины XX в. или положение меньшинств между двумя мировыми войнами, сквозь текст пробивается взгляд на человека и его социальную жизнь с точки зрения вечности.

Социология Вирта имеет сложную внутреннюю архитектонику, в полной мере не эксплицированную, но, безусловно, про-

думанную. Социологическое познание, как и любое познание, невозможно без абстрактных предпосылок, или пресуппозиций, имеющих априорный характер. Сюда входят ценности, интересы, допущения и понятия. Они фокусируют внимание исследователя на тех или иных аспектах социальной жизни и организуют познание вокруг этих аспектов. Материал, организуемый этими пресуппозициями, социолог черпает, с одной стороны, в эмпирических исследованиях, статистике, истории и т.д. и, с другой стороны, в непосредственном опыте. Последнему у Вирта придается особое значение. Он считал, что полноценное познание социальных процессов требует непосредственного участия, глубокого погружения в них. Здесь он следует традиции, принятой в Чикагском университете со времен Парка и Бёрджесса, считавших, что социолог должен выбирать для изучения те стороны социальной жизни, с которыми он знаком не понаслышке. (Отсюда такие темы исследований Вирта, как гетто, меньшинства, расовые отношения, национализм и т.п.) В каком-то смысле социолог, пользуясь общей «схемой соотнесения» и эмпирическим материалом, упорядочиваемым и организуемым с ее помощью, описывает то, что он и так уже знает в собственном опыте, но знает смутно и со своей узкой личной точки зрения. Генерализованные описания, производимые социологом в ходе этой работы, уже не сводятся к личному опыту и становятся объективными и общезначимыми в той мере, в какой возможно согласие между учеными по поводу лежащих в их основе посылок и адекватности обращения с фактами. Социолог может производить и абстрактные генерализации, но только в той мере, в какой они не теряют связи с остальными элементами социального познания. Абстрактное теоретизирование как автономный вид социологической работы Вирт категорически отвергает, и здесь он принципиально расходится со своим современником Т. Парсонсом¹. Если Парсонс разрабатывал теорию как автономный сегмент социологического знания, релевантный для эмпирических исследований, но предшествующий им, то Вирт развивал теорию в тесной связи с эмпирическим познанием, полагая, что вне соотнесения с эмпирическим материалом абстрактные схемы и понятия пусты и бесплодны. Вирт часто подчеркивал, что «теория – это аспект всего, что мы делаем, а не совокупность знаний, отдельная

---

¹ См. рецензию Вирта на «Структуру социального действия» Парсонса: Amer. sociol. rev. – 1939. – Vol. 4, N 3. – P. 399–404.

от исследований и практики»¹. Соответственно, в работах Вирта общие положения, генерализованные описания, эмпирические утверждения, ценностные суждения и практические рекомендации сплавлены в неразрывный синтез и трудно сепарируются друг от друга.

Продолжая традицию, сложившуюся в Чикагской школе, Вирт выделял в социологии три основных раздела: (1) демографию и человеческую экологию, (2) изучение социальной организации и (3) социальную психологию и изучение коллективного поведения. Каждый из этих разделов изучает социальную жизнь под определенным углом зрения, но не дает ее целостной картины. Поскольку Вирт придавал большое значение исследованию социальной жизни во всей ее целостности и во всех ее внутренних взаимосвязях, эти особые углы зрения часто соединяются в его работах либо в форме простого совмещения, либо синтетически. Например, город рассматривается как физическая структура, как система социальной организации и как совокупность определенных установок и представлений (образ жизни). Схожая трактовкадается сообществу, региону, гетто и некоторым другим изучаемым эмпирическим сущностям.

Теперь, когда мы коротко обрисовали общую конституцию виртовской социологии, обратимся несколько подробнее к ее методологическому слою. Не останавливаясь на базовых допущениях относительно человеческой природы и социального порядка, которые у Вирта в целом совпадают с теми, которые были приняты социологами Чикагской школы, а также на ценностных предпосылках, из которых он исходил (свобода, демократия, равноправие и т.д.), сосредоточим внимание на его понятийном аппарате, тем более что и сам Вирт придавал этой составляющей социологической теории огромное значение.

Основными понятиями в концептуальной схеме Вирта являются понятия взаимодействия, социальной группы, сообщества и общества. Другие понятия имеют подчиненный характер. Указанные четыре понятия являются не просто терминами. Они конституируют ключевые параметры виртовской социологии.

Понятие *взаимодействия* снимает старую дилемму индивида и группы и сопутствующий ей бесплодный спор между номи-

---

¹ Цит. по: Odum H.W. American sociology: The story of sociology in the United States through 1950. – New York ; London ; Toronto : Longmans, Green and Co., 1951. – P. 230.

налистами и реалистами. Взаимодействие трактуется как базовый процесс в формировании человеческой природы и социального порядка. С одной стороны, индивиды создают своими действиями социальный порядок; с другой стороны, эмержентные продукты их действий, обладающие свойствами, не сводимыми к свойствам произведших их индивидов, оказывают формирующее воздействие на человеческие личности. Процесс взаимодействия соединяет в себе процессы поддержания и изменения социального порядка и процессы формирования и изменения личности. Именно во взаимодействии создаются, сохраняются и распадаются социальные группы.

Под *социальными группами* Вирт имеет в виду не совсем то, что имеется под ними в виду сегодня. Это любые совокупности индивидов, которые можно мыслить как сплоченные и обладающие единством. «Сплочение» и «единство» группы могут иметь разную природу; их источниками могут быть взаимосвязь симбиотического характера и консенсус. Соответственно, каждая группа может рассматриваться *как сообщество и как общество*, в зависимости от характера связей, которые ее объединяют (как Вирт и поступает с городом, сообществом¹, регионом, гетто). Дихотомия сообщество / общество (*Gemeinschaft / Gesellschaft*) была заимствована у Ф. Тённиса, и смысл, который Вирт в нее вкладывал, примерно такой же, как у него².

В разных текстах Вирта эта дихотомия трактуется по-разному, но общий ее смысл остается неизменным: формула «от сообщества к обществу» задает общий контекст, в котором рассматривается развитие любых человеческих групп в любых пространственных и временных масштабах. Прототипом сообщества является небольшая территориально ограниченная локальная группа, в которой заключен весь круг жизненных связей ее членов. В этом случае границы сообщества и общества совпадают, и все функциональные взаимодействия между людьми, обусловленные их эгоистическими, биологически обусловленными интересами, попадают в сферу жесткого морального регулирования (консенсуса

---

¹ Rationale такой интеллектуальной манипуляции с сообществом служит то, что каждое сообщество, по Вирту, является одновременно обществом и при эмпирическом его рассмотрении не может быть адекватно познано просто как природный феномен.

² Wirth L. The sociology of Ferdinand Tönnies // Amer. j. of sociology. – 1926. – Vol. 32, N 3. – P. 412–422. Р. Бендикс даже полагает, что Вирта можно считать «в большей степени учеником Тённиса, чем учеником Парка» (Bendix R. Op. cit. – P. 528).

на основе традиции и обычая). Любой выход взаимодействий и связей за пределы этой ограниченной области хотя бы частично выводит человека из-под указанного контроля. Для современного мира закрытые сообщества не характерны. Более того, современный мир характеризуется радикальным несовпадением границ разных типов взаимосвязей: экологических, технологических, экономических, политических, культурных, моральных. В зонах этого несовпадения, которые проявляются во всех пространственных масштабах (локальных, региональных, национальных, международных), значительная часть человеческого поведения выпадает за пределы нормативного регулирования. Для современного мира характерны колоссальные сдвиги в пространственной организации социальной жизни. С ними связано кардинальное и постоянно продолжающееся изменение группового контекста человеческого существования: человек принадлежит ко множеству разных социальных групп, вовлекается во множество относительно независимых друг от друга кругов взаимодействий и принадлежностей. Этому сопутствует существенное изменение в личностных характеристиках человека.

В этом контексте и следует рассматривать разные исследования Вирта. Интерес к пространственной реорганизации современного мира присутствует в его работах, посвященных человеческой экологии, сообществу, регионализму, современным метрополисам. Проблемы входления небольших партикулярных групп в более широкий мир освещаются в его работах о меньшинствах, расовых отношениях, культурных конфликтах, гетто, национализме, маргинальности. Город, которому посвящено много работ Вирта, трактуется как место, в котором наиболее концентрированно выражены все основные процессы современного общества. Соответственно, теория урбанизма фактически представляет собой теорию современного общества, описываемый Виртом городской образ жизни есть современный образ жизни, а городской тип личности – современный тип личности. Сравнения села и города сосредоточены на контрастах между традиционным и современным обществом. Проблемы преступности, девиации, бедности, зон запустения, душевного здоровья и т.д. рассматриваются в рамках той социальной дезорганизации (или аномии), которая неизбежно порождается упадком традиционного социального контроля в условиях массовых миграций, быстрого технологического развития и все более расширяющихся торговых и экономических связей, которые отрывают человека от «почвы» его локального сообщества и вместе с

тем вырывают его из «плены» традиции и обычая. Новые международные опасности рассматриваются в этом же контексте. Возможные основания социального контроля и социального порядка в новых условиях анализируются Виртом в работах о консенсусе, о роли идеологий, образования, науки и СМИ в созидании консенсуса и укреплении социального порядка на уровне таких больших групп, как нации и международное сообщество. Влияние идей на социальные процессы – основная тема виртовской социологии знания.

Без этих связующих нитей вклад Вирта в социологию понять нельзя.

Глава 5

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В СОЦИОЛОГИИ ЭВЕРЕТТА ХЬЮЗА*

Эверетт Черрингтон Хьюз (1897–1983) – одна из самых интересных фигур в чикагской социологической традиции. Получив социологическое и антропологическое образование в Чикагском университете (1923–1927) и защитив там докторскую диссертацию (1928), он работал в университете Макгилла в Монреале (1927–1938), Чикагском университете (1938–1961, с 1952 по 1956 г. – декан факультета социологии), университете Брандейса (1961–1968) и Бостонском колледже (1968–1977), читал лекции во Франкфуртском университете (1948). В 1952–1960 гг. Хьюз был редактором American journal of sociology. Его избирали президентом Американской социологической ассоциации (1962–1963), Восточного социологического общества (1968–1969) и Общества прикладной антропологии (1951–1952); в Канаде он был избран почетным пожизненным президентом Канадской ассоциации социологии и антропологии. Хьюзом были написаны две монографии («Рост института: Чикагское агентство недвижимости», 1931¹; «Французская Канада в период перехода», 1943²), обе классические, а также множество очерков, статей и рецензий. Последние несколько раз издавались в виде сборников; наиболее полный и представительный – «Социологический глаз» (1971; второе изда-

---

* Впервые опубликовано в: Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, вып. 2, – № 48/49. – С. 31–46.

¹ Hughes E.C. The growth of an institution: The Chicago real estate board. – Chicago : Society for Social Research of the University of Chicago, 1931.

² Hughes E.C. French Canada in transition. – Chicago : University of Chicago Press ; Toronto : W.J. Cage & Co., 1943.

ние 1984 г. снабжено предисловием Д. Рисмена и Г.С. Беккера¹. Хотя приведенные факты составляют солидный послужной список, они лишь очерчивают внешнюю сторону биографии Хьюза и не дают представления о действительной значимости этого ученого.

Российским социологам Хьюз почти неизвестен. Он крайне редко цитируется в отечественной литературе. Хотя на русский язык переведено несколько его статей², признаков того, что они прочитаны, осмыслены и интегрированы в наше профессиональное знание, не видно. Это положение дел несколько контрастирует с тем, что можно наблюдать в западной социологии. Хотя А. Страсс в 1995 г. сетовал: «Кто теперь читает Эверетта Хьюза?» (с явной аллюзией на парсонсовское «Кто теперь читает Герberта

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye: Selected papers. – Chicago : Aldine-Atherton, 1971. Эта книга была собрана и подготовлена самим Хьюзом. Позже вышло еще одно собрание его работ, подготовленное Л. Козером: Hughes E.C. On work, race and the sociological imagination / Ed. by L. Coser. – Chicago : University of Chicago Press, 1994.

² Хьюз Э.Ч. Действующие предприятия: изучение американских институтов // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, Вып. 4, № 51/52. – С. 45–56; Изготовление врача: общая формулировка идей и проблем // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т. 7, № 3. – С. 313–326; Изучение институтов // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11: Социология. – 2003. – № 4. – С. 118–126; Институты // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11: Социология. – 2004. – № 1. – С. 133–159 ; № 2. – С. 129–165; Институциональная должность и персона // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11: Социология. – 2003. – № 4. – С. 127–138; Исследование занятых // Социология сегодня: проблемы и перспективы. – Москва : Прогресс, 1965. – С. 493–515; Лицензия и мандат // Личность. Культура. Общество. – 2015. – Т. 17, вып. 3/4, № 87/88. – С. 47–53; Незаконнорожденные институты // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, вып. 3, № 50/51. – С. 55–62; Ошибки на работе // Журнал исследований социальной политики. – 2008. – Т. 6, № 3. – С. 385–396; Профессии. Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – Москва : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. – С. 31–46. – (Библиотека Журнала исследований социальной политики); Профессии в обществе // Там же. – С. 47–58; Работа и досуг // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. – Москва : Прогресс, 1972. – С. 68–81; Работа и человеческое Я // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11: Социология. – 2003. – № 4. – С. 138–151; Социальная роль и разделение труда // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 46–52; Типы личности и разделение труда // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11: Социология. – 2005. – № 1. – С. 156–172; Хорошие люди и грязная работа // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11: Социология. – 2003. – № 4. – С. 151–166.

Спенсера?»), – поток специальных публикаций о Хьюзе невелик, но все-таки продолжается. Это работы И.Х. Симпсон¹, И. Чиноя², А.К. Дэниелс³, Дж. Фота⁴, Д. Рисмена⁵, К. Хита⁶, Л. Козера⁷, Р. Вейсса⁸, Ж.-М. Шапули⁹, Р. Хелмс-Хейеса¹⁰, Г. Яворски¹¹ и др. Одна из причин того, что о Хьюзе пишут сравнительно немного и редко, состоит в своеобразии его научного наследия: оно с трудом поддается систематизации. В частности, Р. Хелмс-Хейеса, пошедшего дальше всех в попытках эксплицировать теоретический подход Хьюза, отговаривали от этого Л. Козер, Г.С. Беккер, А. Стросс, Дж. Платт, О. Холл, Ж.-М. Шапули (автор французского перевода «Социологического глаза», увидевшего свет в 1996 г.), Г.А. Файн, Дж. Гасфилд, одни по причине невозможности этого, другие – ввиду того что этого, быть может, делать не стоит, так как подход неотделимо встроен в работы самого Хьюза и вполне работоспособен в этом виде¹². Кроме специальных публикаций о

¹ Simpson I.H. Continuities in the sociology of Everett C. Hughes // Sociological quarterly. – 1972. – Vol. 13, N 4. – P. 547–559.

² Chinoy E. Review of “The sociological eye” // Sociological quarterly. – 1972. – Vol. 13, N 4. – P. 559–565.

³ Daniels A.K. The irreverent eye: Review essay // Contemporary sociology. – 1972. – Vol. 1. – P. 402–409.

⁴ Faught J. Presuppositions of the Chicago school in the work of Everett C. Hughes // American sociologist. – 1980. – Vol. 15, N 1. – P. 72–82.

⁵ Riesman D. The legacy of Everett Hughes // Contemporary sociology. – 1983. – Vol. 12, Issue 5. – P. 477–481.

⁶ Heath C. Review essay. Everett Cherrington Hughes (1987–1983): A note on his approach and influence // Sociology of health and illness. – 1984. – Vol. 6, N 2. – P. 218–237.

⁷ Coser L. Introduction: Everett Cherrington Hughes, 1897–1983 // Hughes E.C. On work, race and the sociological imagination. – P. 1–17.

⁸ Weiss R.S. Remembrance of Everett Hughes // Qualitative sociology. – 1996. – Vol. 19, N 4. – P. 543–551.

⁹ Chapoulie J.-M. Everett Hughes and the Chicago tradition // Sociological theory. – 1996. – Vol. 14, Issue 1. – P. 3–29.

¹⁰ Helmes-Hayes R.C. “A dualistic vision”: Robert Ezra Park and the classical ecological theory of social inequality // Sociological quarterly. – 1987. – Vol. 28, N 3. – P. 387–409; Everett Hughes: Theorist of the second Chicago school // International journal of politics, culture and society. – 1998. – Vol. 11, N 4. – P. 621–673; The sociology of going concerns. Everett Hughes’ interpretive institutional ecology // Tomasi L. (ed.) The tradition of the Chicago school of sociology. – Aldershot etc.: Ashgate, 1998. – P. 217–250.

¹¹ Jaworsky G.D. Erving Goffman: The reluctant apprentice // Symbolic interaction. – 2000. – Vol. 23, N 3. – P. 299–308.

¹² Helmes-Hayes R.C. The sociology of going concerns ... – P. 220–226.

Хьюзе есть поток литературы о чикагской социологии в целом, в которой его имя регулярно фигурирует, и корпус публикаций, в которых применяются и развиваются отдельные плодотворные идеи ученого (например, концепция «грязной работы»).

Эверетт Черрингтон Хьюз

Почему наследие Хьюза заслуживает сегодня внимания? Во-первых, это один из ярчайших и, возможно, самых оригинальных и утонченных социологов второй половины XX в. Его вклад не исчерпывается социологией работы и профессий и социологией расовых и этнических отношений, с которыми его в основном идентифицируют. В корпусе его текстов есть скрытая общая логика, позволяющая связывать социальные феномены, на первый взгляд друг с другом не связанные. Так, в очерке «Хорошие люди и грязная работа» устанавливается связь между такими феноменами, как нацизм, разделение труда, предубеждения, secta, священное, власть¹. Перспектива, дающая такие возможности, заманчива; пока мы о ней лишь мечтаем. Во-вторых, Хьюз – один из столпов чикагской социологической традиции (одной из самых успешных

¹ Хьюз Э.Ч. Хорошие люди и грязная работа ...

в истории нашей науки), ученик и друг Р.Э. Парка¹, законный претендент на место его интеллектуального наследника (наряду с Л. Виртом, Г. Блумером, Ф. Хаузером, Р.Д. Маккензи и Э. Хоули)², крупнейший зиммелианец в послевоенной социологии США³, наставник Г.С. Беккера⁴, Э. Гоффмана⁵, А. Стросса⁶, Д. Роя⁷ и других интересных исследователей. В-третьих, он дал нам один из поучительных образцов соединения теории с эмпирической работой. Этого достаточно, чтобы внимательнее присмотреться к его наследию. Результатом этого может стать не только лучшее понимание истории дисциплины, но и углубление наших представлений о внутренней логике, возможностях и границах социологического познания.

Своеобразие социологии Хьюза

Социология Хьюза весьма сложно устроена и во многих отношениях необычна. С одной стороны, ей присуща подчеркнутая ориентация на эмпирическое фундирование высказываний и исключительное внимание к конкретным деталям и случаям, почерпнутым из исследований и из личного опыта самого Хьюза. С другой стороны, эти частности не являются самоцелью, а служат

---

¹ Faught J. Op. cit. – P. 73; Heath C. Op. cit. – P. 219; Riesman D., Becker H.S. Introduction to the Transaction edition // Hughes E.C. The sociological eye: Selected papers. – New Brunswick ; London : Transaction Books, 1984. – P. VI–VII; Riesman D. Op. cit. – P. 477, 480.

² Helmes-Hayes R.C. “A dualistic vision”. – P. 405; Helmes-Hayes R.C. The sociology of going concerns ... – P. 218.

³ Jaworsky G.D. Simmel in early American sociology: Translation as social action // International journal of politics, culture and society. – 1995. – Vol. 8, N 3. – P. 406–408.

⁴ Heath C. Op. cit. – P. 229; Plummer K. Continuity and change in Howard S. Becker’s work: An interview with Howard S. Becker // Sociological perspectives. – 2003. – Vol. 46, N 1. – P. 23.

⁵ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 20; Heath C. Op. cit. – P. 228; Helle H.J. Erving Goffman: a symbolic interactionist? // Tomasi L. (ed.) Op. cit. – P. 187; Jaworsky G.D. Erving Goffman ...; Riesman D. Op. cit. – P. 478; Smith G.W.H. Chrysalid Goffman: A note on “Some characteristics of response to depicted experience” // Symbolic interaction. – 2003. – Vol. 26, N 4. – P. 653.

⁶ Heath C. Op. cit. – P. 228.

⁷ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 17.

выяснению «форм и природы социального взаимодействия»¹; Хьюз всегда «ясно и подчеркнуто верен главной теоретической цели социологии – развитию все более общих положений об обществе и их применению к частным ситуациям»². В итоге возникает парадоксальный эффект, когда эмпирики видят в Хьюзе теоретика, а теоретики – эмпирика. Хьюз был и тем, и другим. Знавшие его коллеги отмечали присущее ему «особое двойное видение, схватывающее частное и общее почти одновременно»³.

Диалектическое совмещение уникального и регулярного, частного и общего, конкретного и абстрактного, свойственное Хьюзу и роднящее его с Зиммелем и Парком, соответствует его особому пониманию социологии, которая должна, с одной стороны, «анализировать процессы человеческого поведения… в терминах, относительно свободных от времени и места», а с другой – «рассказывать новости в такой форме и перспективе… чтобы дать ключи к использованию шансов, из коих состоит действие»; социология «пребывает в напряжении между тем и другим»⁴. Такой подход превращает любые исследуемые объекты – иммигантские сообщества и институты, расовые отношения, профессии, работу, секты – в своего рода «лаборатории» для познания других объектов, а тем самым и общества как такового⁵. Пользуясь любой темой как «лабораторией», Хьюз свободно переходит от одних объектов к другим; о чем бы ни была та или иная его статья, она всегда о чем-то еще. Сравнительный метод, который он считает инструментом получения обобщений и гарантией от «этноцентризма»⁶, принимает форму трансконтекстуальных «свободных ассоциаций»⁷. Опора на этот метод позволяет Хьюзу дополнять список индустрий такими, как рекламная, образовательная, ресторанная, профсоюзная, медицинская, спортивная⁸, сравнивать мусорщика и врача⁹, психиатра и проститутку¹⁰, секты, молодежные

---

¹ Heath C. Op. cit. – P. 220.

² Chinoy E. Op. cit. – 561.

³ Jaworsky G.D. Erving Goffman … – P. 302.

⁴ Hughes E.C. The sociological eye … – P. 299.

⁵ Daniels A.K. Op. cit. – P. 403; Hughes E.C. The sociological eye … – P. 303.

⁶ Hughes E.C. The sociological eye … – P. 70–72, 200–201, 473–477.

⁷ Chinoy E. Op. cit. – P. 560; Riesman D., Becker H.S. Op. cit. – P. VI.

⁸ Hughes E.C. The sociological eye … – P. 298.

⁹ Ibid. – P. 299.

¹⁰ Хьюз Э.Ч. Ошибки на работе. – С. 386.

движения и деловые предприятия¹, государство и рэкет². Эти сравнения позволяют Хьюзу вычленять «формы», независимые от времени и места. За счет этого в его работах, что бы в них ни затрагивалось, обнаруживаются сквозные линии, внутренняя последовательность, «преемственность идей и тем»³. В частности, он писал: «Те из нас, кто занят промышленной социологией, не должны ни на дюйм отходить от позиции, что то, что мы делаем, – такая же общая социология, как и любая другая»⁴. Он (как и Р.Э. Парк) был убежден, «что каждое событие имеет место где-то в универсальных человеческих процессах, что ни одна ситуация не может быть понята, пока в ней не будут найдены универсальные качества, позволяющие сравнить ее с другими ситуациями – сколь угодно близкими или далекими во времени, пространстве или по внешнему виду»⁵.

При этом Хьюз не систематизировал свой теоретический подход⁶, негативно относясь к «опоре на негибкий набор понятий»⁷, «всякому виду догматизма»⁸, «гипостазированной доктрине»⁹, профессиоанализации социологии вообще¹⁰ ввиду той опасности, которые они несут полевой работе как эмпирической основе социологического познания¹¹. Его позиция соответствует pragmatistской трактовке научного исследования, принятой в чикагской социологии: «Предлагаемые им понятия, обобщения и теоретические формулировки никогда не видятся как окончательные, но лишь как предварительные утверждения, которые подлежат дальнейшему уточнению по мере того, как будут исследоваться новые ситуации и заново исследоваться старые»¹². С одной стороны, сила социологии Хьюза видится именно в ее незавершенности и открытости¹³, с другой – именно отсутствие систематизации создает проблему, витающую рядом со всеми попытками выяснить, на чем

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 52–64.

² Ibid. – P. 10.

³ Simpson I.H. Op. cit. – P. 547.

⁴ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 525.

⁵ Ibid. – P. 548.

⁶ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 20–21; Chinoy E. Op. cit. – P. 562; Daniels A.K. Op. cit. – P. 402; Riesman D., Becker H.S. Op. cit. – P. IX; Simpson I.H. Op. cit. – P. 547.

⁷ Faught J. Op. cit. – P. 77.

⁸ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 21.

⁹ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 632.

¹⁰ Chinoy E. Op. cit. – P. 563.

¹¹ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 21; Chinoy E. Op. cit. – P. 562.

¹² Chinoy E. Op. cit. – P. 562.

¹³ Daniels A.K. Op. cit. – P. 402.

собственно держится эта сила. Лучше всего суть этой проблемы выразил Ж.-М. Шапули: «Очерки [Хьюза] написаны в основном по конкретным поводам; свободно развивая небольшое число понятий, его работа дает набор тонко продуманных идей, очерчивающих аналитическую перспективу для подхода к социальной реальности. Но эти очерки по форме и содержанию мало напоминают то, что понимается сегодня под “теорией”... В очерках дается мало общих положений, из которых можно было бы выстроить “теорию” того или иного хорошо определенного разряда феноменов»¹. Речь идет о том, был ли вообще Хьюз теоретиком, а если да, то в каком смысле.

Природа теоретизирования в работе Хьюза

Ввиду отсутствия у Хьюза эксплицитной теоретической системы его обычно не рассматривают как теоретика, причем, как отмечает Р. Хелмс-Хейес, «даже те, кто пишет ныне о его наследии»². По словам Дж. Гасфилда, «Эверетт был... из тех, у кого социология всегда “заземлена”, и немного недолюбливал тех, кто “занимается теорией” и пренебрегает ее заземлением... На самом деле, думаю, его насмешила бы мысль, что он теоретик»³. Если рассматривать «теорию» только в этом смысле, то ее у Хьюза определенно нет. В этом случае вкладом Хьюза обычно считают разработку нескольких полезных понятий и специализированных «теорий среднего уровня».

Вместе с тем даже противники отнесения Хьюза к стану теоретиков признают наличие у него ускользающей «базовой теоретической схемы», или «имплицитной модели». Если рассматривать этот не эксплицируемый, «менее формальный, въедливый и грандиозный» вид теоретизирования как «теорию», то такая теория у Хьюза есть, и это вписывает его в чикагскую традицию, видевшую теорию как «часть социологического предприятия» и не признававшую ее ни в какой другой форме⁴. В этом смысле, по словам

---

¹ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 4, 20.

² Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 626.

³ Цит. по: Ibid. – P. 628.

⁴ Ibid. – P. 630, 631. См. также: Николаев В.Г. Очерки Луиса Вирта по теоретической социологии // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8, вып. 2(30). – С. 11–20.

Р. Вейсса, Хьюз «был... сильным теоретиком, но не из тех, кто интересуется развитием чистой теории на манер Парсонса»¹.

Среди тех, кто признает наличие у Хьюза имплицитной теории, мало кто считает ее целостной и систематической. Среди этих немногих можно назвать И. Симпсон² и Р. Хелмс-Хейеса³, пытавшихся изложить ее в связном виде и сделавших это очень по-разному. Недостатком обеих попыток, при всех их несомненных достоинствах, является недостаточно проработанное понимание структуры социологического знания: оба автора ограничиваются противопоставлением теории (или «схемы соотнесения», как предполагал говорить Хьюз⁴) и эмпирических наблюдений, не принимая во внимание неоднородную структуру «теории». На наш взгляд, применение к социологии Хьюза аналитической модели, разработанной Дж. Александером⁵, позволяет лучше понять ее структуру и избавиться от ряда ошибок, утвердившихся в ее толковании.

Александер различает в социологии следующие компоненты: общие пресуппозиции, модели, понятия, определения, классификации, законы, пропозиции, корреляции, методологические допущения и наблюдения⁶. Для нас важно, что пресуппозиции (общие допущения о природе действия и социального порядка) независимы от других компонентов и не могут быть из них выведены, что они задают общие рамки для остальных компонентов, жестко их не предопределяя, что пропозиции не могут быть выведены из этих рамочных допущений, но должны соответствовать им и вытекать из эмпирических наблюдений (обладающих независимостью от методологических и теоретических допущений). В социологии Хьюза все названные компоненты сплавлены в амальгаму и не могут быть вычленены в чистом виде. Тем не менее в том, что в дискуссиях о Хьюзе фигурирует совокупно как его

---

¹ Цит. по: Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 631.

² Simpson I.H. Op. cit.

³ Helmes-Hayes R.C. «A dualistic vision» ...; Everett Hughes ...; The sociology of going concerns ...; The concept of social class: The contribution of Everett Hughes // Journal of the history of the behavioral sciences. – 2000. – Vol. 36, N 2. – P. 127–147.

⁴ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 660.

⁵ Alexander J. Theoretical logic in sociology. – Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1983. – Vol. 4 : The modern reconstruction of classical thought: Talcott Parsons. – P. XVII–XXV. См. обзор: Николаев В.Г. Неопарсонсianство 80-х годов XX века: Дж. Александер // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8, вып. 2(30). – С. 219–235 ; вып. 4(32). – С. 180–206.

⁶ Alexander J. Op. cit. – P. XVIII.

имплицитная «теория» или «схема соотнесения», нужно выделить два слоя, очень отличных друг от друга.

Во-первых, есть слой содержательных пропозиций, или обобщенных утверждений о социальном мире. Именно к нему надо отнести веру Хьюза в то, что «наблюдение предшествует теории»¹, и именно его имеет в виду Хьюз, говоря, что обобщение «приходит из наблюдения, описания и сравнения множества действительных организаций или ситуаций, в которых люди находятся во взаимодействии. Социологические обобщения приходят из специальных социологий, а не только применяются к ним»². Этот слой в теории Хьюза – прототип «grounded theory»³.

Во-вторых, есть слой пресуппозиций, т.е. самых общих допущений, не выводимых из наблюдений. Хьюз пишет, что «каждая отрасль [знания], поскольку она претендует на научность, имеет свою особую схему соотнесения для открытия фактов, своего рода призму, через которую определенные проблемы и факты входят в сферу нашего внимания»⁴. Именно эта «схема» придает социологии Хьюза устойчивый каркас. Она почти не эксплицируется, но постоянно имеется в виду: «Сущность социологического воображения – свободная ассоциация, направляемая, но не парализуемая схемой соотнесения, интернализированной, но не совсем уж в бессознательное. Она должна работать даже во сне, но пребывать там, откуда ее можно извлечь наружу волевым усилием»⁵.

В литературе о Хьюзе эти два слоя не разграничиваются. Элементы, относящиеся к обоим, кристаллизуются у Хьюза в так называемые «схемы (рамки) соотнесения», и мы находим целую серию «рамок», обычно ясно друг с другом не соотнесенных; но они явно укладываются в континuum от пресуппозиционных до прикладных, и первые в большей мере латентны, чем последние. Далее, в контексте нашей темы, нас будет интересовать только пресуппозиционный слой.

Было две попытки взглянуть на социологию Хьюза на этом уровне. А. Стросс выдвигает тезис, что чикагская традиция, в отличие от прочих, базируется на прагматистской теории действия/взаимодействия, у истоков которой стояли Мид и Дьюи и ко-

---

¹ Weiss R.S. Remembrance ... – P. 543.

² Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 525.

³ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 629.

⁴ Хьюз Э.Ч. Изучение институтов. – С. 120.

⁵ Riesman D., Becker H.S. Op. cit. – P. VI.

торая перешла через Томаса и Парка к следующим поколениям. «Имплицитное использование» этой схемы имело «судьбоносное значение» для этой традиции. Так, Хьюз «всегда работал в рамках [этой] схемы действия, опосредованной словами и работами Парка и Томаса... В итоге можно видеть, что его ученики, делая социологию, так же, как и он, мало цитируют прагматистов и определенно не цитируют их эксплицитную схему действия; тем не менее они имплицитно работают в рамках этой общей схемы»¹. Недостаток этой трактовки в том, что она не принимает во внимание пресуппозиции о природе социального порядка, а они сильно отличают Хьюза от таких чикагцев, как, например, Блумер или Хоули. Другую попытку рассмотреть пресуппозиции Хьюза в контексте Чикагской школы предпринял Дж. Фот². Исходя из того, что пресуппозиции преимущественно латентны и включают, по определению Э. Тирикьяна, «экзистенциальные и метафизические основания, базовые определения ситуации, базовые подходы к реальности, не поддающиеся фальсификации никакими рациональными и эмпирическими средствами»³, Фот обнаруживает у Хьюза «преемственность с исходной чикагской программой»⁴. Он предложил плодотворную идею, что чикагские пресуппозиции «тесно связаны с экологической и социально-психологической нацеленностью последующих исследований Чикагской школы»⁵, и призвал к «далнейшему исследованию других членов Чикагской школы» для объяснения их «расходящихся приверженностей идентифицируемым пресуппозициям»⁶. Однако к пресуппозициям у него причисляются столь разные компоненты из схемы Александера, что мы не можем воспользоваться здесь его полезными находками.

Далее мы будем исходить из того, что – в силу совмещения общего и частного – пресуппозиции нераздельно сливаются у Хьюза с моделями и небольшим набором базовых понятий. Поскольку такое же соединение мы видим у Парка, задавшего матрицу для позднейших чикагских социологий, мы будем рассматривать пресуппозиционный слой социологии Хьюза как воплощен-

¹ Strauss A. The Chicago tradition's ongoing theory of action/interaction // Plummer K. (ed.) The Chicago school: Critical assessment. – London ; New York : Routledge, 1997. – Vol. 2. – P. 182–183.

² Faught J. Op. cit.

³ Цит. по: Faught J. – P. 73

⁴ Ibid. – P. 80.

⁵ Ibid. – P. 74.

⁶ Ibid. – P. 81.

ный в этой амальгаме. Экологический аспект инкорпорирован в эту амальгаму как *пресуппозиционный компонент*. Это не просто модель и не факультативное методологическое привнесение. Прежде чем перейти к обсуждению этого аспекта, нам нужно обсудить понятия взаимодействия и института и их место в социологии Хьюза.

Взаимодействие и институты

По Хьюзу, «предмет социологии – взаимодействие»¹. Он исходит из интеракционистского понимания общества, характерного для чикагцев: «Общество есть взаимодействие. Взаимодействие предполагает восприимчивость к другим»². Когда Хьюз говорит, что социология изучает «процессы, посредством которых устанавливаются и изменяются способы человеческого поведения», речь идет о том же³. Понятийный ряд «действие–взаимодействие–коллективное поведение» является пресуппозиционным. Ни одно из этих понятий не является рабочим инструментом исследования. Они всего лишь устанавливают ключевые параметры изучаемой реальности: воплощение в действии, процессуальность, развертывание в конкретных ситуациях. Эти параметры акцентируются в противовес нормативным: «Люди постоянно создают и разрушают нормы, и никогда не бывает момента, когда нормы были бы фиксированными и неизменными»⁴. Предполагается, что общество не поддается познанию через априорные «нормы» и «ценности» (в противовес Парсонсу); оно гораздо более гибко и динамично.

Перевод пресуппозиций, заключенных в понятии «взаимодействие», в исследовательскую перспективу осуществляется через их инкорпорацию в понятия, реферирующие к наблюдаемым объектам: «... целостности в человеческом социальном царстве... имеют сущность во взаимодействии»⁵. Среди всех этих понятий центральное место занимает понятие института. Подобно им, оно связывает пресуппозиции с наблюдениями, но является наиболее бесодержательным и вместительным: «... при изучении институ-

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 508.

² Riesman D., Becker H.S. Op. cit. – P. VI.

³ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 134.

⁴ Riesman D., Becker H.S. Op. cit. – P. IX.

⁵ Ibid. – P. 304.

тов мы сосредоточиваем внимание на формально установленных аспектах коллективного, или группового поведения»¹. Социология определяется как *наука об институтах*: «Я понимаю изучение институтов как часть изучения общества в действии. Центр этой области находится там, где действие протекает в более или менее твердо установленных формах... Социология – та самая наука, которая особо и специально, по замыслу, а не по воле случая является наукой о социальных институтах»². Институты должны изучаться сравнительно³, как и всё в социальном мире, о чём уже говорилось. Поскольку понятие «институт» внушает мысль о границе, в отличие от «взаимодействия», Хьюз уточняет, что ни один институт нельзя понять вне «интеракционной системы», или «социальной матрицы», в которую он включен как «часть»⁴.

Выбор Хьюзом понятия «институт» обусловлен институционально и биографически: на факультете социологии в Чикагском университете было три специализации – «человеческая экология», «социальная психология» и «социальная организация», – и Хьюз работал в последней⁵. Термин «институт» соответствовал парковским «формам организации» и «формам ассоциации», был им функционально эквивалентен. Хьюз использовал его уже в диссертации (1928), полагая, что «для некоторых целей» это «самая плодотворная единица для исследования»⁶.

---

¹ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 136.

² Хьюз Э.Ч. Изучение институтов. – С. 118–119.

³ Там же. – С. 124.

⁴ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 309.

⁵ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 15.

⁶ Цит. по: Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – Р. 639. Резонно предположить, что некоторое влияние на этот выбор оказал Вебер. В статье «Изучение институтов» (1941) Хьюз указывал на необходимость включения в социологию институтов аппарата веберовских понятий – в частности, для прояснения того, как формы коллективного поведения и рационального делового предприятия «встраиваются в общество как легитимная и традиционная рутина» (Хьюз Э.Ч. Изучение институтов. – С. 119). Более того, такие понятия Хьюза, как «учреждение», «действующее предприятие», «должность», «функционер» и др., можно найти у Вебера в главе 1 «Хозяйства и общества» (Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Теоретическая социология : антология / сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. – Москва : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1. – С. 70–146). Во всей литературе на «веберовский элемент» в социологии Хьюза обращает внимание только Р. Хелмс-Хейес (Helmes-Hayes R.C. The concept of social class ... – Р. 141–142). Он отмечает, что уже в 1920-е годы на занятиях в Чикагском университете использовались тексты Вебера.

Институт как основная единица анализа

Понятие «институт» у Хьюза охватывает все человеческие деятельности, хотя бы в минимальной степени организованные. Оно всегда обозначает конкретные, единичные образования. Это понятие имеет сложную и многомерную структуру. Хьюз использует в качестве точки отсчета крайний случай, когда коллективная деятельность организуется в форме учреждения, а затем расширяет объем понятия в нескольких направлениях, дабы оно позволяло видеть общество во всей его полноте, разнородности и изменчивости.

Точка отсчета. По Хьюзу, институт – это образование, в котором элемент *коллективного поведения* соединен с элементом *учреждения*¹. Он предполагает мобилизацию людей на «занятие мест – важных или не очень, случайных или постоянных, добровольно или же против воли – в коллективном предприятии (enterprise), осуществляемом более или менее установленным и ожидаемым образом»². Эти «места» называются «должностями» (*offices*); занимающие их люди – «должностными лицами» (*officials*³ или *officers*⁴). «Должность» определяется как «стандартная группа обязанностей и привилегий, вручаемых персоне в некоторых определенных ситуациях»; и, по Хьюзу, именно «осознанное выполнение обязанностей в формально определенных должностях» отличает институт от «элементарных коллективных феноменов»⁵. Ядерная интеграция института происходит вокруг «функционера или группы

ра, что в библиотеке Хьюза было несколько десятков книг на немецком языке, что Хьюз неоднократно цитировал Вебера в ранних работах, что Хьюз был в числе тех студентов Парка, которые уже в 20-е годы, т.е. задолго до выхода в свет английских переводов трудов Вебера (1946, 1947), читали Вебера по-немецки, что он рано познакомился с «Хозяйством и обществом», включая главы из этой книги в литературу к своим курсам, делал из нее выписки и использовал главу «Сословия и классы» в своем анализе классовой структуры Квебека. На то, что в его базовом концептуальном аппарате для анализа институтов прослеживается влияние Вебера, Хелмс-Хейес, однако, не указывает. (Я глубоко признателен А.Ф. Филиппову за консультацию по соответствующим местам «Хозяйства и общества».)

¹ Hughes E.C. The sociological eye ... – Р. 5–6.

² Хьюз Э.Ч. Изучение институтов. – С. 118.

³ Hughes E.C. Careers // Qualitative sociology. – 1997. – Vol. 20, N 3. – Р. 389–397.

⁴ Хьюз Э.Ч. Институты ...

⁵ Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 127.

функционеров, действующих в признанных должностях»¹. Действия функционеров регламентированы; институты – это всегда «клUSTERы конвенций»², «способы, или модальные точки, поведения в областях, в которых могло бы быть много иных способов поведения, нежели модальное»³. Институты действуют в среде, в том числе человеческой, распределяя те или иные легитимные блага и услуги и удовлетворяя «нужды» популяции или какого-то ее сегмента; в этом состоят их функции.

По Хьюзу, такое узкое определение оставляет без внимания «самые интересные и значимые виды человеческих коллективных предприятий»⁴, «феномены коллективного поведения, возникающие в противовес принятому и ожидаемому социальному обычаю или за его пределами»; но эти феномены «принципиально важны для понимания институциональных процессов... процесс[ов], посредством которых коллективное поведение, возникшее вне формальных должностей и в отсутствие формальных правил, в которое втягиваются неконвенциональные группы людей в неожиданных ситуациях или против обыкновения, рождает из себя формальные должности, организованные группы, определенные ситуации и новый корпус санкционированных обычаев и обыкновений. Институты не рождаются полностью оформленными из головы Зевса. Прежде чем стать институтами, они становятся институтами в процессе»⁵.

Расширения понятия «институт». Отвергнув узкое определение институтов и связанные с ним классификации (находимые, в частности, в любом сегодняшнем учебнике социологии), Хьюз предлагает относить к институтам: (а) не только легитимные и респектабельные институты, но и те, которые незаконно удовлетворяют легитимные нужды, удовлетворяют нелегитимные нужды или компенсируют неудовлетворение легитимных нужд⁶; (б) не только формальные объединения, но и «более простые единицы социально установленного поведения»⁷; (в) не только длительно существующие, но и недолговечные институты⁸; (г) не только

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 6.

² Ibid. – P. 53.

³ Ibid. – P. 100.

⁴ Ibid. – P. 52.

⁵ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 136.

⁶ Хьюз Э.Ч. Незаконнорожденные институты. – С. 78–79.

⁷ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 5; Хьюз Э.Ч. Изучение институтов. – С. 119.

⁸ Hughes E.C. Op. cit. – P. 55.

освященные временем, но и зачаточные формы, социальные движения, «новые предприятия», «эксперименты в делании, изменении и организовывании людей и вещей»¹; (д) не только закрепленные в пространстве, но и лишенные ясной пространственной фиксации²; (е) «многие из самых устойчивых форм коллективных усилий», обычно не принимаемые во внимание в силу их «прозаичности»³; (ж) «все имеющиеся в обществе пока-еще-не, все недоделанности... не замечаемые и откровенно “анти”-поведения (goings-on)»⁴.

Основные элементы института. При рассмотрении «институтов» Хьюз принимает во внимание больше элементов, чем это обычно делается, и трактует их во многих отношениях неконвенциально.

1. Конституирующий элемент института – *должности*. Должность есть «определенный набор прав и обязанностей, который предоставляется некоему лицу, но может быть передан другому лицу каким-то принятым способом»⁵. Это может быть не только должность бригадира, но и «должности» родителя и собственника⁶, «должность домохозяйки»⁷, «должностные обязанности мага в садоводстве» и «должностные обязанности вождя»⁸; отец может браться как «должностное лицо» и «функционер» в семье⁹. Должности бывают декретированными и спонтанно сложившимися¹⁰; они могут приниматься и создаваться¹¹. Для должности характерны «безличный характер», установленный «паттерн ожидаемого поведения», реализующийся несмотря на смену лиц в ней¹². Предел развития должности – ее «ритуализация»¹³. Вместе с тем каждая должность изменчива и «имеет свою историю»; поэтому «история института вполне могла бы быть рассказана в терминах роста его должностей, с которыми отождествляются персональные роли

¹ Hughes E.C. Op. cit. – P. 53, 55.

² Ibid. – P. 7.

³ Ibid. – P. 53.

⁴ Ibid.

⁵ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 141.

⁶ Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 128.

⁷ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 153.

⁸ Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 129.

⁹ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 141.

¹⁰ Там же. – С. 142.

¹¹ Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 133.

¹² Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 141; Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 6.

¹³ Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 131.

последовательного ряда индивидов¹. Должности служат «местами подсоединения индивида к институциональной структуре»²; через них люди встраиваются в «социальный порядок» и изменяют его.

2. В каждом институте имеются *должностные лица*, приводящие его в движение своими действиями. Среди них выделяется «активное ядро людей»³, контролирующее институт и вырабатывающее стратегии его действия. Это могут быть либо «функционеры» в собственном смысле слова (если в должностях доминирует «ритуалистический» элемент), либо «предприниматели» (если в них сильнее элемент «предприимчивости» и «личной инициативы»)⁴. В современных обществах, в силу ослабления традиционного контроля, элемент «предприимчивости» особенно важен⁵; это элемент «столкновения с обстоятельствами», без которого любой институт теряет связь с миром и свою мобилизующую силу (ибо традиции, вовлекавшей людей в «вечный» распорядок дел, нет). Соответственно, в *каждом* современном институте присутствует в той или иной мере «центр предприимчивости»⁶.

3. Вложение сил и времени в институт со стороны должностных лиц гарантируется их мотивацией. Последняя имеет глубинный характер: через участие в институтах выстраивается жизненная карьера человека; занимая должность, человек встраивается в общество, обретает *статус*, исполняет *роль*, получает *идентичность* (Я-концепцию) и становится *личностью*⁷. Через должности институты сочленяются с карьерами и индивидуальными Я.

4. Кроме должностных лиц, в институте участвуют и «другие люди», которые «время от времени, от случая к случаю... втягиваются в орбиту взаимодействия»⁸. Это могут быть клиенты, соседи, приверженцы, поставщики, зрители, общественность и т.д. и т.п.; в каждом конкретном случае значимы разные категории участников⁹.

---

¹ Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 128.

² Там же. – С. 135.

³ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 53.

⁴ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 141; Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 131; Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 23.

⁵ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 143.

⁶ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 62.

⁷ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 141–147; Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 133–134; Хьюз Э.Ч. Работа и человеческое Я; Hughes E.C. Careers. – P. 396.

⁸ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 54.

⁹ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 144–146.

5. В институте всегда присутствует некоторый «*клэстер конвенций*»: «верования и требования», «социальное определение... того, как и когда им [его участникам] надо действовать»².

6. Наконец, в институт включаются «*материальные аксессуары*»³, в разных случаях разные, в том числе здания⁴.

Все эти компоненты сплавлены в подвижные конфигурации. Как пишет Хьюз, «институты, какими бы стабильными и неизменными они ни казались, – это непрерывно происходящие вещи (*ongoing things*)»⁵.

Среды института. Каждый институт встроен в «сеть социальных связей» и должен изучаться «как часть тотального комплекса человеческих деятельности и предприятий»⁶. Хьюз исходил из того, что мы не знаем заранее «пределов систем действия, которые мы изучаем», и должны эмпирически устанавливать их «в каждом отдельном случае»⁷. Это означает, что среды института нельзя определить абстрактно. Типичными средами являются клиентская среда, среда, из которой черпается персонал, среда, из которой извлекается финансовая поддержка, политическая среда (особенно государство) и «сентиментальная среда», заключающая в себе определенные «жизненные стандарты», «чувства» и «мнения»⁸. Это могут быть иные среды, в каждом конкретном случае разные. Из этих сред институт извлекает ресурсы, необходимые для его продолжения: персонал, клиентуру, лояльность, внимание, интерес, время, деньги, энергию, силы и т.д.⁹ В конкретных случаях ресурсы опять же могут быть разными. Успешное извлечение ресурсов равнозначно выживанию института. Еще один аспект включения института в «социальную матрицу» – это выполнение функций и удовлетворение «нужд» («потребностей и желаний»¹⁰). «Нужды» не могут быть определены абстрактно, а должны браться в «партикулярно определенных и культурно специфичных» аспект-

¹ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 153–154.

² Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 54.

³ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 148.

⁴ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 130.

⁵ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 146.

⁶ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 100.

⁷ Ibid. – P. 54.

⁸ Ibid. – P. 11, 63; Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 132.

⁹ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 141 ; № 2. – С. 132, 146; Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 11, 22, 57, 62.

¹⁰ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 118.

так¹. Это могут быть какие угодно нужды: в конголезских марках 1975 г., мятных пряниках, гомосексуальных партнерах, автомобилях не дешевле 250 млн долл. и т.д. То же касается и функций². Когда Хьюз говорит, что институты выполняют функции в органической системе, речь идет о сети, участники которой имеют *текущий* набор нужд и *текущий* ход взаимодействий³. Рассмотрение движущихся институциональных конфигураций в постоянно меняющихся средах выводит нас на понятие «*going concern*» – центр и «квинтэссенцию» хьюзовской социологии⁴.

Институт как «действующее предприятие». Хьюз определяет все институты как «*действующие предприятия*» (*going concerns*): «В любом обществе есть определенные мобилизации людей на самовыражение или действие. Это – “действующие предприятия”. Одни люди удерживают их в движении. Другие люди движимы ими или к ним время от времени и тоже позволяют им продолжаться… Желая изучить человеческое общество, мы должны обратиться к действующим предприятиям, которые подчинены моральным, социальным и экологическим контингенциям. Таким образом, институты обсуждаются… как предприятия, которые мобилизуют людей в различные должности или качества – и иногда внезапно перестают это делать»⁵. Помимо прочего, понятие *going concern* снимает границу между объективным и субъективным, коллективным и индивидуальным: оно обозначает как «действующее предприятие» (в объективном смысле), так и «текущее дело», или «текущую заботу» (в субъективном смысле). За счет своей многозначности это понятие поддерживает «интерес ко всякого рода вещам – индивидам, карьерам, социальным процессам, но особенно институтам»⁶. Это дает ключ к лучшему пониманию

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye … – P. 6.

² Хьюз Э.Ч. Институты … – № 1. – С. 145.

³ Р. Хелмс-Хейес (Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes … – P. 664) трактует понятие «органическая система» неверно. Речь идет о «системе», частями которой являются «социальные органы», в отличие от «социальных сегментов» (этот термин Хьюз заимствует у Дюркгейма), т.е. о «системе», которая скрепляется не всеохватным консенсусом, а частными консенсусами, которые обеспечивают сочленение частей в отдельных ее звеньях (см.: Хьюз Э.Ч. Типы личности и разделение труда).

⁴ Мы принимаем здесь точку зрения Р. Хелмс-Хейеса (Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes … – P. 625 и далее).

⁵ Hughes E.C. The sociological eye … – P. VIII.

⁶ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes … – P. 611.

взаимопереплетения институтов и карьер: карьеры и конкретные дела и начинания, из которых они складываются, тоже могут видеться как «действующие предприятия»¹; социальная жизнь оказывается динамичным переплетением индивидуальных и коллективных предприятий, которые друг с другом конкурируют и друг к другу приоравливаются; индивидуальные встраиваются в коллективные и формируются (вкупе с соответствующими Я) этим встраиванием, в то же время вдыхая в них энергию личностей, мотивированных на участие в них; так переплетаются в диалектической игре структуры и действия. Изучение действующих предприятий раскрывает «рабочую конституцию общества»². Иначе говоря, это общесоциологическое понятие с широкой референцией; и, следовательно, социология институтов Хьюза – это общая социология, а не частная отрасль социологического знания. В архивных бумагах Хьюза сохранилась запись: «*Going concern* – это идея, которую я развел... Я написал статью о *going concerns*... Я... помнится, как-то развел или подхватил эту идею очень рано в своей карьере... Во всех институтах есть должности, или установленные роли, но они постоянно пребывают в изменении. Изменение приходит из взаимодействия людей в этом *going concern* и в борьбе этого *going concern* за выживание в его ситуации. Эта борьба за выживание и адаптации к ней и есть то, что мы имеем в виду под человеческой экологией»³. Человеческую экологию Хьюз развивал как экологию институтов. Поскольку общество отождествляется у него с взаимодействием, а совокупность действующих предприятий без остатка покрывает сферу последнего, то экология институтов – не частный раздел человеческой экологии и не приложение ее к частной предметной области, а экология как таковая. Приведенный выше пространный анализ многомерности понятия «институт» позволит нам правильно истолковать ее место в социологии Хьюза.

Экологические аспекты в социологии Хьюза

Хьюз понимал под экологией перспективу, требующую рассматривать объекты в соотнесении с их окружением⁴. Экологиче-

¹ Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона. – С. 137–138.

² Там же. – С. 138.

³ Цит. по: Helmes-Hayes R.C. The sociology of going concerns ... – P. 219.

⁴ Riesman D., Becker H.S. Op. cit. – P. VII.

ское видение может быть локальным, как в примере Д. Рисмена: «Однажды в Чикаго Эверетт взял меня с собой на работавшую еще тогда Пульмановскую фабрику – общинную утопию, которая внутри имела вид итальянской деревни, а снаружи была облеплена салунами и проститутками, сектантскими церквями и профсоюзовыми организаторами. Это была экология»¹. Но оно может быть и более широким. Отход от экологии сообществ к экологии институтов позволил Хьюзу вовлечь в поле зрения такие экологически значимые процессы, как империализм, индустриальное развитие, миграции, культурные фронтиры, урбанизация, религиозное миссионерство и т.д.² Иначе говоря, экология у Хьюза не является макросоциологией, как ее обычно трактуют³; различие «микро-макро» для нее нерелевантно.

Основной интерес экологии связан с выяснением того, как и почему одни институты выживают, а другие – нет⁴. Но аспект выживания не единственный. С ним у Хьюза тесно связаны пространственный аспект, аспект разделения труда и аспект доминирования. Рассмотрим их коротко в указанной очередности.

Аспект выживания. Институт сталкивается в своем существовании с «контингенциями», т.е. «стечениями событий и обстоятельств»⁵, с которыми он должен как-то справляться. Они «возникают из неизбежных связей социальных феноменов с другими социальными феноменами и с феноменами несоциальными»⁶. Адаптируясь к изменчивым средам, институт трансформируется. Поскольку институты притягивают на одни и те же ресурсы, они конкурируют между собой, причем не только однотипные институты (например, учебные заведения за студентов и финансирование), но и институты разных типов (например, семья и научное занятие за время и силы ученого). Без изучения условий выживания институтов невозможно понять, почему они именно такие, какие есть. Контингенции выживания должны рассматриваться исторически. Например, в современном обществе с высоким уровнем развития техники, транспорта и коммуникаций очень значимы, в отличие от традиционных обществ, контингенции, вытекающие из

---

¹ Riesman D. Op. cit. – P. 480.

² Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 149–151.

³ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ...; Helmes-Hayes R.C. The sociology of going concerns ...

⁴ Simpson I.H. Op. cit. – P. 548.

⁵ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 55.

⁶ Ibid. – P. 6.

мобильности: ввиду мобильности обслуживаемой популяции институты не могут делать стратегические ставки на уже завоеванную клиентуру, на стабильность определения тех нужд, которые они эксплуатируют, и на то, что эти нужды непременно перейдут к следующим поколениям¹. Институты могут не только адаптироваться к наличным средам, но и активно выбирать те, которые будут обеспечивать их ресурсами, нужными им для выживания и обретения преимуществ перед конкурентами²; отсюда мобильность современных институтов (например, производств). Устойчивые институты существуют в одном поле с «более живучими формами коллективного поведения», имеющими такие преимущества, как гибкость, подвижность, нескованность регуляцией, отзывчивость к новому³; так, регулярные армии и войны регулярного типа конкурируют с партизанскими движениями и терроризмом. Поскольку институты так или иначе зависят в своем выживании от широкой публики, важным элементом их борьбы за выживание является завоевание и сохранение их публичной легитимности⁴.

Пространственный аспект. Этот аспект изначально был важен для чикагских экологов, но Хьюз существенно его пересмотрел: если раньше внимание экологов было сосредоточено на территориальном сообществе и пространственных распределениях феноменов в его пределах, то теперь в центре внимания оказываются институты. Хьюз обосновывает это тем, что в современных условиях сообщество утратило определимые границы и перестало быть удобной единицей для наблюдения⁵. Институты, в свою очередь, обрели автономию от локальных сообществ, и это имеет ряд серьезных импликаций. Во-первых, мобильность институтов регулярно сталкивает то тут то там способы действия, совместимость которых ничем не гарантирована; этот момент очень важен для хьюзовских исследований расовых отношений, классовых отношений, фронтиров, маргинальности и т.д. Во-вторых, большинство современных институтов пространственно «открыты», им приходится функционировать в условиях неясности границ, что, с одной стороны, открывает им неведомую ранее свободу действий, а с другой – лишает тех определенностей, на которых держались тра-

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye ... – Р. 6–7.

² Ibid. – Р. 62.

³ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 1. – С. 146.

⁴ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 159–162.

⁵ Там же. – С. 130.

диционные институты¹. В-третьих, изменился типичный способ пространственного размещения институтов: обычно в институтах выделяются «отдельные и наблюдаемые центры, или фокальные точки деятельности», которые физически размещаются в «зданиях, служащих их штаб-квартирами»³; охваты и периферии институтов могут быть разными, и они не видны. В-четвертых, институты скорее контролируют движения в пространстве, чем занимают его⁴. Отсутствие ясных границ интенсифицирует борьбу за выживание⁵.

Аспект разделения труда. «Разделение труда» – важное понятие в социологии Хьюза, в отличие от большинства нынешних социологий. Это понятие Хьюз заимствовал у Дюркгейма⁶ и использовал на протяжении всей карьеры, прежде всего в исследованиях работы и профессий. Такая единица, как «социальный орган», в отличие от структурных элементов традиционного общества, «зависит в своей жизни от других сообществ; он представляет собой единицу в разделении труда и должен участвовать в обмене с другими сообществами... Разделение труда представляет собой сеть обменов между сообществами, посредством которых эти сообщества включаются как функционирующие части в более широкое сообщество. Это более широкое сообщество, однако, не имеет общего сознания или только очень слабое, неясное и абстрактное... Именно эта конфигурация социальных органов, трактуемая в пространственном аспекте, изучается человеческой экологией»⁷. Хьюз рассматривает разделение труда как «самый могущественный фактор мобилизации людей»⁸: не имея возможности подключиться к обществу через «место» в сообществе, люди вынуждены искать подключения к нему в институтах, в том числе (и прежде всего) в «местах» внутри разделения труда.

Аспект доминирования. Все три вышеописанных аспекта экологии предполагают доминирование. Каждый институт, борясь за выживание с другими институтами, стремится к монополизации своей функции⁹, к максимизации контроля над пространственны-

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 10.

² Ibid. – P. 9.

³ Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 130.

⁴ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 9.

⁵ Ibid. – P. 11.

⁶ Хьюз Э.Ч. Типы личности и разделение труда.

⁷ Там же. – С. 158.

⁸ Там же. – С. 162.

⁹ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 11.

ми передвижениями¹. Доминирование института выражается в его способности мобилизовывать людей. Результатом борьбы за выживание является неравенство позиций; разделение труда соединяется с классовой структурой². Хьюз дал нам несколько ярких образцов анализа этого соединения – в исследовании «этнического разделения труда» в Квебеке, в исследованиях современных вариантов маргинальности и расовых отношений в промышленности.

Таковы основные компоненты хьюзовской экологии; они задают ряд *параметров*, которые необходимо принимать во внимание при изучении институтов. Это именно параметры, так как в разных случаях экологически значимые аспекты присутствуют в разных формах и конфигурациях. Хьюз объясняет возможность отдельного рассмотрения «экологического аспекта институтов» – вне «социально-психологического аспекта коллективного поведения» – тем, что в современных институтах «элемент предприятия… постоянен, а сдерживающая сила традиции минимальна»³.

Место человеческой экологии в социологии Хьюза

Социология Хьюза удостоена на сегодняшний день множества разных определений: это и «экология»⁴, и «символический интеракционизм»⁵, и «разновидность драматургической социологии»⁶, и «эколого-функционалистская макросоциология / политэкономия»⁷, и «структурная социальная психология»⁸. Хотя наклеивание ярлыка – дело далеко не самое важное в освоении идей, все-таки неверный ярлык часто мешает их освоению, неверно фокусируя взгляд. В нашем случае это особенно важно: Хьюз принадлежит к числу не самых доступных для понимания авторов, при всей прозрачности его языка. Сам Хьюз говорил о себе: «Думаю, я могу вполне справедливо претендовать на то, что шел экологическим путем

---

¹ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 9.

² Хьюз Э.Ч. Институты ... – № 2. – С. 144.

³ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 13.

⁴ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 623, 635.

⁵ Helmes-Hayes R.C. The concept of social class ... – P. 135; Strauss A. The Chicago tradition's ongoing theory ...

⁶ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 625.

⁷ Ibid. – P. 642, 648.

⁸ Jaworsky G.D. Erving Goffman ... – P. 303.

начиная со студенчества и по сей день¹. Это высказывание, увы, нельзя принять на веру. Узкие определения социологии Хьюза, в том числе как «экологии», невозможно принять, поскольку она в них просто не умещается; она шире и богаче.

Указанные широта и богатство чаще всего определяются в терминах *двойственности*. Так поступают Ж.-М. Шапули², Дж. Фот³, Р. Хелмс-Хейес⁴, И.Х. Симпсон⁵ и А. Стросс⁶. Речь идет о двойственном внимании к экологическому и моральному порядкам. Неизменно отмечается, что Хьюз унаследовал его от Парка. Хьюз, защищая подход Парка, был готов едва ли не с кулаками отстаивать «различие между моральным аспектом общества (моральным порядком) и аспектом выживания (экологическим)⁷. Яснее всего об этой двойственности у Парка пишет Ж.-М. Шапули: «Исследования, проводившиеся в Чикаго в 1920–1935 гг., можно несколько схематично охарактеризовать напряжением между двумя относительно дивергентными ориентациями, находящимися в сердцевине самой парковской социологии: оппозицией морального порядка, возникающего из коммуникации между людьми, и экологического порядка, возникающего из конкуренции между популяциями. Первая ориентация, укладывающаяся в русло pragmatизма, обращается к субъективному измерению социальных фактов и к тому, как смысл событий производится в ходе коллективной деятельности; она, тем самым, отдает предпочтение полевой работе, которая только и позволяет схватить смысл действий в ситуациях, в которых они конституируются. И наоборот, вторая обращается к “объективному” измерению социальных фактов, появляющихся в глобальном процессе эволюции... которые можно схватить такими инструментами, как карты и статистика»⁸. Хьюз, в отличие от многих других чикагских социологов его поколения, сохранил это продуктивное напряжение. Он не только использовал оба ряда фактов в своих исследованиях, не только соединял их, но и строил свои понятия так, чтобы схватывать их одновременно: понятие «должность» (*office*) не только связывает объективные институты и субъективные

---

¹ Цит. по: Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 637.

² Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 8–9.

³ Faught J. Op. cit. – P. 74, 79.

⁴ Helmes-Hayes R.C. “A dualistic vision”... – P. 389–391, 405.

⁵ Simpson I.H. Op. cit. – P. 547–548, 558.

⁶ Strauss A. Op. cit. – P. 182.

⁷ Hughes E.C. The sociological eye ... – P. 106.

⁸ Chapoulie J.-M. Op. cit. – P. 8.

карьеры, но и указывает на «офис»; понятие *part* означает и «часть» системы, и «роль»; понятие «нужды» (*wants*) соединяет в себе объективные «потребности» и субъективные «желания»; понятие «карьера» означает последовательность занимаемых должностей и движущееся во времени видение мира и своего Я; разделение труда делится на «техническое» и «моральное»; и наконец, *going concern* означает и предприятие, и продолжающуюся заботу. Лучшее определение для такой двойственности предложил Р. Хелмс-Хейес, назвав подход Хьюза *интерпретативной институциональной экологией*¹.

С чем нельзя согласиться в позиции Хелмс-Хейеса, так это с тремя вещами. Во-первых, вряд ли правомерно рассматривать «человеческую экологию» Парка как «тотализирующую теоретическую перспективу»²; она была одной из равноправных перспектив в парковской попытке широкого теоретического синтеза. Во-вторых, вряд ли резонно трактовать «экологию» как основу подхода Хьюза, обогащенную интерпретативным элементом³; в этом подходе все элементы равнозначны. И, в-третьих, невозможно трактовать социологию Хьюза как «дуалистическую»⁴. Различить в социологии Хьюза экологию и моральный порядок как отдельные параметры можно только аналитически, но его социология была синтетической и эмпирически фундированной, и в ней кроме экологических и социально-психологических присутствуют на равных и другие компоненты (экономические, политические); в ней стерты следы Декартова дуализма, который еще можно усмотреть у Парка.

Скорее, это *многомерная синтетическая амальгама*, находящаяся по ту сторону различий индивидуального и коллективного, субъективного и объективного, смыслового и несмыслового, частного и общего, «микро» и «макро», структуры и действия, порядка и изменения, номотетического и идиографического. Отличие ее от других версий многомерной социологии, среди которых наиболее знаменита парсонсовская, состоит в том, что она никогда не отрывалась от эмпирических наблюдений. В этом заключена ее сила. Этим она нам сегодня и интересна. Экологический аспект вплавлен в эту социологию как одна из несущих пресуппозиционных конструкций.

---

¹ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 623.

² Ibid. – P. 623.

³ Helmes-Hayes R.C. “A dualistic vision” ...; Everett Hughes ...; The sociology of going concerns ...; The concept of social class ...

⁴ Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes ... – P. 623, 624, 633–634, 638, 640; Helmes-Hayes R.C. The concept of social class ... – P. 136.

Глава 6

ГЕРБЕРТ БЛУМЕР: СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА*

Герберт Блумер входит в число крупнейших социологов прошлого века и известен как один из столпов символического интеракционизма. Хотя он до сих пор остается в тени Дж.Г. Мида, на которого главным образом опирался, все же его вклад в социологию самостоятелен и весьма значителен, а книга «Символический интеракционизм: перспектива и метод» (1969), ставшая для него своего рода визитной карточкой, заняла прочное место в сокровищнице мировой социологической классики.

Жизненный путь

Герберт Блумер родился 7 марта 1900 г. в Сент-Луисе, шт. Миссouri. Его детство прошло в Уэбстер-Гровс, пригороде Сент-Луиса, где у его отца был деревообрабатывающий цех. Пожар, погубивший отцовский бизнес, вынудил Герберта бросить школу и искать заработка; диплом об окончании школы он так и не получил. В 1918 г. он поступил в Университет штата Миссouri, в 1921 г. стал бакалавром, а в 1922 г. защитил магистерскую диссертацию под наставничеством Чарлза Эллвуда, ученика Дж.Г. Мида и известнейшего в то время социального психолога (тема диссертации – «Теория социальных революций»). Представление Блумера о социологии сложилось в это время, во многом под влиянием только что вышедшей книги Р.Э. Парка и Э.У. Бёрджесса «Введение в науку социологии», которую Эллвуд рекомендовал своим учени-

---

* Публикуется впервые.

кам в качестве учебника. Три года он преподавал в Университете штата Миссури, а в 1925 г. получил докторантуру в Чикагском университете и переехал в Чикаго, где и сложилась его научная карьера. С самого начала он сильно отличался от окружавших его там социологов своим интересом к методологии социально-научного познания (в кругу чикагцев специальный интерес к систематическим занятиям теорией и методологией категорически не приветствовался). Докторская диссертация, защищенная Блумером в 1928 г., была посвящена методу социальной психологии (ее ключевые идеи отражены в статье «Наука без понятий» 1931 г.¹). Получив докторскую степень, Блумер остался на факультете социологии Чикагского университета и после кончины Мида и отставки Элсуорта Фэриса стал ключевой фигурой в тамошней социальной психологии – одной из трех сформировавшихся на факультете специализаций наряду с человеческой экологией и «социальной организацией». В 1931 г. он вошел в штат факультета и работал на нем до 1952 г. В 40-е годы он активно участвовал в спорах о своеобразии чикагской социологической традиции и определении ее дальнейших перспектив. Круг коллег, в котором он работал, включал таких выдающихся социологов, как Э.У. Бёрджесс, Л. Вирт, Э.Ч. Хьюз, Ф.М. Хаузер, У.Л. Уорнер. С кем-то из них у него сложились близкие отношения, особенно с Л. Виртом, с кем-то – напряженные, прежде всего с Э.Ч. Хьюзом (они друг друга недолюбливали). В 1940–1952 гг. он был главным редактором «American journal of sociology», в 1955 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации. С 1952 г. он возглавлял факультет социологии и социальных институтов в Калифорнийском университете в Беркли (с 1986 г. – почетный профессор). В последние годы жизни Блумер тяжело болел. Он умер 13 апреля 1987 г.²

---

¹ Blumer H. Science without concepts // American journal of sociology. – 1931. – Vol. 36, N 4. – P. 515–533 (рус. пер.: Блумер Г. Наука без понятий // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-инф. исследований, Отд. социологии и социал. психологии ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2010. – С. 299–317).

² Более подробные биографические сведения можно найти в: Morrione T.J. Blumer, Herbert George // American national biography / Ed. by J.A. Garraty and M.C. Carnes. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – P. 73–76; Blumer H. George Herbert Mead and human conduct / Ed. and introduced by T.J. Morrione. – Walnut Creek, CA : AltaMira Press, 2004. – P. 179–183.

Герберт Блумер

Наследие

Научное наследие Блумера сравнительно невелико. Как и большинство коллег-чикагцев, он не писал больших монографий. Исключение составляет книга «Индустриализация как агент социального изменения», которую сам Блумер в силу своего перфекционизма так и не решился опубликовать; она была издана посмертно¹. Есть также несколько небольших брошюр: три из них посвящены разным аспектам влияния кино на человеческое поведение (одна из них, посвященная влиянию кино на сексуальное поведение горожан, была опубликована только в 1996 г.)²; одна посвящена критическому разбору «Польского крестьянина в Европе и Америке» У.А. Томаса и Ф. Знанецкого³; небольшая посмертно

¹ Blumer H. Industrialization as an agent of social change: A critical analysis / Ed. by D.R. Maines and T.J. Morrione. – New York : Aldine de Gruyter, 1990.

² Blumer H. Movies and conduct. – New York : Macmillan, 1933; Blumer H., Houser P.M. Movies, delinquency, and crime. – New York : Macmillan, 1933; Blumer H. Private monograph on movies and sex // Jowett G., Jarvie I., Fuller K. Children and the movies: Media influence and the Payne Fund controversy. – New York : Cambridge University Press, 1996. – P. 281–301.

³ Blumer H. Critiques of research in the social sciences: An appraisal of Thomas and Znaniecki's *The Polish peasant in Europe and America*. – New York : Social

опубликованная книжка о Миде¹ представляет собой расширенную версию статьи «Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида», включенной Блумером в книгу «Символический интеракционизм»; и еще одна книжка – написанный в соавторстве отчет о подростковой наркомании². Остальная часть блумеровского наследия – это статьи и несколько десятков обзоров и рецензий. Несколько статей, главным образом теоретического и методологического характера, составили сборник «Символический интеракционизм: перспектива и метод»³, считающийся *opus magnum* Блумера (только одна глава в нем – «Методологическая позиция символического интеракционизма» – написана специально для этой книги, все другие тексты ранее публиковались). Статьи, не входящие в эту книгу, очень разнообразны по тематике. Некоторые из них сфокусированы на проблемах метода и на разъяснении методологического своеобразия символического интеракционизма⁴. Есть несколько статей общетеоретического характера, в которых рассматриваются такие основополагающие понятия, как «действие», «взаимодействие», «социальная установка», «коллективное поведение», «несимволическое взаимодействие», «соци-

---

Science Research Council, 1939. Спустя 40 лет вышло второе, расширенное издание с новым предисловием автора: Blumer H. *Critiques of research in the social sciences: An appraisal of Thomas and Znaniecki's The Polish peasant in Europe and America.* – 2d ed. – New Brunswick : Transaction Books, 1979.

¹ Blumer H. George Herbert Mead and human conduct / Ed. and introduced by T.J. Morrise. – Walnut Creek, CA : AltaMira Press, 2004.

² The world of youthful drug use / Blumer H. [et al.] ; ADD Center final report, School of criminology. – Berkeley : University of California, 1967.

³ Blumer H. *Symbolic interactionism: perspective and method.* – Berkeley etc. : University of California Press, 1969 (рус. пер.: Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / пер. с англ. А.М. Корбута. – Москва : Элементарные формы, 2017). Еще один сборник избранных работ Блумера, другой по составу, подготовили после его кончины Стэнфорд М. Лайман и Артур Дж. Видич: *Selected works of Herbert Blumer: A public philosophy for mass society* / Ed. by S.M. Lyman and A.J. Vidich. – Urbana : University of Illinois Press, 2000.

⁴ Blumer H. A note on symbolic interactionism // American sociological review. – 1973. – Vol. 38, N 6. – P. 797–798; Exchange on Turner, “Parsons as a symbolic interactionist”: Comments by Herbert Blumer // Sociological inquiry. – 1975. – Vol. 45, N 1. – P. 59–65, 68; Mead and Blumer: The convergent methodological perspectives of social behaviorism and symbolic interactionism // American sociological review. – 1980. – Vol. 45, N 3. – P. 409–419; Going astray with a logical scheme // Symbolic interaction. – 1983. – Vol. 6, N 1. – P. 127–137.

альная система»¹. И есть корпус содержательно-теоретических статей, сфокусированных на темах, которые входили в круг специальных интересов Блумера. Это статьи о социальном развитии², социальной и индивидуальной дезорганизации³, социальных движениях⁴, моральном духе⁵, природе социальных проблем⁶, власти⁷, моде⁸, расовых отношениях и предрассудках⁹, трудовых отноше-

¹ Blumer H. Social attitudes and non-symbolic interaction // Journal of educational sociology. – 1936. – Vol. 9, N 9. – P. 515–523 (рус. пер.: Блумер Г. Социальные установки и несимволическое взаимодействие // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2008. – № 1. – С.133–141); Collective behavior // New outline of the principles of sociology / Ed. by A.M. Lee. – 2nd ed. – New York : Barnes & Noble, 1951. – P. 167–222. (рус. пер.: Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : тексты. – Москва : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 166–212); Action vs. interaction: Relations in public – Microstudies of the public order by Erving Goffman // Society. – 1972. – Vol. 9. – P. 50–53; Symbolic interaction and the idea of social system // Revue internationale de sociologie. – Ser. 2. – 1975. – Vol. 11, N 1/2. – P. 3–12.

² Blumer H. The idea of social development // Studies in comparative international development. – 1966. – Vol. 2, N 3. – P. 3–11.

³ Blumer H. Social disorganization and individual disorganization // American journal of sociology. – 1937. – Vol. 42, N 6. – P. 871–877.

⁴ Blumer H. Social unrest and collective protest // Studies in symbolic interaction. – 1978. – Vol. 1. – P. 1–54.

⁵ Blumer H. Morale // American society in wartime / Ed. by W.F. Ogburn. – Chicago : University of Chicago Press, 1943. – P. 207–231.

⁶ Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. – 1971. – Vol. 18, N 3. – P. 298–306 (рус. пер.: Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2008. – № 2. – С. 114–127).

⁷ Blumer H. Social structure and power conflict // Industrial conflict / Ed. by A. Kornhauser, R. Dubin, and A. Ross. – New York : McGraw Hill, 1954. – P. 232–239.

⁸ Blumer H. Fashion: From class differentiation to collective selection // Sociological quarterly. – 1969. – Vol. 10, N 3. – P. 275–291 (рус. пер.: Блумер Г. Мода: от классовой дифференциации к коллективному отбору // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2008. – № 2. – С. 127–149).

⁹ Blumer H. The nature of race prejudice // Social process in Hawaii. – 1939. – Vol. 5. – P. 16–20; Reflections on theory of race relations // Race relations in world perspective / Ed. by A.W. Lind. – Honolulu : University of Hawaii Press, 1955. – P. 3–21; Social science and the desegregation process // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1956. – Vol. 304 : Racial desegregation and integration. – P. 137–143; Race prejudice as a sense of group position // The Pacific sociological review. – 1958. – Vol. 1, N 1. – P. 3–7 (рус. пер.: Блумер Г. Расовый предрассудок как чувство групповой позиции // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2008. – № 4. – С. 141–151); Recent research on race relations: United States of America // International social science bulletin. – 1958. – Vol. 10. – P. 403–477;

ниях в промышленности¹ и разных аспектах индустриализации². Многие из этих статей чрезвычайно важны для соответствующих областей исследований.

Малое число публикаций часто объясняют перфекционизмом Блумера. Э. Эбботт отмечает, что тот «отказывался публиковать рукописи, которые другие сочли бы длинными, пока они не доводились до совершенства»³. Эта сторона работы Блумера хорошо видна в его текстах, характеризующихся ясностью стиля, прозрачностью построения, строгостью формулировок (вплоть до систематического воздержания от замены терминологически значимых слов и выражений местоимениями), внимательным подбором слов, ориентированным не только на точность передачи мысли, но и на избегание употребления заезженных лексических средств, которые могли бы своими привычными, но вводящими в заблуждение коннотациями помешать верно эту мысль уловить.

Дело, однако, не только в перфекционизме, но и в самой природе того типа научного исследования общества, который Блумер предлагал – причем в противовес едва ли не всем существовавшим в послевоенной социологии парадигмам и исследовательским про-

---

The future of the color line // The South in continuity and change / Ed. by J.C. McKinney and E.T. Thompson. – Durham, NC : Duke University Press, 1965. – P. 322–336; (with T. Duster) Theories of race and social action // Sociological theories: Race and colonialism / Ed. by UNIPUB. – Paris : UNESCO, 1980. – P. 211–238.

¹ Blumer H. Sociological theory in industrial relations // American sociological review. – 1947. – Vol. 12, N 3. – P. 271–278 (рус. пер.: Блумер Г. Социологическая теория в промышленных отношениях // Социологический ежегодник, 2009. – Москва : ИНИОН РАН, 2009. – С. 158–168); Group tension and interest organization // Proceedings of the second annual meeting of the Industrial Relations Research Association, Publication. – Madison, Wis. : The Association, 1950. – N 4; Paternalism in industry // Social process in Hawaii. – 1951. – Vol. 15. – P. 26–31; The rationale of labor-management relations. [Three lectures delivered in 1956]. – Rio Piedras : University of Puerto Rico, 1958.

² Blumer H. The study of urbanization and industrialization // Boletim de Centro Latin-Americano de pesquisas em ciências sociais. – 1959. – Vol. 2. – P. 17–34; Early industrialization and the laboring class // Sociological quarterly. – 1960. – Vol. 1, N 1. – P. 5–14; Industrialization and the traditional order // Sociology and social research. – 1964. – Vol. 48. – P. 129–138; Industrialization and race relations // Industrialization and race relations / Ed. by G. Hunter. – Oxford : Oxford University Press, 1965. – P. 220–253.

³ Abbott A. Department and discipline: Chicago sociology at one hundred. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1999. – P. 68.

граммам – под именем символического интеракционизма¹. Адекватное понимание опубликованных работ Блумера требует не только понимания написанного, но и не менее ясного понимания того, от написания чего он в них воздерживается и почему он это делает. А воздерживается он от многое – прежде всего от развертывания сложных теоретических и методологических построений и от создания содержательно насыщенных и завершенных картин изображаемых фрагментов социальной реальности. Он всегда ограничивается прочерчиванием основных контуров и небольшим числом содержательных обобщений, вписанных в эти контуры и практически всегда расходящихся с тематически близкими обобщениями, предлагаемыми в рамках других теоретических и исследовательских программ в социологии – идет ли речь о расовых предрассудках, трудовых отношениях в промышленности, моде или о чем-то еще.

Чтобы выяснить, как и почему он это делает, необходимо разобраться в основаниях предлагаемого им вида социологии и в том, как он внутренне устроен. Прежде всего нужно обратиться к корням и истокам.

Двойной генезис символического интеракционизма

Известно (и сам Блумер всегда в первую очередь это подчеркивал), что символический интеракционизм есть прямое продолжение и развитие идей Дж.Г. Мида. Наиболее полно основные посылки этого подхода представлены Блумером в статье «Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида»². Он регулярно и неустанно напоминает в своих статьях, что обязан главным образом Миду, а в 1970–1980-е годы, не будучи особенно склонным публично отвечать на критику, ввязывается в дискуссии о связи его работы с идеями Мида, спровоцированные публика-

---

¹ Впервые это название, так же как и термин «символическое взаимодействие», было предложено им в статье: Blumer H. Social psychology // Schmidt E.P. (ed.) Man and society. – New York : Prentice-Hall, 1937. – P. 144–198.

² Blumer H. Sociological implications of the thought of George Herbert Mead // American journal of sociology. – 1966. – Vol. 71, N 5. – P. 535–544 (рус. пер.: Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии ... – С. 281–299).

циями Дж. Хубер¹, Дж.Д. Льюиса², К. Макфейла и С. Рексроут³. Обсуждение этого вопроса он, похоже, считал особенно значимым, в отличие от всего прочего. В манере обращения Блумера с интеллектуальным наследием Мида обнаруживается характерная черта, не раз отмечавшаяся критиками: он практически никогда Мида не цитирует, обходясь простым предъявлением тех или иных идей как идущих от Мида, без всяких дополнительных подтверждений. Хотя Блумеру вообще не свойственна практика цитирования (в большинстве его статей нет цитат и почти никогда не бывает ссылок), в отношении Мида это свойство его работы выглядит особенно необычным. Конечно, наследие Мида было во многом устным, но к тому времени, когда начала развертываться научная карьера Блумера, посмертно опубликованные книги Мида уже увидели свет. Блумер, однако, не цитирует и их, выступая как своего рода полномочный представитель Мида и предпочитая говорить от его имени напрямую. Это притязание на преемственность, не для всех столь уж бесспорное⁴, подкрепляется тем, что Блумер в 1930–1931 гг. непосредственно унаследовал в Чикагском университете курс социальной психологии, всегда бывший до этого авторским курсом Мида: сначала «продвинутую» его часть – от Мида, когда тот уже не мог читать лекции, а потом и вводную, доведенную ранее Мидом Э. Фэрису как одному из лучших своих учеников.

Читателю, хорошо знакомому с текстами Мида и Блумера, очевидно, насколько велики различия между ними по жанру, языку, стилю, тематике и решаемым проблемам. Прежде всего Мид

---

¹ Huber J. Symbolic interaction as a pragmatic perspective: The bias of emergent theory // American sociological review. – 1973. – Vol. 38, N 2. – P. 278–284. Ответ Блумера см.: Blumer H. A note on symbolic interactionism ...

² Lewis J.D. The classic American pragmatists as forerunners to symbolic interactionism // Sociological quarterly. – 1976. – Vol. 17, N 3. – P. 346–359. Ответ Блумера см.: Blumer H. Comment on Lewis' “The classic American pragmatists as forerunners to symbolic interactionism” // Sociological quarterly. – 1977. – Vol. 18, N 2. – P. 285–289.

³ McPhail C., Rexroat C. Mead vs. Blumer: The divergent methodological perspectives of social behaviorism and symbolic interactionism // American sociological review. – 1979. – Vol. 44, N 3. – P. 449–467; McPhail C., Rexroat C. Ex cathedra Blumer or ex libris Mead? // American sociological review. – 1980. – Vol. 45, N 3. – P. 420–430. Ответ Блумера см.: Blumer H. Mead and Blumer: The convergent methodological perspectives ...

⁴ Во всяком случае, связь того, что делал Блумер, с тем, что делал Мид, до сих пор остается предметом обсуждения: Puddephatt A.J. The search for meaning: Revisiting Herbert Blumer's interpretation of G.H. Mead // American sociologist. – 2009. – Vol. 40, N 1. – P. 89–105.

никогда не относил свои идеи к ведомству социологии и не ставил перед собой задачу развития этой области знания, у Блумера же мы находим полноценную социологию. Яснее всего об этом говорит сам Блумер: «Ни в своих работах, ни в своих лекциях Мид не занимался методологическими проблемами, сопряженными с применением его схемы к изучению человеческого поведения и человеческой групповой жизни. Он ужасно мало говорит нам о том, как надо изучать социальный или совместный акт, который он устанавливает в качестве основополагающей единицы человеческой групповой жизни. Он не сказал нам, как подходить к изучению “генерализованного другого”, функционирующего в случае данных индивидов или групп в данных ситуациях. Он не сказал нам, как изучать самовзаимодействие, которое, скажем, осуществляется с самим собой будущий банковский растратчик перед тем, как совершить растрату. Он не сказал нам, как мы, социальные учёные, должны принимать роли тех, кого мы изучаем, и что нужно делать, чтобы быть уверенными, что мы принимаем их роли. Он не сказал, как изучать способы, которыми человеческий актор конструирует свой акт. Обладая необыкновенной проницательностью, Мид идентифицировал базовый характер человеческого социального взаимодействия, самовзаимодействия, совместной, или разделяемой, конституции человеческой групповой жизни и эмержентной природы индивидуальных и социальных актов. Но он не сообщил нам, как именно следует изучать эти основополагающие вещи»¹. Решение этих общих задач Блумер относит к своим основным достижениям, и сюда же можно добавить применение переработанного таким образом мидовского подхода к целому ряду областей собственно социологического исследования. При этом Блумер нигде и никогда не описывает сам этот подход как собственное изобретение: «Символическо-интеракционистская позиция, которую я представляю, – это позиция Джорджа Герберта Мида с добавлениями и проработками, которые мне приходилось делать на протяжении многих лет»². Блумер не только твердо придерживается мидовской интеракционистской трактовки общества и поведения, но и последовательно развивает эпистемологическую позицию Мида в своей концепции натуралистического исследования

---

¹ Blumer H. Mead and Blumer: The convergent methodological perspectives ... – P. 411.

² Blumer H. Exchange on Turner, “Parsons as a symbolic interactionist” ... – P. 59.

и размышлениях о функциях понятий и логике построения теории в социальной психологии и социологии¹.

Меж тем истории идей, вписывающие символический интеракционизм в линию преемственности, ведущую от Мида к Блумеру, скрывают от глаз другие истории, и в первую очередь ту, которая связывает его с наследием Чикагской школы и с программой социологии, предложенной Р.Э. Парком. Прежде всего мы находим здесь тематическую преемственность. Многие из важных и даже ключевых вкладов Блумера в социологическую теорию могут быть рассмотрены как прямое развитие идей и предложений, содержащихся в статье «Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде» – программной работе Парка, во многом определившей общие очертания и структуру последующей чикагской социологии². Это касается таких, напри-

¹ Трактовка социологии как натуралистической (эмпирической) науки очень важна для Блумера, и ее можно считать прямо восходящей к Миду. Так, Мид писал: «Проблемы социальной теории должны быть исследовательскими проблемами» (Мид Дж.Г. Научный метод и моральные науки // Социальные и гуманитарные науки : РЖ. Сер. 11: Социология. – 2009. – № 1. – С. 165). Опора здесь именно на Мида позволяет лучше понять своеобразие блумеровского символического интеракционизма по сравнению со многими другими – более воздушными и идеалистическими – версиями социологического конструкционизма, в частности феноменологическими. По отношению к последним Блумер выглядит едва ли не материалистом. Его понимание реальности, включая символические ее компоненты, базируется на онтологических посылках, почерпнутых у Мида: «1. Есть мир реальности “вне нас” (out there), который противостоит людям и способен сопротивляться действиям в отношении него. 2. Этот мир реальности становится известен людям только в той форме, в которой он людьми воспринимается. 3. Таким образом, эта реальность изменяется, когда люди развивают новые восприятия ее. 4. Сопротивление мира восприятиям его служит проверкой достоверности этих восприятий» (Blumer H. Mead and Blumer ... – Р. 410). Принятие этих посылок находит выражение не только в блумеровской трактовке ситуации и объектов (на метатеоретическом уровне), но и в своеобразии его подхода к изучению таких смысловых сущностей, как общественное мнение, социальные проблемы, трудовые отношения и т.д. (на уровне эмпирически укорененной теории). В связи с этим любопытна также критика Мидом теоретических построений Ч.Х. Кули, прежде всего за их идеалистический характер: Мид Дж.Г. Вклад Кули в американскую социальную мысль // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии ... – С. 129–142. Блумеровская критика разных социологических теорий и подходов как нереалистических во многом схожа по типу с этим образцом критики, находимым у Мида.

² Парк Р.Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р.Э. Избранные очерки : сб. переводов / РАН, ИНИОН, Центр социал. научн.-информ. исследований, Отд. социологии и социал.

мер, тем, как коллективное поведение (включая его «элементарные формы» – паники, толпы, общественные движения и т.п.), роль чувств и эмоций в социальном поведении, особая значимость моды в современных обществах (в противовес обычаю), природа общественного мнения, массовая коммуникация и влияние массмедиа на разные стороны человеческого поведения, расовые отношения и предрассудки, трудовые отношения в динамичном современном обществе. Тематическим родством дело не исчерпывается. Социология как специальная наука в концепции Парка сложилась как комплекс, включавший три сравнительно независимые перспективы: человеческую экологию, социальную организацию и связанные друг с другом антропологию и социальную психологию. Эти перспективы уже в 1920-е годы стали на факультете социологии Чикагского университета тремя отдельными специализациями, и каждая из них обретала все большую самостоятельность с развитием собственной исследовательской повестки, собственного понятийного аппарата, собственных методов исследования и собственных общих оснований. Блумер был ключевой фигурой в чикагской социальной психологии. Последняя, будучи вписанной вначале в заданную Парком структуру социологии, в 1930–1940-е годы все больше обособлялась от этой исходной матрицы, сохраняя при этом свою социологическую идентичность, пока не превратилась наконец в отдельную исследовательскую программу, или парадигму, альтернативную другим исследовательским программам и больше не нуждавшуюся для своего обоснования в своем историческом бэкграунде (аналогичные процессы происходили параллельно и в других специализациях внутри чикагской социологии¹). Институционализация компонентов чикагской социологии как отдельных дисциплин с претензией на соразмерность охвата той матрице, из которой они выросли, обернулась в случае блумеровской социальной психологии тем, что с нее были сняты те познавательные ограничения, которые накладывались на нее изначальным статусом одной из перспектив в совокупной структуре социологии. Уже в 1951 г. в рамках факультетских дискуссий

психологии ; сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2011. – С. 19–56.

¹ Процесс превращения человеческой экологии из перспективы внутри социологии в специализацию, а далее в отдельную дисциплину и, наконец, в полноценную парадигму социологии подробно проанализирован в статье: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 18–55.

Блумер определял социальную психологию как общую науку, в сферу ответственности которой входят пять проблемных областей: «природа изначальной природы [человека], природа групповой жизни, взаимодействие, процесс формирования индивида и виды ассоциации, которые индивид может развить»¹. Так широко определенная, социальная психология уже практически не отличается от социологии, как ее понимали ранее во всей ее полноте Р.Э. Парк и Э.У. Бёрджесс. Для Блумера, отмечает Э. Эбботт, «социальная психология – под таким позднейшим ее наименованием, как “символический интеракционизм”, – есть вполне подходящее название для всей чикагской традиции»².

Реализуемость соединения чикагского видения социологии с общими идеями, почерпнутыми у Мида, облегчалась тем, что чикагская социология развивалась в теснейшей связке с философией pragmatism. При этом Мид не был для социологов единственной референтной фигурой, а для кого-то не был даже и основной. У.А. Томас и Р.Э. Парк были плохо знакомы с идеями Мида, но были близко знакомы с Дж. Дьюи и ориентировались прежде всего на него. Влияние Дьюи на чикагских социологов было не только косвенным, но и прямым. Так, А. Стросс, который, кстати говоря, составил авторитетный сборник избранных работ Мида³ и которого никак невозможно упрекнуть в недооценке значимости Мида для социологов, отмечает, что не менее важной в 20-е годы для социологов была социальная психология в версии Дьюи, представленная в книге «Человеческая природа и поведение» (1922)⁴. На Дьюи ориентировался во многом и Э. Фэрис, готовивший студентов своей вводной частью курса социальной психологии к дальнейшему восприятию лекционного курса Мида. Немалым влиянием в Чикаго пользовались работы Ч.Х. Кули и Р. Энджелла. На раннего Блумера во время учебы в Университете штата Миссури повлиял социальный психолог Ч. Эллвуд, в прошлом ученик Мида, довольно далеко отошедший от идей учителя и к тому же знакомый только с ранней их версией (курс Мида постоянно менялся, притом весьма существенно, что можно проследить по по-

¹ Цит. по: Abbott A. Department and discipline ... – P. 70.

² Ibid.

³ George Herbert Mead on social psychology / Ed. by A. Strauss. – Chicago : University of Chicago Press, 1964.

⁴ См.: Strauss A. The Chicago tradition's ongoing theory of action / interaction // The Chicago school: Critical assessments / Ed. by K. Plummer. – London ; New York : Routledge, 1997. – Vol. 2 : Theory, History and Foundations. – P. 175–179.

смертным его публикациям)¹. Ряд важных идей и понятий Блумер почерпнул у У.А. Томаса и Ф. Знанецкого². В этом клубке взаимо-влияний, очерченном далеко не полностью, нет смысла искать какие-либо однозначные линии преемственности. Это был своего рода котел одновременно развиваемых идей, и символический интеракционизм Блумера возник в конечном счете из него – наряду с другими концепциями, теориями и исследованиями, какие-то из которых, расходясь с ним в тех или иных отношениях, подпали под «символический интеракционизм» в более широком смысле, а какие-то и вовсе разошлись с ним в основополагающих принципах, вплоть до несовместимости. Хотя Блумер склонен настаивать на особой роли Мида в этом кotle идей³, вряд ли стоит принимать это утверждение всерьез. Именно эта сложность делает возможным применение к работе Блумера целого ряда каталогических ярлыков: «Чикагская школа», «вторая Чикагская школа», «символический интеракционизм», «Чикагская школа символического интеракционизма»⁴.

В этом широком контексте лучше всего и рассматривать своеобразие социологической программы, предложенной Блумером. Это своеобразие задано в первую очередь ее pragmatistскими основаниями.

---

¹ Эллвуд защитил докторскую диссертацию в Чикагском университете в 1899 г. В ранних работах он отмечал, что «общей точкой зрения» обязан прежде всего Дж.Г. Миду. См.: Эллвуд Ч. Происхождение общества // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии ... – С. 152–162. О влиянии Эллвуда на Блумера см.: LoConto D.G., Jones-Pruett D.L. The influence of Charles A. Ellwood on Herbert Blumer and symbolic interactionism // Journal of classical sociology. – 2006. – Vol. 6, N 1. – P. 75–99. Блумер специально подчеркивал, что почерпнул символический интеракционизм не у Эллвуда (Blumer H. Comment on Lewis' ... – P. 285), но ряд его интересов – к массовому поведению, тематике чувств и эмоций и др., – очевидно, имеет это раннее происхождение.

² Это касается прежде всего понятий «ситуация», «определение ситуации», «установка», а также концепции натуралистического исследования, от правной точкой для которой во многом послужил критический анализ «Польского крестьянина в Европе и Америке», где Блумер остро столкнулся с проблемой своеобразия социально-научных понятий.

³ Blumer H. Comment on Lewis' ... – P. 285 и далее.

⁴ Попытку соотнести эти ярлыки друг с другом можно найти в: Николаев В.Г. Герберт Блумер и символический интеракционизм (I) // Социальные и гуманистические науки. Сер. 11: Социология. – 2008. – № 1. – С. 110–113.

Символический интеракционизм и прагматизм

Красной нитью через всю работу Блумера проходит реалистическая интенция, подчеркнутая антиспекулятивность, выраженная в то тут, то там повторяющейся формуле «надлежит уважать природу реальности, которую мы изучаем». Социология должна быть эмпирической (натуралистической) наукой, выстраиваемой на основе кропотливого изучения действительной социальной жизни и изучающей эту действительность в соответствии с ее внутренней природой и логикой. Любая социология выдвигает так или иначе эту претензию, но критика Блумера в адрес едва ли не всех существующих социологических теорий, подходов и методов – а почти все работы Блумера начинаются с такой критики¹ – неизменно сводится к тому, что они вместо изучения реальности конструируют различные ее суррогаты и строятся как развернутые разработки и интерпретации этих суррогатов. Такова, например, блумеровская критика теории действия Т. Парсонса, массовых опросов, анализа переменных, исследований установок, всей традиции исследования социальных проблем, преобладающих теорий промышленных отношений и расовых предрассудков (список можно продолжить).

Любопытно, что собственно эмпирических работ у Блумера мы не находим – если не брать ранние исследования влияния кино на поведение и исследование парижской моды, которое упоминается вскользь в его статье о моде, но никакие следы которого не обнаруживаются напрямую ни в самой статье, ни где-либо еще. Практически все публикации Блумера выглядят как раз теоретическими, а не эмпирическими.

Чтобы разобраться в своеобразии символического интеракционизма как исследовательской программы и понять, в чем именно он расходится с другими исследовательскими программами, необходимо взглянуть на него на фоне блумеровского и, шире, прагматистского видения того, как соотносится эмпирическое исследование с теорией и методом. В связи с этим нельзя не вспомнить, что в чикагской традиции, начиная с Парка, теоретизирование и разработка методологии как особые занятия, отдельные от

---

¹ Характерный для Блумера способ выдвижения позитивных предложений через критику бросается в глаза и не раз привлекал внимание комментаторов его работы. См., например: Best J. Blumer's dilemma: The critic as a tragic figure // The American sociologist. – 2006. – Vol. 37, N 3. – P. 5–14.

исследования, считались бессмысленными и бесперспективными. Эта позиция отражена, например, в чеканной формуле Л. Вирта: «Теория – это аспект всего, что мы делаем, а не совокупность знаний, отдельная от исследований и практики»¹ (то же касается и метода). Не чужда эта позиция и Блумеру: едва ли не все результаты развернутого специального теоретизирования последовательно и безжалостно им критикуются. Но что же тогда – внешне похожее на теорию и обычно ничем не похожее на эмпирическое исследование – предлагается им взамен? И на каких основаниях?

Ключом к ответу на этот вопрос является подзаголовок главной его книги. Символический интеракционизм – это прежде всего «перспектива и метод». Многое из того, что с конвенциональной точки зрения видится как теория, является у Блумера не теорией или не вполне теорией. Начать с того, что в pragmatizme такие важные компоненты теории (в конвенциональном ее понимании), как понятия, общие утверждения и даже в известной мере пресуппозиции, трактуются как средства, или инструменты познания мира, создаваемые исследователями для решения познавательных, а в конечном счете практических проблем; т.е. их можно в каком-то смысле отнести к методу научной работы. Граница между теорией и методом не прочерчена с привычной нам резкостью; они перетекают друг в друга².

Все элементы научного знания, понятия, схемы интерпретации имеют для pragmatista принципиально неокончательный, гипотетический характер, будучи лишь временными решениями исторически меняющихся проблем. Эта позиция принимается Блумером в его первой опубликованной статье о понятиях и воспроизводится и развивается в последующих работах. Эта гибкость в понятиях и понятийно оформленных теоретических построениях

---

¹ Цит. по: Odum H.W. American sociology: The story of sociology in the United States through 1950. – New York ; London ; Toronto : Longmans, Green and Co, 1951. – Р. 230. Примечательно, что, рецензируя «Структуру социального действия» Т. Парсонса, Вирт высоко оценил ее как историко-социологическое исследование, отрицая при этом ее теоретическую значимость и новизну. См.: American sociological review. – 1939. – Vol. 4, N 3. – Р. 399–404.

² Попытка разграничить теорию и метод у Блумера предпринята в статьях: Николаев В.Г. Символический интеракционизм Герберта Блумера (II): теоретическая перспектива // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2008. – № 3. – С. 129–150; Символический интеракционизм Герберта Блумера (III): методологическая перспектива // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2009. – № 2. – С. 152–171.

несовместима с любыми стратегиями построения в социологии развернутых и строго логически выверенных понятийных аппаратов и систематических теорий, которые затем просто прикладывались бы к изучаемой социальной реальности. Именно она в значительной степени и отличает символический интеракционизм от других исследовательских программ в социологии: не только от объективистских, вроде структурного функционализма, но и от других версий понимающей социологии. С наибольшей завершенностью это гибкое использование понятий, ориентированное на уважение к гибкости и изменчивости социальной реальности, выражено в блумеровской концепции сенсибилизирующих понятий¹.

Резюмировать эту особенность символического интеракционизма можно так: понятия используются в нем для конструирования подвижных, содержательно пустых рамок, в которых должно проводиться эмпирическое исследование реальности, но так, чтобы эти понятия и рамки не навязывали реальности заранее никаких упорядочений и оставляли внимание чутким к упорядочениям, заключенным в ней самой. Любые чрезмерно проработанные понятийные аппараты и логически выстроенные теории не соответствуют этому требованию и оказываются незаконными. Теория не может быть слишком формализованной, иначе она становится непригодной для решения задач социологии как эмпирической (натуралистической) науки.

Всем компонентам символического интеракционизма, которые мы привычным образом относим к теории, свойственна пониженная степень формализации и формальной проработанности. Обычно такое состояние дел видится как недостаток, подлежащий исправлению. Однако изнутри самого символического интеракционизма это, напротив, сильная его сторона, его преимущество по сравнению со всеми имеющимися альтернативами, так как именно этим обеспечивается его тонкая чувствительность к не улавливаемым иными способами структурированиям действительной социальной жизни. Символический интеракционизм принципиально не нацелен на исправление этого свойства, а стратегически использует его для познания социальной реальности, как она есть, в отличие от вымышленных ее суррогатов.

---

¹ См.: Blumer H. What is wrong with social theory? // American sociological review. – 1954. – Vol. 19, N 1. – P. 3–10 (рус. пер.: Блумер Г. Что не так с социальной теорией? // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2009. – № 2. – С. 177–191).

Символический интеракционизм как «перспектива»

Вместе с тем нельзя не заметить, что в структуре социологии Блумера рамочная и понятийная гибкость распределена неравномерно, и наряду с действительно подвижными концептуальными рамками, относящимися к отдельным областям и сторонам изучаемой социальной жизни, имеется ряд фундаментальных понятий и принципов, относящихся к природе социальной реальности, человеческого действия, взаимодействия и их упорядоченности, которые определяют базовые параметры изучаемого предмета и стратегию его изучения. Эти понятия и принципы задают общую систему координат, или каркас, блумеровской социологии, ее особую оптику, отличающую ее от других разновидностей социологического взгляда. И эта оптика, лежащая в основании символического интеракционизма как особая «перспектива», не только остается у Блумера постоянной, но и вообще не рассматривается как что-то подлежащее пересмотру.

Сам Блумер определяет ее через три посылки: «Первая посылка состоит в том, что люди действуют по отношению к вещам на основе тех значений, которые эти вещи для них имеют... Вторая посылка состоит в том, что значение таких вещей проистекает, или возникает, из социального взаимодействия, в котором человек находится с другими. Третья состоит в том, что эти значениярабатываются и изменяются в интерпретативном процессе, используемом человеком в обращении с вещами, с которыми он сталкивается»¹. Однако при всей важности этих трех посылок, мы вряд ли можем на них остановиться. Полезнее заглянуть глубже.

Глубже мы находим целый комплекс взаимосвязанных представлений о социальной реальности, социальном процессе, человеческом действии и природе социального порядка, соответствующий тому слою социологической теории, который сегодня обычно определяется как метатеоретический². Этот пресуппозици-

---

¹ Blumer H. Symbolic interactionism ... – P. 2.

² Как справедливо отмечает Г.С. Беккер, этот комплекс основополагающих идей Блумер последовательно проводит во всех своих работах, и лучше всего он сведен воедино в его статье «Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида» (Plummer K., Becker H.S. Continuity and change in Howard S. Beckers' work: An interview with Howard S. Becker // Sociological perspectives. – 2003. – Vol. 46, N 1. – P. 26; см. также: Becker H.S. Herbert Blumer's conceptual impact // Symbolic interaction. – 1988. – Vol. 11, N 1. – P. 13–21). Некоторые основопола-

онный комплекс выстроен вокруг относительно небольшого числа понятий: «Я», «объект», «действие», «интерпретация», «определение», «взаимодействие», «совместное действие» (joint action), «сети действия» и т.д. Эти понятия не предназначены для прямого приложения к наблюдаемой реальности; они только задают основные фокусировки и акценты в подходе к ее наблюдению. В качестве изучаемой социологами реальности принимается непрерывный поток развертывающегося взаимодействия между различными действующими единицами (индивидуальными и коллективными, но в конце концов всегда индивидуальными), в котором осуществляется сочленение индивидуальных линий поведения. Это сочленение всегда осуществляется в потоке действительного взаимодействия и опосредовано взаимосвязанными процессами интерпретации и определения. Последние связаны с включением в человеческое поведение рефлексивного процесса, или «Я». Таким образом, человеческое действие и взаимодействие символически опосредованы, и это опосредование, совершающееся всегда «здесь и сейчас», или по ходу дела, обеспечивает их упорядоченность. Поток взаимодействия оказывается при этом частично организованным и структурированным, в нем складываются относительно устойчивые сети действия (институты, группы и т.д.). В то же время этот поток постоянно переструктурируется – больше или меньше – во всех своих звеньях и сочленениях, всегда сохраняя свою изменчивость и текучесть. Размещение упорядочения и переупорядочения, постоянства и изменения в развертывающемся действии и взаимодействии превращает последние в процессы «по собственному праву», несводимые ни к каким предшествующим условиям и факторам. И это специфическое совмещение внимания к постоянству и изменению, конститутивное для символического интеракционизма и отличающее его от большинства других социологий, делает его специфически чувствительным к исторической контекстуальности и вариативности изучаемых явлений и процессов (что, по мнению Блумера, принципиально необходимо для социологии, в особенностях при изучении высокодинамичных и изменчивых современных обществ)¹.

гающие понятия разрабатываются Блумером также в книге о Миде, в первой главе «Символического интеракционизма» и некоторых других статьях.

¹ Блумеровская трактовка соотношения постоянства и изменения подробно рассмотрена в статье: Morgione T.J. Persistence and change: Fundamental elements in

Эта гибкая и лаконичная метатеоретическая рамка¹, родившая Блумера с другими яркими представителями чикагской прагматистской социологии (Р.Э. Парком, Л. Виртом, Э.Ч. Хьюзом, Э. Гоффманом и др.), систематически реализуется Блумером при рассмотрении любых содержательных вопросов: структурирования трудовых отношений в современном обществе, природы и динамики моды как особой формы социального контроля, формирования и структуры общественного мнения, конструирования и функционирования социальных проблем и т.д. С какой бы конкретной областью социальной реальности Блумер ни работал, везде выстраивается гибкая теоретическая рамка для исследования этой области, не скованная сложными понятийными аппаратами и жесткими определениями, открытая для эмпирических деталей, вариаций и упорядочений, какими бы они ни были.

Теперь можно пойти дальше.

Система координат, теория и натуралистическое исследование

Символический интеракционизм характеризуется особым сочетанием формальной и содержательной теории: если первая ограничивается такими общими и частными рамками, ориентированными не столько на детальную концептуализацию, сколько на предохранение от нее и оставление взгляда открытым к действительным упорядочениям социальной жизни, то вторая должна выстраиваться в непосредственном контакте с реальностью, только через эмпирическое исследование и никак иначе. Этим объясняется крайняя скучность формальных концептуализаций и систематических теоретических построений в символическом интеракционизме, отличающая его от прочих видов теоретизирования в социологии. То, что выглядит на первый взгляд непроработанностью, оказывается принципиальной позицией. То, что кажется слабостью, оказывается

Herbert Blumer's metatheoretical perspective // The tradition of the Chicago school of sociology / Ed. by L. Tomasi. – Aldershot etc. : Ashgate, 1998. – P. 191–216.

¹ Более детальный ее разбор см. в статье: Николаев В.Г. Символический интеракционизм Герберта Блумера (II): теоретическая перспектива ... См. также: Morrione T.J. Herbert G. Blumer (1900–1987): A legacy of concepts, criticisms, and contributions // Symbolic interaction. – 1988. – Vol. 11, N 1. – P. 1–12; Low J. Structure, agency, and social reality in Blumerian symbolic interactionism: The influence of Georg Simmel // Symbolic interaction. – 2008. – Vol. 31, N 3. – P. 325–343.

скромностью и накидыванием узды на не знающую преград и пределов фантазию профессиональных теоретиков.

Содержательная теория должна гибко направляться этими рамками, но выстраивается она не логически, а в процессе исследования. Таково место натуралистического исследования в общей картине той социологии, которую предлагает нам Блумер. Ключевые принципы и правила такого исследования разрабатываются им в разных работах, но прежде всего в статьях «Что не так с социальной теорией» и «Методологическая позиция символического интеракционизма» (включены в книгу «Символический интеракционизм») и в предисловии к переизданию критики «Польского крестьянина» 1979 г.¹

Блумер писал: «Под “натуралистическим” исследованием я понимаю изучение поведения и групповой жизни такими, как они естественно даны в повседневном существовании людей – во взаимодействии людей, когда они вступают друг с другом в связь в своих повседневных жизнях и вовлекаются в различного рода деятельности, необходимые для того, чтобы справляться с ситуациями, подстерегающими их в повседневном существовании»². Основу этого типа исследования составляют особый способ использования понятий (сенсибилизирующие понятия), опора на качественные методы сбора данных (включенное наблюдение, интервью, «жизненные истории», реконструкции и т.п.), выделение «разведочного» и «инспекционного» этапов, выстраивание описаний и обобщений в постоянном соотнесении с наблюдениями и т.д.³

Этот тип исследования – не изобретение Блумера; он практиковался и прежде в чикагской традиции, но ранее его своеобра-

---

¹ Blumer H. Introduction to the Transaction edition // Blumer H. Critiques of research in the social sciences: An appraisal of Thomas and Znaniecki's *The Polish peasant in Europe and America*. – 2d ed. – New Brunswick : Transaction Books, 1979. – P. V–XXXVIII.

² Blumer H. Mead and Blumer: The convergent methodological perspectives ... – P. 412.

³ Систематическая сводка принципов натуралистического исследования дана в статье: Николаев В.Г. Символический интеракционизм Герберта Блумера (III): методологическая перспектива ... О методологии Блумера см. также: Baugh K. The methodology of Herbert Blumer: Critical interpretation and repair. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990; Hammersley M. The dilemma of qualitative method: Herbert Blumer and the Chicago tradition. – London ; New York : Routledge, 1989; Hammersley M. The problem of the concept: Herbert Blumer on the relationship between concepts and data // Journal of contemporary ethnography. – 1989. – Vol. 18, N 2. – P. 133–159.

зие по сравнению с другими типами исследования не было предметом специальной рефлексии. Позже он был кодифицирован А. Строссом и другими в концепции «укорененной теории» (*grounded theory*), которая часто ошибочно трактуется как один из качественных методов, но в сущности представляет собой кодификацию того, как нужно выстраивать содержательную теорию в ходе исследования и изнутри самого исследования. Именно таким образом выстраиваемая теория и трактуется у Блумера как собственно научная социологическая теория; всё прочее – лишь инструменты для ее разработки и развития. Именно здесь мы обнаруживаем корни жесткого противостояния Блумера всем прочим, иными способами получаемым социологическим теориям.

В преобладающих историко-социологических систематиках начиная с 60-х годов XX в. символический интеракционизм обычно ассоциируется с микросоциологией и глубинным непосредственным изучением отдельных локальных случаев. Надо сказать, что Блумер и сам невольно давал поводы для такой трактовки размещением действительного социального процесса в «здесь и сейчас»¹. Более того, символический интеракционизм и в самом деле в значительной мере срояся позднее с такими *case studies*. Такие частные исследования очень важны. В них достигают предельного воплощения сила и своеобразие символического интеракционизма. В них он находит своего рода естественную гавань: рассмотрение непосредственно наблюдаемого течения социальной жизни как развертывающегося взаимодействия, в котором происходит постоянная сборка и пересборка реальности из материальных и нематериальных, живых и неживых, человеческих и нечеловеческих компонентов². Речь в этом случае идет не о безудержном волонтаристском конструкционизме (даже если в позднейших модификациях символический интеракционизм иногда в него вырождался): процесс сборки и пересборки реальности ограничивается инерциями (или, по Миду, «сопротивлениями»), заключенными в природе, социальных структурированиях и устоявшихся схемах интерпретации,

---

¹ Например, он писал: «...натуралистическое исследование нуждается в наблюдениях, делаемых в “здесь и сейчас” и в отношении этого “здесь и сейчас”» (Blumer H. Introduction to the Transaction edition ... – Р. XXV).

² Т.Дж. Моррионе отмечает, что такое видение взаимодействия как процесса, в который вовлечены «физическая, социальная и психологическая сферы реальности», является «отличительно блумеровским» (Morrione T.J. Persistence and change ... – Р. 198).

и представляет собой ее текущее переупорядочение в соответствии с эмерджентной событийностью текущей ситуации.

Вместе с тем Блумер разрабатывал символический интеракционизм вовсе не как микросоциологическую пристройку к величественному зданию макросоциологии. Различия «микро» и «макро» для него не существовало; он считал эти понятия безосновательными¹. Более того, у него нет ни одного исследования, которое можно было бы причислить к микросоциологическим. Напротив, все его работы относятся к тому, что единодушно трактуется как макросоциология. Как это объяснить? Для Блумера, вслед за Мидом, «здесь и сейчас» не имеет фиксированной протяженности. За этим понятием может скрываться разный пространственный и временной охват. Разные явления и процессы требуют по своей природе разных масштабов рассмотрения, вплоть до масштаба исторической эпохи (как в случае изучения индустриализации и ее последствий). Символический интеракционизм – как социология – это не изучение отдельных поступков и событий, не добывание иллюстративных живых примеров к спекулятивным обобщениям, а исследование общества во всей его полноте и многогранности с пониманием того, что любые процессы, какими бы масштабами в пространстве и во времени они ни были, всегда осуществляются только через конкретные деятельности конкретных людей, через их развертывающийся жизненный процесс. Нельзя сказать, что здесь, в связывании разных пространственных и временных масштабов, нет никакой проблемы. Но претензия Блумера именно такова. Он считал символический интеракционизм перспективой, пригодной для изучения любых предметов и тем, относимых к ведению социологии.

Таким образом, Блумер предлагает нам последовательное, методичное создание содержательной, «укорененной», «заземленной» теории в опоре на натуралистическое исследование разных сторон и аспектов социального мира, гибко направляемое рамка-

---

¹ Моррионе, в частности, вспоминает: «Блумер был особенно чувствительным к ложному определению символического интеракционизма как “микро”-перспективы... В наших с ним разговорах он, например, спрашивал: “Где проходит разделительная черта между макро и микро?”; “Есть ли консенсус по поводу употребления этого термина?” Он также задавался вопросом, не использование ли термина “макро” заставило социальных ученых поверить, что абстрактные социальные силы, а не акторы, определяют индивидуально и коллективно ситуацию и задействованы в упорядочении того, что происходит» (Morrione T.J. Op. cit. – P. 197).

ми, обеспечивающими методичное уважение к природе изучаемой социальной реальности.

Сегодня тип социологического исследования, предложенный Блумером под именем символического интеракционизма, благополучно существует и занимает достойное место в нашей науке. А наследие Блумера продолжает привлекать к себе внимание – как в целом¹, так и с точки зрения его вкладов в такие области исследования, как изучение коллективного поведения², моды³, индустриализации⁴ и т.д.

---

¹ Lyman S.M., Vidich A.J. Social order and the public philosophy: An analysis and interpretation of the work of Herbert Blumer. – Fayetteville ; London : University of Arkansas Press, 1988; Shibusaki T. Blumer's contributions to twentieth-century sociology // Symbolic interaction. – 1988. – Vol. 11, N 1 [Special issue on Herbert Blumer's legacy]. – P. 23–31; Wellman D. The politics of Herbert Blumer's sociological method // Ibid. – P. 59–68; Snow D. Extending and broadening Blumer's conceptualization of symbolic interactionism // Symbolic interaction. – 2001. – Vol. 24, N 3. – P. 367–377.

² Keys D., Maratea R.J. Life experience and the value-free foundations of Blumer's collective behavior theory // Journal of the history of the behavioral sciences. – 2011. – Vol. 47, N 2. – P. 173–186.

³ Davis F. Herbert Blumer and the study of fashion: A reminiscence and a critique // Symbolic interaction. – 1991. – Vol. 14, N 1. – P. 1–21.

⁴ Maines D.R., Morrione T.J. On the breadth and relevance of Blumer's perspective: Introduction to his analysis of industrialization // Blumer H. Industrialization as an agent of social change: A critical analysis. – New York : Aldine de Gruyter, 1990; Maines D.R., Morrione T.J. Social causation and interpretive processes: Herbert Blumer's theory of industrialization and social change // International journal of politics, culture and society. – 1991. – Vol. 4, N 4. – P. 535–547; Morrione T.J. Herbert Blumer's theory of industrialization and social change // Maines D.R. The faultline of consciousness: A view of interactionism in sociology. – New York : Aldine de Gruyter, 2001.

Глава 7

РОБЕРТ РЕДФИЛД И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ «НАРОДНОГО ОБЩЕСТВА» В КОНТЕКСТЕ ЧИКАГСКОЙ СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ*

Хотя труды Роберта Редфилда сегодня мало кто читает, имя его известно каждому, кто хотя бы немного знаком с историей социальной и культурной антропологии. Он принадлежит к поколению антропологов, во многом определившему тот облик, который эта наука имеет сегодня. Вклад Редфилда, как и многих его коллег-современников, далеко не исчерпывается теми конкретными идеями и концептуальными схемами, которые были предложены им в отдельных тематических областях и упоминаются сегодня в словарях, учебниках или исторических обзорах, находимых в статьях и монографиях. Вклад этот еще и конститутивен для дисциплины, рассеян в ее сегодняшнем «здравом смысле». Старые герои всегда заслуживают ретроспективного взгляда, и Редфилд определенно один из них.

---

* Впервые опубликовано: Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10, вып. 5/6(44/45). – С. 99–113.

Роберт Редфилд

Роберт Редфилд¹ родился 4 декабря 1897 г. неподалеку от Чикаго в семье видного местного адвоката и дочери датского консула. Семья жила в Чикаго, и весь жизненный путь Редфилда был теснейшим образом связан с Чикагским университетом. В 1915 г. он окончил школу при университете, потом поступил в действующую при нем юридическую школу, пойдя тем самым по профессиональной стезе отца. В 1920 г. он получил степень бакалавра (с отличием), в 1921 г. – степень доктора юриспруденции. После этого занимался юридической практикой, но недолго. Все решительно поменялось после краткой поездки в Мексику в 1923 г. Увиденное там настолько вдохновило Редфилда, что он, вернувшись домой, решил оставить право и в 1924 г. еще раз поступил в Чикагский университет, на этот раз на факультет социологии и антропологии. Факультет в это время входил в зенит своей славы: чикагская социология почти безраздельно доминировала в США, в Чикаго уже развертывалась программа городских исследований, оставившая нам целую серию теперь уже классических монографий. Редфилд «принадлежал к той группе студентов, которые сидели на семинарах Роберта Э. Парка, Фей-Купера Коула, Элсуорта Фэриса, Эдварда Сепира и Джорджа Г. Мида. Среди тех, с кем он учился, были... Луис Вирт... Эйлер Н. Симпсон... Лесли Уайт... и Герберт Блумер»². На факультете практиковалось соединение теоретической работы с полевыми исследованиями в городе: Редфилд изучал чикагские общины сицилийцев и мексиканцев. Уже в это время проявилось своеобразие подхода Редфилда к антропологии, состоявшее в игнорировании границ между разными дисциплинами и стремлении работать сразу в нескольких дисциплинарных полях³. Эта же черта была в полной мере присуща чикагским социологам поколения Парка, Бёрджесса и их учеников. Чикагский университет в то время был уникальной питательной средой для междисциплинарных исследовательских ориентаций. Большое влияние на формирование Редфилда как ученого оказали Ф.-К. Коул и Роберт

¹ Биографические сведения собраны из источников: Cole F.-C., Eggan F. Robert Redfield, 1897–1958 // American anthropologist. – 1959. – Vol. 61, N 4. – P. 652–662; Hughes E.C. Robert Redfield 1897–1958 // American sociological review. – 1959. – Vol. 24, N 1. – P. 256–257; Singer M. Robert Redfield, anthropologist // Science. – 1959. – Vol. 130, N 3376, Sep. 11. – P. 609–610; Spitzer A. Robert Redfield 1897–1958 // Anthropological quarterly. – 1959. – Vol. 32, N 1. – P. 2.

² Hughes E.C. Op. cit. – P. 256.

³ Как отмечает Э.Ч. Хьюз, Редфилд «часто мыслил и писал как социолог; но иногда он писал как гуманист и философ» (*ibid.* – P. 257).

Парк, особенно последний¹, с которым он регулярно общался и на дочери которого, Маргарет, был женат. Ближайшими друзьями Редфилдов (и Парков) были на протяжении многих лет супруги Хьюзы, Эверетт и Хелен, социологи, ученики Парка (первый – любимый ученик); эти три семьи интеллектуалов были связаны не просто дружескими, а почти (или прямо) родственными отношениями². Эта связь, заключавшая в себе постоянный и плотный интеллектуальный взаимообмен, важна для понимания более широкого контекста, в котором нужно рассматривать идеи и исследования Редфилда. Главными референтными фигурами в профессиональной карьере были для Редфилда вовсе не отцы американской культурной антропологии, а социологи. Его антропология – скорее социальная, а не культурная. И это сильно отличает Редфилда от его американских коллег-современников, имеющих иные интеллектуальные корни.

Отрыв от узкодисциплинарных антропологических привычек и погруженность в контекст чикагской социологии оказались на выборе Редфилдом объектов для проведения полевой работы. В отличие от коллег, практиковавших выбор какого-нибудь не занятого другими островка «примитивного общества», как можно более не тронутого влияниями современности, Редфилд выбрал места, этим влиянием основательно затронутые: Мексику и Гватемалу. В 1926 г. он предпринял поездку в Мексику, уже как сотрудник Совета по социальному-научным исследованиям, для проведения полевых исследований на Юкатане. Эти исследования легли в основу его докторской диссертации, защищенной в 1928 г. в Чикагском университете; в 1930 г. эта работа была издана в виде монографии «Тепоцтлан, мексиканская деревня: исследование народной жизни»³. В 1930–1943 гг. при поддержке Института Карнеги проводились интенсивные этнологические и социологические полевые исследования на Юкатане и в Гватемале, и Редфилд руководил этой исследовательской программой. Как полевик Редфилд работал на

¹ См., например: Simey T.S. Review: The social uses of social sciences: The papers of Robert Redfield. Vol. 2 // Sociological review. – 1964. – Vol. 12, N 3. – P. 208–209; Wax M.L. Erving Goffman and Chicago sociology // Man. – New series. – 1991. – Vol. 26, N 1. – P. 164.

² Riesman D., Becker H.S. Introduction to the Transaction edition // Hughes E.C. The sociological eye: Selected papers. – New Brunswick, London : Transaction Books, 1984. – P. XII.

³ Redfield R. Tepoztlán, a Mexican village: A study of a folk life. – Chicago : University of Chicago Press, 1930.

Юкатане; в гватемальских исследованиях его участие ограничивалось в основном руководством и координацией. В 1948 г. Редфилд предпринял еще одну поездку на Юкатан, в деревню Чан Ком, которую исследовал ранее, для изучения изменений, произошедших с ней за истекший период.

Академическая карьера Редфилда протекала в стенах Чикагского университета. С 1927 г. он стал штатным преподавателем факультета социологии и антропологии, а далее прошел все ступени: *assistant professor* (1928), *associate professor* (1930), профессор (1934), почетный профессор (1953). В 1934–1946 гг. он был деканом отделения социальных наук, а в 1947–1949 гг., покинув этот пост, заведовал факультетом антропологии (выделившимся из факультета социологии и антропологии в 1930 г., в том числе при его деятельном участии). Помимо специализированных курсов по антропологии Редфилд вел семинары на такие общие темы, как «Человеческая природа», «Сравнение культур» и т.д. Сол Такс, ученик и младший коллега Редфилда по полевым исследованиям в Центральной Америке, вспоминал об учителе: «Разумеется, я, как и все, находился под влиянием Редфилда. Его интеллектуальные привычки очень хорошо подходили для рационального обсуждения. Он был настолько умнее, знал настолько больше, чем я, что, конечно же, это меня пугало, как и многих студентов. Он говорил, вот так, в манере юриста: «Что вы реально имеете в виду?» – после чего отмечал это и формулировал лучше, чем это смог бы сделать я. Уже потом, став друзьями, мы стали уважать манеры мышления друг друга, и я его больше не боялся. Оказалось, что я способен решать практические проблемы, интересовавшие его: как добывать информацию, как то-то и то-то делать, как общаться с людьми»¹.

В поздние годы жизни Редфилд пользовался славой одного из крупнейших, если не великих, антропологов, был увенчан всеми возможными академическими лаврами: в 1944 г. стал президентом Американской антропологической ассоциации, в 1954 г. получил за выдающийся вклад в антропологию памятную медаль Фонда Викинга от американских коллег, в 1955 г. – аналогичную по значимости памятную медаль Гексли от Королевского антропологического института Великобритании. Его приглашали выступить с лекциями в разные университеты мира: в 1948 г. он преподавал в качестве гостевого профессора в Пекинском университете,

¹ Rubinstein R.A. A conversation with Sol Tax // Current anthropology. – 1991. – Vol. 32, N 2. – P. 182.

потом в Университете Гёте во Франкфурте, в начале 50-х годов читал лекции в Корнеллском, Упсальском, Калифорнийском, Парижском университетах. В 1947–1950 гг. он занимал пост директора Американского совета по расовым отношениям.

При всем при том Редфилд по натуре своей был «художником и поэтом»¹, больше всего любил проводить досуг, читая вслух книги и слушая музыку в кругу семьи и друзей.

Последние три года жизни Редфилда были омрачены тяжелой болезнью. Он был болен лимфатической лейкемией, но, несмотря на это, продолжал преподавать, участвовал в конференциях, писал книги. Умер он 16 октября 1958 г.

За сравнительно недолгую жизнь Редфилд успел написать довольно много. После первой монографии о Тепоцтлане он опубликовал еще несколько монографий: «Чан Ком, деревня майя» (1934, совм. с А. Вилья Рохасом)², «Народная культура Юкатана» (1941)³, «Деревня, выбравшая прогресс» (1950)⁴, «Примитивный мир и его трансформации» (1953)⁵, «Малое сообщество» (1955)⁶, «Крестьянское общество и культура» (1956)⁷. Кроме того, Редфилдом было написано несколько десятков статей.

Вклад Редфилда в антропологию и социальные науки

Своей работой Редфилд внес в развитие социокультурной антропологии и вообще социальной науки несколько существенных вкладов. Прежде всего, отказавшись одним из первых в своей дисциплине от реконструкции умирающих культур в пользу исследования изменений в живых обществах, необратимо пере-

---

¹ Spitzer A. Op. cit. – P. 2.

² Redfield R., Villa Rojas A. Chan Kom: A Maya village. – Washington. : Carnegie Institution, 1934.

³ Redfield R. The folk culture of Yucatan. – Chicago : University of Chicago Press, 1941.

⁴ Redfield R. A village that chose progress: Chan Kom revisited. – Chicago : University of Chicago Press, 1950.

⁵ Redfield R. The primitive world and its transformations. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1953.

⁶ Redfield R. The little community: viewpoints for the study of a human whole. – Chicago : University of Chicago Press, 1955.

⁷ Redfield R. Peasant society and culture. An anthropological approach to civilization. – Chicago : University of Chicago Press, 1956.

ставших быть «примитивными», он стал одним из создателей нового образца выбора объекта для антропологических полевых исследований (наряду с другими учеными, такими, например, как Уильям Ллойд Уорнер, коллега Редфилда по Чикагскому университету). Следовательно, Редфилд в какой-то мере причастен к такому важному повороту в полевой этнографии, как перенос ее с незападных обществ на западные. Одной из ключевых сил, вовлеченных в осуществление этого поворота, была чикагская социологическая традиция – к которой Редфилд принадлежал, – в том ее сегменте, который связан с «качественными исследованиями» (от Ф.М. Трэшера, Х.У. Зорбо, Н. Андерсона, К. Шоу, Р. Кэван и др. до Э.Ч. Хьюза, Х. Майнера, А. Стросса, Д. Роя, Э. Гоффмана, Г.С. Беккера). Даже сегодня такие вещи, как городская этнография, этнография профессий, промышленная этнография, этнография психиатрических клиник, этнография тюремы, этнография умирания и т.д., отнюдь не всеми воспринимаются как само собой разумеющиеся области приложения исследовательских усилий. Но еще менее вообразимыми они были во времена Редфилда, внесшего своими трудами один из первых и важных вкладов в отсоединение техник полевой этнографической работы от той прежде единственно легитимной области их применения, которая помечается такими терминами, как «примитивное», «традиционное», «племенное», «кнезападное» и т.п.

Выбрав в качестве объекта изучения общества, находящиеся в состоянии перехода от «народного» к «городскому», Редфилд дал своими полевыми исследованиями одни из первых образцов исследования таких обществ. Сама суть этих обществ заключалась в их изменении, и Редфилд, ориентируясь на изучение их трансформации, перенес центр внимания на изменение и процесс – в противоположность преобладавшим в его время в антропологии статичным подходам, ориентированным на изучение стабильных обществ и акцентирующими в своих концептуальных схемах «целостность», «систему», «структуру» и иные понятия, предназначенные для описания неподвижных состояний. Хотя с высоты сегодняшнего дня предложенные Редфилдом образцы исследования изменения выглядят не очень удачными, для тогдашней антропологии они были важным шагом вперед. Кроме того, стоит обратить внимание на роль Редфилда как одного из пионеров того, что было названо позже «крестьяноведением»; в его времена исследование крестьянских обществ еще не было той законной и признанной областью изучения, какой оно стало сегодня.

Полевые исследования Редфилда отличались от исследований многих его братьев по цеху тем, что не были чистой этнографией. Эмпирическое исследование соединялось теснейшим образом с теоретизированием и обобщениями. Здесь важно обратить внимание на два момента. *Во-первых*, аналогичные попытки соединения полевого исследования с теорией, предпринятые в 1920-е годы другими антропологами (в том числе такими, как А.Р. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский), часто оборачивались тем, что два компонента, которые предполагалось соединить, существовали как бы параллельно, не пересекаясь и подчас даже мешая друг другу, «перетягивая одеяло» на себя. В свою очередь, Редфилд опробовал более работоспособное соединение теоретизирования с полевым наблюдением («натуралистическим исследованием»), которое было характерно для чикагской прагматистски ориентированной исследовательской традиции – от Дж.Г. Мида и Р. Парка до Э.Ч. Хьюза, Г. Блумера, Э. Гоффмана, Г.С. Беккера и А. Стросса («grounded theory»). Теоретические рамки разрабатывались с целью обострения наблюдательности, вылавливания релевантных фактов и их соотнесения друг с другом, но сами никогда не выдвигались как готовая и окончательная теория; Редфилд настаивал на необходимости проверки и верификации таких понятийных построений, рассматривая их как всецело «гипотетические»¹. Этот эпистемологический статус понятийных схем Редфилда, в принципе не подлежащих реификации, до сих пор часто ускользает от внимания тех, кто о них пишет (стоит отдельно подчеркнуть, что и использование Редфилдом риторики «идеальных типов» также вводит в заблуждение и скрывает истинные корни его рабочей эпистемологии). *Во-вторых*, соединение теории и полевого исследования накладывается у Редфилда на близкое, но не тождественное ему соединение двух очень разных и редко уживающихся друг с другом интересов, а именно – интереса к адекватному описанию и объяснению непосредственно происходящих и наблюдаваемых процессов, ограниченных временными и пространственными рамками исследования, и интереса к вещам универсальным, таким, например, как

---

¹ Дж.Г. Мид, лекции которого Редфилд посещал, трактовал мир (опыта) как «рабочую гипотезу» и, отрицая принципиальную разницу между обыденным и профессиональным познавательным усилием, квалифицировал любое знание о мире как «гипотетическое», т.е. подлежащее постоянной ревизии и модификации по мере возникновения «проблематических ситуаций», в которых имеющееся знание перестает давать ответы на практически значимые вопросы.

«природа человека». Последнее соединение, чрезвычайно характерное для чикагской социально-научной традиции, является неустойчивым и определяет то хрупкое балансирование между релятивизмом и универсализмом, которое является отличительной чертой чикагских социально-научных текстов, в том числе и текстов Редфилда. Для того чтобы оттенить это своеобразие, можно указать на то, что неудачи в достижении данного соединения регулярно создавали и воссоздавали в социальных науках XX в. следующие характерные расколы: антропология как универсальная наука о человеческой природе или социология как практическая (полезная) наука о собственном обществе; универсальная социальная теория или описательная социография; «макро» (универсальное) или «микро» (уникальное и относительное); обобщающая антропология или дескриптивная этнография. Список можно было бы продолжить. Трудность замены «или» на «и» («одновременно то и другое») регулярно бросала ученых в одну из разделенных союзом «или» альтернатив. Для чикагской традиции было характерно игнорирование этого «или»; такое игнорирование, конечно, создает сильное напряжение, но для понимания специфики данной традиции его надо иметь в виду¹. Все это, конечно, имеет прямое отношение и к Редфилду.

В полном смысле учеников и последователей у Редфилда было не очень много. К ним можно отнести, например, С. Такса и

---

¹ Так, Дж.Г. Мид, а вслед за ним Г. Блумер рассматривали «понятия» как элемент, заключенный в прагматике исследования, как способ решения исследовательской «проблемы», как практически полезный, эффективный и временно достаточный способ соединения не согласующихся элементов восприятия («перцептов»), т.е. наблюдений. Исходя из этого, например, Мид писал: «Проблемы социальной теории должны быть исследовательскими проблемами» (Mead G.H. Scientific method and the moral sciences // International journal of ethics. – 1923. – Vol. 33, N 3. – P. 243–244). Г. Блумер в этой же связи призывал к тому, чтобы социологи, в том числе в теоретических усилиях, исходили из «уважения к эмпирической реальности», чтобы социологическая теория была частью социологии как эмпирической науки, и определяя понятия социальных наук как «сенсибилизирующие» (см., например: Blumer H. Science without concepts // American journal of sociology. – 1931. – Vol. 36, N 4. – P. 515–533; The problem of concept in social psychology // American journal of sociology. – 1940. – Vol. 45, N 5. – P. 707–719; What is wrong with social theory? // American sociological review. – 1954. – Vol. 19, N 1. – P. 3–10). Л. Вирт в том же контексте говорил: «Теория – это аспект всего, что мы делаем, а не совокупность знаний, отдельная от исследований и практики» (цит. по: Odum H.W. American sociology: The story of sociology in the United States through 1950. – New York, etc. : Longmans, Green and Co., 1951. – P. 230).

М. Сингера. Однако влияние его идей выходило далеко за рамки этого узкого круга. Иногда это далекие, но очень существенные влияния. Так, Х. Майнер в книге «Сен-Дени: франкоканадский приход» (1939) и Э. Хьюз в книге «Французская Канада в состоянии перехода» (1943) во многом опирались на модель исследования, опробованную Редфилдом в Мексике¹. Если учесть существенное влияние Хьюза на канадскую социологию, особенно франкоканадскую², можно утверждать, что схема анализа социальных изменений Редфилда косвенно повлияла на исходные контуры исследований канадского общества в канадской социологии.

Наиболее важными концептуальными новациями Редфилда были кластер понятий, выстроенных вокруг понятия «народного» («народное общество», «народная культура», «народно-городской континуум»), и понятия «большой традиции» и «малой традиции». Особенно влиятельной в долгосрочном плане оказалась первая из названных новаций.

«Народное общество» и городские «цивилизации»

Понятие «народное» было предложено Редфилдом исходя из того, что сообщества того типа, которые он выбрал для изучения, не подпадали ни под одно из существовавших в социальных науках определений: они не были ни «современными», или «городскими», ни «примитивными», или «племенными». Соответственно, не подходили для изучения обществ этого типа и схемы анализа, выстроенные вокруг указанных понятий. Введение понятия «народное общество» стало для Редфилда выходом из этой проблемной ситуации. Это понятие трактовалось как «конструкция», или «идеальный тип». Оно было собрано из нескольких предположительно взаимосвязанных характеристик (изоляция, гомогенность, сакральность и т.д.), подбор которых осуществлялся, с одной стороны, в опоре на схожие теоретические конструкции других ученых (Г. Мэн, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм и др.) и, с другой стороны, в соотнесении с непосредственно знакомым и известным из литературы фактическим

---

¹ Clark S.D. Sociology in Canada: An historical over-view // Canadian journal of sociology / Cahiers canadiens de sociologie. – 1975. – Vol. 1, N 2. – P. 228–229.

² См.: Helmes-Hayes R. The concept of social class: The contribution of Everett Hughes // Journal of the history of the behavioral sciences. – 2000. – Vol. 36, N 2. – P. 127–147.

материалом. «Народное» было противопоставлено «городскому», образовав континуум «народное–городское», который Редфилд применил как рабочий инструмент в своих юкатанских полевых исследованиях. Используя метод сравнения, Редфилд взял для исследования четыре сообщества, по-разному расположенных в этом континууме (племенную деревню, крестьянскую деревню, поселок и город Мерида), и выявлял через находимые в них контрасты логику развертывающихся в обществе социокультурных изменений; эта логика раскрывалась через изменения в ряде параметров (включенных в рабочую «идеально-типическую конструкцию») при движении от полюса «народного» к полюсу «городского». Исследования показали наличие разных степеней как «народности» в целом, так и отдельных параметров, включенных в это понятие. Редфилд рассматривал результаты своих юкатанских исследований как «гипотезы», подлежащие дальнейшей проверке на ином эмпирическом материале, и сам впоследствии проверял их на материале гватемальских исследований и повторного исследования Чан Кома в 1948 г. (последнее добавило к синхроническому измерению его ранних исследований новое, диахроническое измерение). В частности, повторная поездка в Чан Ком привела Редфилда к выводу, что движение в континууме «народное–городское» может происходить в обе стороны (такая возможность им ранее не предусматривалась); это, помимо прочего, заставило Редфилда пересмотреть его прежние представления об аккультурации¹. Другими модификациями исходной конструкции были более проработанная трактовка роли ценностей в процессах изменения и требование принимать во внимание воздействие, оказываемое на народные общества не только западной городской цивилизацией, но и другими локально значимыми цивилизационными центрами. Таким образом, модель «народно-городского континуума» становилась постепенно все более сложной и многомерной.

Работа с моделью «народного общества» в той ее части, которая касалась влияния городских центров, привела Редфилда к переносу внимания на городские «цивилизации», а интерес к последним – к сравнительному изучению цивилизаций, более тща-

---

¹ Редфилд был одним из соавторов знаменитого «Меморандума» об аккультурации, сыгравшего важную роль в стимулировании и упорядочении исследований социокультурного изменения в американской антропологии и, отчасти, социологии. См.: Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Outline for the study of acculturation // American journal of sociology. – 1935. – Vol. 41. – P. 366–370.

тельной проработке вопроса о связи «народных культур» с «цивилизациями» и введению понятия «больших и малых традиций»¹. Работа Редфилда в 1950-е годы отмечена этими интересами и новациями. Она привнесла в исходную схему анализа историческое измерение. Вместе с тем Редфилд все очевиднее мигрировал в междисциплинарное поле из антропологии и социологии в гуманитарные исследования, литературоведение и философию. В центре его интересов все крепче утверждались вечные вопросы о «природе человека» и историческом контексте племенных, крестьянских и городских обществ. Рассматривая цивилизации как устойчивые «исторические структуры», Редфилд выделил в них «большие традиции» (или «высокую культуру», развивающую грамотными и критически мыслящими городскими интеллектуальными элитами) и «малые традиции» (развивающиеся в сельских обществах). Эти «традиции» постоянно взаимодействуют друг с другом: «большая» выстраивается из «малой», а затем, сформировавшись, становится контекстом для «малой», оказывая на нее «цивилизующее» воздействие². В связи со сравнительным изучением цивилизаций Редфилд в последние годы жизни все больше интересовался Китаем и Индией. Поездка в Китай для преподавания в Пекинском университете в 1948 г. была, однако, прервана революцией, а поездка в Индию в 1955 г. – первым серьезным обострением лейкемии. Исследования на тему цивилизаций нашли отражение в серии публикаций, в том числе в трех небольших книжках, но так и остались незаконченными.

Редфилд и Чикагская школа социологии

Вернемся к вопросу о связи Редфилда с чикагской социально-научной традицией. Уже говорилось о личных и интеллектуальных связях Редфилда с Парком и супругами Хьюзами, об интеллектуальном контексте Чикаго, в котором происходило формирование Редфилда как антрополога, о влиянии Редфилда на некоторых чи-

---

¹ Более подробно об этой стороне работы Редфилда см.: Гордон А.В. Редфилд Р. // Культурология: энциклопедия / гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. – Москва : РОССПЭН, 2007. – Т. 2. – С. 348–352.

² Глава о больших и малых традициях из книги «Крестьянское общество и культура» переведена на русский язык: Редфилд Р. Социальная организация традиции // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. – 2016. – № 2. – С. 122–146.

кагских исследователей, а также о некоторых параллелях в эпистемологических посылках и ориентациях у Редфилда и других чикагцев. Рассмотрим некоторые из этих моментов еще раз подробнее, а также добавим к ним несколько других.

Исследовательская программа, сформулированная Парком и реализовавшаяся в университете в 20-е годы, сосредоточила чикагских социологов на изучении города. Эта фокусировка интереса обосновывалась тем, что город – это «социальная лаборатория», место, в котором природа человека и человеческого общества развертывается наиболее объемно и многогранно и в котором, следовательно, их предпочтительно изучать¹. Этим вовсе не предполагалось, что исследование негородских обществ является излишним или вообще лишено смысла; оно просто трактовалось как неэкономичное. Стоит добавить, что Парк вообще любил города как таковые (и по своему журналистскому опыту хорошо их знал). Так или иначе, село оставалось при этом за рамками социологического изучения; и это было одно из самых уязвимых мест чикагской социологии, по которому не забывали при удобном случае нанести удар ее критики. Традиционные образы жизни, которым город противопоставлялся как разрушающая их среда, брались в схематике этой социологии как само собой разумеющиеся – либо из внесоциологической литературы, либо из здравого смысла. Редфилд в некотором роде дополнил своей концепцией «народного

---

¹ «Есть и еще один факт, делающий город предпочтительным местом для исследований социальной жизни и придающий ему качество социальной лаборатории: это то, что в городе любое качество человеческой природы не только наглядно проявляется, но и усиливается. В городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида – будь то преступник или попрошайка, равно как и гений – всегда найдет подходящую компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает. А в целом, все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение. Город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Именно это... делает его наилучшим из всех мест для раскрытия потаенных человеческих сил и для изучения человеческой природы и общества» (Парк Р.Э. Город как социальная лаборатория // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – С. 42–43).

общества» схематику чикагской социологии, достроил ее, так сказать, с другого конца, оставленного социологами без внимания. К тому же, в отличие от большинства коллег-социологов, он не очень-то любил город¹. Если взглянуть на связь Редфилда с чикагской социологией под этим углом зрения, то можно отметить два важных момента. Во-первых, сравнение того, как описывались и оценивались специфически современные социальные процессы в работах Редфилда и чикагских урбанистов (процессы по существу одни и те же, но только протекающие в разных социальных средах, находящихся в разных точках континуума «народное–городское»), показывает, что эти описания и оценки по существу совпадают². Во-вторых, как для социологов остаточной категорией, фигурирующей в исследованиях в виде обобщенного резюме внешних для социологии знаний, были негородские общества, так же – зеркально – для Редфилда было остаточной категорией понятие «городского» (если не брать поздний период жизни, когда это понятие стало для него проблематичным). Схематика «народного» и схематика «городского» были, стало быть, комплементарными.

Как для чикагских социологов город был не столько объектом исследования, сколько местом («социальной лабораторией»), где изучались природа человека, общество как таковое, современное общество, социальное изменение, так и для Редфилда изучаемые им «народные общества» Юкатана и Гватемалы были местом, где он изучал практически то же самое. Редфилд видел сходства сообществ Тепоцтлана и Чан Кома с крестьянскими сообществами других частей света, и полевые исследования в Центральной Америке были для него источником потенциально универсального знания, применимого к другим временам и другим местам. Так, изменения в юкатанских деревнях, стимулируемые контактом с западной городской цивилизацией, эксплицитно рассматривались

---

¹ На это прямо указывает С. Такс: «Ну и, конечно, сельская местность нравилась ему больше, чем город, мы же с Луисом Виртом предпочитали город» (Rubinstein R.A. Op. cit. – Р. 182).

² Можно сравнить описания трансформации «народных» обществ под воздействием цивилизации у Редфилда с описаниями того, что происходит с традиционными образами жизни в городских средах, у Парка и Вирта. См., например: Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. – Москва : ИНИОН РАН, 2005. – С. 93–118; Вирт Л. Жизнь в городе // Там же. – С. 119–131; Вирт Л. Различия между «сельским» и «городским» // Там же. – С. 132–137; Вирт Л. Городское сообщество и цивилизация // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8, вып. 2(30). – С. 21–32.

им как «пример... общего типа изменения, посредством которого примитивный человек становится цивилизованным, а сельчанин – горожанином»¹. Одновременность изучения текущих процессов в конкретных пространственно-временных контекстах и рассмотрения их как примера общих процессов, находимая у Редфилда, была характерно чикагской.

Выше уже не раз говорилось о принципиальной гипотетичности редфилдовских понятий и выводов. Трактовка этих элементов знания о мире как неисправимо обладающих этим свойством уходит корнями в эпистемологию прагматизма. Эта черта вплывлена в метод чикагцев чаще всего как латентная и непрограммированная; для них философия прагматизма, в контекст которой они были погружены в стенах Чикагского университета, была просто философией, без всяких дополнений и прилагательных, и не нуждалась в проговаривании, будучи тем, что и так всем известно и понятно. Г. Блумер, один из немногих чикагцев, эксплицировавших методологические основания социального исследования, ввел термин «сенсибилизирующие понятия»². У таких понятий нет строгого определения, они всегда подлежат пересмотру и уточнению, как и развивающиеся с их помощью утверждения о мире. Ретроспективная проекция методологических пояснений Блумера на работу Редфилда не означает, конечно, что Редфилд прямо им следовал или что он следовал им хорошо, но позволяет лучше увидеть, как Редфилд должен был понимать логику и процедуру социального исследования. Во всяком случае, должно быть ясно, что Редфилд, говоря об «идеальных типах», имел в виду во многих отношениях не то, что имел в виду Вебер. Сенсибилизирующие понятия, как и идеальные типы, создаются посредством фантазии, изобретения, придумывания; как и в случае идеальных типов, их достоинство состоит в их функциональности; но на уровне темпоральной организации процесса исследования они очень отличны от идеальных типов, и прежде всего – они гораздо более подвижны.

Будучи творческим элементом в ткани социального исследования, такие понятия постоянно сопоставляются с фактами наблюдений, перерабатываются в процессе такого сопоставления и служат сенсибилизирующими ориентирами для дальнейших поисков; они имеют свою подвижную биографию, они историчны. Гарантией

---

¹ Redfield R. Tepoztlán ... – P. 13–14.

² Blumer H. What is wrong with social theory? – P. 7–10.

того, что делаемые с их помощью обобщенные утверждения будут иметь силу, служит не только их соотнесение с наблюдениями, но и включение в исследовательскую процедуру постоянных сравнений. Сравнения – необходимая предпосылка движения к надежным универсальным утверждениям. В социологических исследованиях чикагцев сравнение как часть процедуры исследования было акцентировано по-разному: четче всего – у Э.Ч. Хьюза. Редфилд тоже требовал «с помощью этого метода сравнения по-разному затронутых [влиянием городской цивилизации] сообществ искать некоторое общее знание о природе общества и его изменений»¹. Для него использование сравнения для получения надежных обобщений было методологическим императивом. Он использовал в своей исследовательской практике как сравнения внутри одного ареала – синхронические (четыре сообщества Юкатана) и диахронические (деревня Чан Ком), – так и кросскультурные сравнения (сообщества Юкатана и Гватемалы).

В содержательном плане Редфилд показал на разных материалах, что под влиянием контактов с городской цивилизацией в «народных обществах», прежде организованных, гомогенных, сакральных и коллективистских, возрастают гетерогенность, дезорганизация, секуляризация и индивидуализация. Эти же процессы отмечались как ключевые параметры урбанизации и городских сред в городских исследованиях чикагских социологов. В этом отношении аналитическая схематика Редфилда и чикагских социологов была практически тождественной. В других отношениях можно говорить о взаимодополнительности антропологических исследований Редфилда и социологических исследований ученых Чикагского университета. Так, еще во время первых исследований в Текоцтлане Редфилд провел различие между *народом* (*folk*) и *демосом*. «Демос», под которым подразумевался простой люд городов, рассматривался как конечный продукт урбанизации «народа». Сам Редфилд не испытывал интереса к его изучению, хотя в наиболее урбанизированных из сообществ, которые он исследовал, этот объект присутствовал. Как отмечает Э.Ч. Хьюз, «чернь, *vulgus*, с ее комиксами, развлечениями, колонками светской хроники и мыльными операми, была совершенно ему чужда. У него не было желания изучать современную массовую культуру, массовый досуг и популярные искусства»². Этот пробел в картине урбанизации, рисуемой Редфил-

---

¹ Redfield R. The folk culture of Yucatan. – P. 342–343.

² Hughes E.C. Op. cit. – P. 257.

дом, хорошо восполняют социологические исследования его чикагских коллег: исследование «морального мира демоса» в книге Хелен Макгилл Хьюз «Новость и интересная история» (1940), исследования воздействия кино, комиксов и телевидения на массовые публики (Г. Блумер, Х.У. Зорбо, Ф.М. Трэшер, П.Г. Кресси).

В плане интегрирования исследований Редфилда в контекст чикагской традиции исключительно важен его подчеркнутый интерес к «процессу» и «изменению». Такой акцент в исследовательском интересе обнаруживается практически у всех ключевых фигур чикагской интеллектуальной истории XX в.: Дж. Г. Мида, А. Смолла, У.А. Томаса и Ф. Знанецкого, Р.Э. Парка, Л. Вирта, Э.Ч. Хьюза, Г. Блумера, Г.С. Беккера, А. Стросса. Надо вписать в этот ряд и Редфилда. Как отмечал С. Минц, «Редфилда интересует прежде всего определение процессов изменения *именно как изменения*¹. Так, в схеме «народного общества» почти все основные переменные процессуальны: «организация» и «дезорганизация», «индивидуализация», «секуляризация». Смысл этой схемы состоит не в разметке полярных типов как таковой. Для Редфилда это схема «становления городского»; и его «идеальные типы» – «не более чем якоря для его интерпретации процесса»².

Для России, превратившейся менее чем за столетие (и, видимо, продолжающей превращаться) из сельского общества в городское, схема «народного общества» Редфилда может быть интересна сегодня как дополнительный инструмент для анализа социальных и культурных процессов в обществе. Правильный тип ее использования означает не прямое наложение ее на действительность (это было бы глупо), а использование заключенной в ней конфигурации параметров как вспомогательной системы координат, обостряющей внимание к наблюдаемым различиям и позволяющей интерпретировать эти различия в более широкой временной рамке, чем большинство ныне практикуемых. Так, Редфилд пишет: «Новые работы и другие изменения в разделении труда приводят к тому, что люди не могут участвовать в старых ритуалах; и, переставая участвовать, они перестают разделять цен-

---

¹ Mintz S.W. On Redfield and Foster // American anthropologist. – 1954. – Vol. 56, N 1. – P. 87.

² Ibid. – P. 88, 87.

ности, которые стояли за этими ритуалами»¹. Мы видели в последние годы стремительные перемены в разделении труда в нашем обществе, видели исчезновение таких еще недавно важных для нас (сельских, или «народных» по характеру) ритуалов, как взаимные визиты и совместные чаепития, видели стремительное исчезновение общих пониманий и ценностей, еще недавно казавшихся само собой разумеющимися, слышали в избытке сетования по этому поводу. Редфилд позволяет своей схемой привести эти отдельные процессы в связь друг с другом, позволяет понять, в конце концов, что изменения, происходящие с нами, являются частью широкого исторического процесса и что по ряду ключевых параметров они те же самые, что и происходившие в юкатанских и гватемальских деревнях в 1930-е годы или в городе Чикаго того же времени. Эти процессы, разумеется, сложны и непрямолинейны. Так, Редфилд отмечает, что «народному обществу» в переходном состоянии свойственно смешение технических и магических действий². Внимательно оглядевшись по сторонам, можно увидеть, что наше повседневное существование насквозь пропитано такими смешениями, и, следовательно, магические (в научном смысле) практики современных россиян должны быть объектом внимательного изучения как один из существенных аспектов нынешнего российского общества, без которого портрет этого общества не может быть полным.

Разумеется, использование схемы Редфилда в сегодняшних условиях требует как более основательного ознакомления с ней, так и интенсивной исследовательской работы, в сочетании с которой оно только и может иметь смысл.

---

¹ Redfield R. The folk society // American journal of sociology. – 1947. – Vol. 52, N 4. – P. 308. (Рус. пер.: Редфилд Р. Народное общество // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10, вып. 5/6 (44/45). – С. 99–113.)

² Ibid. – P. 305.

Глава 8

УИЛЬЯМ ОГБОРН: СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАГА^{*}

Американского социолога Уильяма Огборна (1886–1959) в наши дни вспоминают не слишком часто. В каком-то смысле это можно считать невезением. В плеяде социальных мыслителей Чикагской школы он как бы «теряется» на фоне таких корифеев, как Дж.Г. Мид, Р. Парк, У. Томас, Г. Лассуэлл. Да и для «чикагцев» Огборн не вполне свой, поскольку кафедру в Чикагском университете он занял, будучи состоявшимся и успешным исследователем, чьи научные взгляды сформировались в рамках традиции другой научной школы. Немалые заслуги Огборна в развитии инновационных исследований оказываются в тени идей Й. Шумпетера. С точки зрения организации экспертной поддержки антикризисного управления успехи большого исследовательского коллектива под руководством Огборна кажутся не столь заметными на фоне деятельности рузвельтовского «мозгового треста», хотя именно возглавляемый Огборном мегапроект дал ценнейший эмпирический материал для разработки мероприятий Нового курса.

Тем не менее имя Уильяма Огборна прочно вошло в историю социальной рефлексии взаимодействия человека и техники и изучения социальных воздействий технического прогресса. Произошло это прежде всего благодаря гипотезе культурного лага¹, которая для своего времени стала важным продвижением в осмыс-

* Впервые опубликовано: Ефременко Д.В. Уильям Огборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // Философия науки и техники. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 58–71. В настоящем издании текст публикуется с небольшими сокращениями и редакционными изменениями.

¹ В русскоязычной литературе также используется термин «гипотеза культурного отставания».

лении той роли, которую играет техническая деятельность в эволюции общественных форм и отношений. Огборн сумел сформировать концептуальную рамку для дальнейших исследований науки, техники и инноваций, для политического консультирования относительно социальных эффектов изобретений и – шире – значимых сдвигов в сфере материальной культуры. Одним из показателей устойчивого влияния идей Огборна является и то, что термин «cultural lag» в англоязычном языковом обороте находит употребление за рамками строгого научного дискурса¹.

Основные вехи биографии

Уильям Филдинг Огборн

Остановимся вкратце на основных вехах жизненного пути и научной биографии создателя теории культурного лага. Уильям Филдинг Огборн родился 29 июня 1886 г. в городке Батлер в штате

---

¹ Volti R. Social change with respect to culture and original nature (review) // Technology and Culture. – 2004. – Vol. 45, N 2, April. – P. 403.

Джорджа, возникшем вокруг станции железной дороги между Мейконом и Коламбусом. Его отец – успешный торговец и плантатор – умер, когда Уильяму исполнилось лишь шесть лет; после смерти отца материальное положение семьи заметно ухудшилось, но тем не менее мать приложила все усилия, чтобы дать Уильяму и его младшему брату достойное образование. В 1905 г. он получил степень бакалавра в Университете Мерсера (Мейкон, Джорджа), а спустя год совершил поездку в Европу, значительно расширившую его кругозор. В 1909 г. Огборн окончил магистратуру Колумбийского университета; там же под руководством известного социолога Ф. Гиддингса подготовил и защитил (1912) докторскую диссертацию, посвященную статистическому анализу применения законодательства, регулирующего использование детского труда¹. В середине 1910-х годов Огборн преподавал социологию в колледже Рид (Портленд, Орегон) и в Университете штата Вашингтон в Сиэтле, а после вступления США в Первую мировую войну работал в Национальном совете по военному труду и Бюро трудовой статистики, что дало ему ценный практический опыт количественного анализа социальных процессов. В это время Огборн довольно сильно увлекался идеями К. Маркса и З. Фрейда, был горячим сторонником социальных реформ, улучшения условий жизни и труда рабочих и помощи безработным.

В 1919 г. Огборн вернулся в Колумбийский университет в качестве профессора социологии, приняв глубоко продуманное решение отказаться от политической активности и целиком посвятить свою жизнь научной деятельности и преподаванию. Его преподавательский стиль отличался тщательной подготовкой каждой лекции; в то же время Огборн всячески поощрял участие учеников в своих эмпирических исследованиях. Всегда вежливый и любезный в общении со студентами, он тем не менее не разставил многих из них в непростое положение на экзамене, задавая свой излюбленный вопрос: «А откуда Вы это знаете?»² Характерной особенностью сформировавшейся вокруг него плеяды исследователей была ориентация на широкое использование статистики и методов количественного анализа, стремление строго аргументировать выдвигаемые гипотезы убедительным набором эмпирических данных. В то же время именно

---

¹ Ogburn W.F. Progress and uniformity in child-labor legislation: A study in statistical measurement / Columbia University Studies in History, Economics, and Public Law. – New York : Columbia University Press, 1912. – N 121. – 219 p.

² Laslett B. Biography as historical sociology: The case of William Fielding Ogburn // Theory and Society. – 1991. – Vol. 20, N 4. – P. 523.

в Колумбийском университете Огборн подготовил свой главный труд по теоретической социологии – книгу «Социальное изменение».

В 1927 г. Огборн принял предложение занять вакансию профессора социологии в Чикагском университете. Это было непростое решение, поскольку нужно было приступить к работе внутри нового интеллектуального сообщества, которое в эпоху «ревущих двадцатых» прочно заняло лидирующие позиции в развитии социологии и политической науки. С «чикагцами» у Огборна были точки соприкосновения, прежде всего эмпирическая ориентация исследований. Вместе с тем интерес «чикагцев» к социальным ситуациям и персональному наблюдению был той методологической сферой исследовательской работы, к которой Огборн относился весьма сдержанно, третируя эти подходы как не вполне соответствующие критериям научной строгости. Его новые коллеги, в свою очередь, не были горячими поклонниками статистической социологии¹. В результате Огборн неоднократно вступал в дискуссии относительно исследовательской методологии с Э. Бёрджессом, Р. Парком, Г. Блумером и Л. Виртом. Однако дискуссии не перерастали в личностный конфликт (исключением были только отношения с Парком), и в конечном счете связанный с трудами Огборна прогресс в использовании статистических и количественных методов способствовал усилению лидирующих позиций Чикагского университета в социальных исследованиях.

В отличие от ведущих социальных мыслителей Чикагской школы Огборн придерживался более прямолинейного объективистского (неопозитивистского) подхода, считая идеалом научного исследования использование методов, применяемых естественными науками. Будучи избранным в 1929 г. президентом Американского социологического общества, Огборн в своем инаугурационном обращении оппонировал знаменитому одиннадцатому тезису К. Маркса о Фейербахе, решительно заявив, что социология как наука вовсе «не заинтересована» в улучшении мира. По его убеждению, у подлинной науки не может быть каких-либо иных целей, кроме производства новых знаний. Истинный ученый-социолог не должен претендовать на то, чтобы «направлять ход эволюции», его задача – генерировать достоверную информацию, которая будет востребована эффективным политическим руководством².

---

¹ Laslett B. Biography as historical sociology: The case of William Fielding Ogburn // Theory and Society. – 1991. – Vol. 20, N 4. – P. 517.

² Ogburn W.F. The folkways of a scientific sociology // Scientific Monthly. – 1930. – Vol. 30, N 4. – P. 300–306.

В то же время Огборн был в числе пионеров междисциплинарного диалога, привлекая к участию в своих проектах представителей различных наук. В подготовленном совместно с антропологом А. Гольденвейзером сборнике «Общественные науки и их взаимосвязи» (1927)¹ он продемонстрировал широкий диапазон новых возможностей, открывающихся в рамках сотрудничества социологов, философов, политологов, историков, правоведов, статистиков, психологов, биологов и даже представителей естественных наук, если при этом они придерживаются общих подходов в отношении базовых принципов научного исследования.

Звездным часом деятельности Огборна в качестве организатора экспертно-аналитической работы стало участие в созданном президентом Г. Гувером в 1929 г. Комитете по изучению социальных тенденций (President's Committee on Social Trends). Комитет, в состав которого вошли несколько ведущих социальных исследователей (У. Митчелл, Ч. Мерриам, Х. Одум и др.), должен был стать органом экспертной поддержки политики вновь избранного президента; его работа получила щедрую финансовую поддержку со стороны Фонда Рокфеллера. Однако разразившаяся в октябре 1929 г. Великая депрессия придала аналитической работе комитета экстраординарное значение. Основным продуктом деятельности комитета стал доклад «Текущие социальные тенденции»², подготовкой которого руководил Огборн. В проекте участвовали несколько сотен исследователей; объем материалов доклада превысил 1,6 тыс. страниц. По сути, «Текущие социальные тенденции» – это портрет общества и экономики США первых трех лет Великой депрессии, представленный в цифрах статистики и великим множестве разноплановых эмпирических данных. Хотя Огборн принимал непосредственное участие в написании лишь двух глав доклада (о технике и о семье), почти весь его текст следовал жестким установкам руководителя проекта на обеспечение абсолютной объективности и отказ от оценочных суждений, отражающих личное мнение автора соответствующего раздела. После выхода доклада эта его особенность, связанная с позицией Огборна, подверглась критике. Большинство рецензентов признавали исключительную информационную насыщенность «Текущих социальных тенденций», но при

¹ Ogburn W.F., Goldenweiser A.A. (eds.) *The social sciences and their interrelations*. – Boston : Houghton Mifflin, 1927. – 506 p.

² President's Research Committee on Social Trends. *Recent social trends in the United States*. – New York : McGraw-Hill, 1933. – Vol. 2. – xcv+xvi, 1568 p.

этом некоторые обращали внимание на сложность навигации в море статистических данных, а также на ограниченность сугубо эмпирического подхода. П.А. Сорокин, выступивший с наиболее резкой критикой доклада, считал, что радикальный сциентизм Огборна сослужил всему проекту очень плохую службу, а его трактовка культурных изменений – не более чем «разбавленная вариация марксистской философии»¹.

Вполне возможно, что стремление избежать конкретных политических рекомендаций в тексте «Текущих социальных тенденций» привело к тому, что основные фигуры гуверовского комитета не вошли в состав команды советников, готовившей ключевые мероприятия Нового курса². Тем не менее для администрации Ф.Д. Рузельта Огборн продолжал оказывать экспертные услуги, исследуя развитие новых технологий и те возможности, которые в связи с этим открываются для решения социальных проблем. Огборн также занимал ряд почетных постов в академических объединениях (в частности, председателя Консультативного комитета по переписям населения, президента Американской статистической ассоциации, вице-президента Американской ассоциации развития науки и др.), что подчеркивало его высокий авторитет в научном сообществе.

В 1930–1940-е годы проблематика техники, технологических инноваций и их социальных эффектов занимает все более значимое место в исследованиях Огборна. Позднее в своем дневнике он отметил, что в это время ему приходилось заниматься многими проблемами, что вело к внутреннему конфликту научных интересов. Однако главными взаимосвязанными темами, доставлявшими ему подлинное интеллектуальное наслаждение, были техника, социальные изменения и социальная эволюция³. В 1946 г. Огборн публикует фундаментальное исследование «Социальные эффекты авиации»⁴, в котором успешно реализует подход, позволяющий прогнозировать социальные последствия технических изобретений. По сути, это было пред-

---

¹ Sorokin P.A. Recent social trends: A criticism // Journal of Political Economy. – 1933. – Vol. 41, N 2. – P. 194–210.

² Bannister R.C. Sociology and scientism: The American quest for objectivity, 1880–1940. – Chapel Hill, NC : University of North Carolina Press, 1987. – 301 p.

³ Journals of William Fielding Ogburn. – 1952. – June 14. Ogburn Collection, Special Collections, Regenstein Library, University of Chicago (цит. по: Laslett B. Biography as historical sociology: The case of William Fielding Ogburn // Theory and Society. – 1991. – Vol. 20, N 4. – P. 529).

⁴ Ogburn W.F. The social effects of aviation. – Boston : Houghton Mifflin, 1946. – IX+755 p.

восхищение установок и методов будущего движения социальной оценки техники (Technology Assessment)¹. В 1949 г. под редакцией Огборна выходит коллективная монография «Техника и международные отношения»², выдержавшая более 20 изданий на трех языках. Ее авторы убедительно продемонстрировали, что новейшие технологии становятся фактором мировой политики, значение которого возрастает с каждым годом. Очевидным показателем признания заслуг Огборна в социальных исследованиях техники стало его избрание первым президентом Общества истории техники (1958).

В 1951 г. Огборн вышел на пенсию, завершив свою карьеру в Чикагском университете. Освободившись от регулярной преподавательской нагрузки и административных обязанностей, он получил возможность много путешествовать по миру, причем во время этих поездок он охотно принимал предложения о чтении циклов лекций (в частности, в университетах Калькутты и Дели, а также в Оксфорде). В последние годы жизни Огборн большую часть времени проводил во Флориде, где он приобрел дом в г. Таллахасси. Однако его пенсионные годы едва ли можно назвать безоблачными. В эпоху разгула маккартизма Огборн оказался в поле внимания ФБР, разделив тем самым участь многих представителей американской интеллектуальной и художественной элиты. Все началось с того, что в 1950 г., еще работая в Чикагском университете, он проводил социологический опрос, задачей которого было изучение изменений пространственного расположения объектов индустрии в крупных городских центрах. Неназванный представитель фирмы «Дюпон», получив опросный лист, заподозрил, что такая информация может быть использована «в интересах врагов Соединенных Штатов», и направил соответствующее обращение спецагенту ФБР в Чикаго. Машина заработала, начался сбор сведений о контактах и высказываниях Огборна. Ни высокий научный авторитет, ни либеральные политические взгляды, ни высокие связи в Вашингтоне и на Уолл-стрит не стали препятствием для расследования в отношении Огборна. Целостной картины при этом не складывалось: лояльность некоторых персон или групп, с которыми контактировал профессор Чикагского университета, в маккартистской оптике могла выглядеть сомнительно, отдельные

¹ Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. – Москва : Издательство МНЭПУ, 2002. – 188 с.

² Ogburn W.F., Norman Wait Harris Memorial Foundation (eds.). Technology and international relations. – Chicago : University of Chicago Press, 1949. – vii+201 p.

высказывания ученого (например, о последствиях изобретения атомного оружия) воспринимались как двусмысленные, те или иные мероприятия, где он выступал, не всегда казались безупречно патриотическими. Интерес функционеров ФБР также вызывали его многочисленные поездки за пределы США. Однако собрать достаточно материалов, чтобы вызвать подозреваемого в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, не удалось. В марте 1959 г. ФБР наконец пришло к выводу об отсутствии оснований для включения Огборна в число коммунистических агентов и направило уведомление об этом в Госдепартамент¹. Всего лишь несколько недель спустя, 27 апреля 1959 г., Огборн скончался в госпитале Таллахасси после экстренной операции.

Гипотеза культурного лага и социальные исследования техники

Как же мы можем сегодня оценивать вклад Огборна в социальную рефлексию техники? Очевидно, здесь нет однозначного ответа. Так, Р. Веструм полагал, что после К. Маркса и вплоть до исследований Огборна в этой рефлексии наблюдалась затяжная пауза². Связь гипотезы культурного лага с идеями К. Маркса (прежде всего о базисе и надстройке) сомнений не вызывает, на что в негативном контексте обращал внимание еще П.А. Сорокин. В то же время нет оснований игнорировать оригинальное осмысление феномена техники Э. Каппом, Т. Вебленом, Ч.Х. Кули, М. Моссом, М. Вебером, П.К. Энгельмайером, О. Шпенглером и другими мыслителями, чьи труды появились в интервале «между» Марксом и Огборном. Стоит также учесть, что в общих чертах подобная идея начала разрабатываться русским социологом Е. де Роберти, который в 1908 г. в своей монографии «Социология действия» писал о «законе отставания» (*la loi de retard*), имея в виду, что новое научно-техническое знание, как правило, встречает сопротивление

---

¹ Keen M.F. Stalking the sociological imagination: J. Edgar Hoover's FBI surveillance of American sociology. – Second printing edition. – Westport, CT ; London : Greenwood Press, 1999. – P. 55–67.

² Westrum R. Technologies & society: the shaping of people and things. – Belmont, CA : Wadsworth Publishing, 1991. – P. 50.

устоявшихся стереотипов и потому далеко не сразу отражается в наших философских и эстетических воззрениях¹.

Более существенно, однако, то, что книга «Социальное изменение», в четвертой части которой представлена гипотеза культурного лага, – это не только и даже не столько исследование по теме «техника и общество». Огборн предпринял исследование социальной эволюции и механизмов общественных трансформаций, и Маркс не был единственным и главным авторитетом, вдохновившим его на это исследование. Огборн целенаправленно опровергает биологические трактовки социальной эволюции, фокусируя внимание на человеческой культуре. Здесь, несомненно, сказалось влияние этнографов и антропологов, в частности Ф. Боаса, лекции которого Огборн посещал в Колумбийском университете². Даже на терминологическом уровне он в этой работе гораздо чаще использует понятие «материальная культура» и сравнительно редко – «техника/технология». Принципиальное значение для Огборна имеет доказанный этнографическими полевыми исследованиями факт, что все люди, включая и представителей примитивных обществ, в основном обладают одинаковыми физическими и интеллектуальными способностями. Соответственно, говорить о сколько-нибудь существенном влиянии на человечество на протяжении последнего тысячеletия факторов биологической эволюции нет достаточных оснований. Зато важнейшую роль на протяжении этого временного отрезка играют социальные революции, а механизмы трансформации культуры надо искать внутри нее самой.

Но поскольку «культура» – это зонтичное понятие, Огборн прибегает к важному различению материальной и адаптивной культуры. Ключевые движущие силы социальной эволюции – механические изобретения и научные открытия – приводят к аккумуляции и диффузии новых форм в сфере материальной культуры. Эти изменения происходят довольно быстро, тогда как нематериальная культура должна к ним адаптироваться, – процесс, занимающий определенное время. Возникает отставание, некоторый временной лаг. Накопление этих отставаний приводит к росту социальных проблем, связанных с трудностями адаптации. В XX в., с ускорением роста изобретений, фактор культурного лага стано-

¹ De Roberty E. Sociologie de l'action: la genèse sociale de la raison et les origines rationnelles de l'action. – Paris : Alcan, 1908. – P. 182–185.

² Del Sesto S. Technology and social change. William Fielding Ogburn Revisited // Technological forecasting and social change. – 1983. – Vol. 24, Issue 3. – P. 185.

вится критичным, усиливая такие проявления социальной дезорганизации и девиации, как отчуждение, психические заболевания, преступность и т.д. Позднее эта линия рассуждений была подхвачена Э. Тоффлером и развернута в концепции футурошока¹.

Дальнейшие уточнения концепции культурного лага

Следует остановиться на дальнейшем развитии и частичной коррекции Огборном положений, сформулированных в гипотезе культурного лага. Очевидно, что упрощенная трактовка гипотезы культурного лага ведет к утверждению о неизбежности дестабилизации социальной системы вследствие нарастающих диспропорций, обусловленных запаздывающей адаптацией нематериальной культуры к технологическим изменениям. Во вступительном обзоре основных научных результатов мегaproекта «Текущие социальные тенденции» Огборн фокусирует внимание на разнонаправленности и балансировке взаимосвязанных социальных тенденций, которые обеспечивают определенный уровень динамического равновесия внутри социальной системы².

Согласно Огборну, основной паттерн социальных изменений состоит в том, что научные открытия и технические изобретения стимулируют перемены в экономической организации и связанных с ней социальных привычках. Появление и рост фабрик, городов, корпораций и профсоюзов является ответом на технические достижения. Вслед за этим следуют эффекты второго порядка – институциональные изменения, затрагивающие семейные отношения, религию, образование и политическое управление. Дальнейшие изменения охватывают уже кодексы поведения и социально-философскую рефлексию. Таким образом, выстраивается определенная иерархия реакций и контроля на разных уровнях социальной системы³. Вместе с тем эта общая схема соблудается далеко не всегда. Сам Огборн обращал внимание на то, что изобретение нуждается в некотором изначальном спросе, иначе оно будет отклонено или его потенциал будет использован недостаточно эффективно. На продви-

¹ Тoffлер Э. Футурошок. – Санкт-Петербург : Лань, 1997. – 464 с.

² Ogburn W.F. Introduction // President's Research Committee on Social Trends. Recent social trends in the United States. – New York : McGraw-Hill, 1933. – Р. XIII.

³ См.: Appelbaum R.P. Theories of social change. – Chicago : Markham, 1970. – Р. XII–XIV.

жение изобретений могут отрицательно влиять такие факторы, как технические недостатки, отсутствие заменителей, высокие производственные издержки, неприятие со стороны государственной власти (например, из-за опасений роста безработицы), корыстные интересы, заставляющие пренебречь полезными эффектами, негативное отношение общественного мнения и т.д.¹ Однако часть этих факторов относится к сфере нематериальной (адаптивной) культуры, и, таким образом, в соответствующем сегменте социальных изменений именно они могут оказывать значимое или даже решающее воздействие на появление (либо непоявление) новых форм материальной культуры.

В конце 1930-х годов Огборн внес дополнительные уточнения в свою концепцию, введя понятия первичных и вторичных (деривативных) воздействий. Первое понятие он иллюстрирует следующим образом: «Если это производственный товар, такой как сельскохозяйственный трактор, это означает одновременно замену лошадей или мулов, покупку бензина и изменение других сельскохозяйственных практик. Если это потребительский товар, такой как домашний кондиционер, это влияет на строительство и использование дома, но, конечно, его партии должны быть изготовлены и, следовательно, для этой цели должны быть созданы фабрики, сбытовые цепочки и т.д.»²

Деривативные эффекты порождаются первичными воздействиями, причем за одним эффектом может выстраиваться целая цепочка последующих, хотя сила их воздействия на общество будет постепенно ослабевать. В приводимом Огборном примере с трактором вторичный эффект состоит в том, что отказ от использования фермером лошадей или мулов влечет за собой исчезновение необходимости иметь для них кормовую базу и, следовательно, освобождение земельных участков, которые можно использовать в иных целях.

Следует отметить, что в своих работах Огборн практически никогда не использовал термин «инновация». Возможно, благодаря своеобразному языку и методологии его вклад продолжают игнорировать представители мейнстрима экономической науки, и в частно-

---

¹ Ogburn W.F. Introduction // President's Research Committee on Social Trends. Recent social trends in the United States. – New York : McGraw-Hill, 1933. – P. 7.

² National Resources Committee. Technological trends and national policy, including the social implications of new inventions. – Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1937. – P. 9.

сти инновационных исследований¹. Однако углубляя свою аргументацию о социальных последствиях изобретений, Огборн фактически исследует инновационные процессы. Он обращается к истокам и условиям изобретательской деятельности, опровергая мнение о том, что технический прогресс является эксклюзивным продуктом творчества изобретательского гения. По его словам, «роль техники в истории затуманена увлеченностю героями (...). Нам нравится, чтобы наша история была связана с подвигами великих людей»². Исследователь показывает, что наличие необходимой «культурной базы» более важно для прогресса технологий, чем вдохновение и усилия отдельных изобретателей. В статье «Неизбежны ли изобретения? Заметки о социальной эволюции» (1922), написанной в соавторстве с Д. Томас, Огборн приводит 148 примеров одновременных или почти одновременных изобретений³, аргументируя тезис о детерминированности изобретательской активности культурными паттернами. В то же время различия в скорости распространения изобретений он объясняет вариациями культурной среды, а также рассматривает некоторые политические и психологические барьеры на пути распространения потенциально полезных изобретений.

Само изобретение Огборн характеризует как процесс, проходящий через несколько стадий. Перечень этих стадий он несколько раз уточнял на протяжении 1930–1940-х годов; в наиболее поздней версии стадиальность изобретения, ориентированного на коммерческое использование, выглядит так: идея → план → материальная форма → усовершенствования → производство → маркетинг → продажи⁴.

За изобретением Огборн видит цепочку трансформирующих воздействий, утверждая, что «изобретение есть доказательство изменения» в обществе⁵. Он, в частности, пишет о дисперсии первичных воздействий изобретений на самые разные социальные структуры и

---

¹ Godin B. Innovation without the word: William F. Ogburn's contribution to the study of technological innovation // Minerva. – 2010. – Vol. 48, N 3. – P. 279.

² Ogburn W.F. Machines and tomorrow's world. – Washington : National Resources Committee, 1938. – P. 2.

³ Ogburn W.F., Thomas D.S. Are inventions inevitable? A note on social evolution // Political Science Quarterly. – 1922. – Vol. 37, N 1. – P. 83–98.

⁴ Ogburn W.F. National policy and technology // McKee Rosen S., Rosen L. (eds.) Technology and society: Influence of machines in the United States. – New York : Macmillan, 1941. – P. 4.

⁵ Ogburn W.F., Nimkoff M.F. Sociology. – Cambridge, MA : Riverside Press, 1940. – P. 815.

обычай. Так, социальные эффекты изобретения радио проявились не менее чем в 150 различных областях, оказав влияние на такие сферы, как образование, бизнес, досуг, занятость, промышленность, транспорт, распространение информации, религия, управление, политика и др.¹ Что касается деривативных социальных эффектов изобретений, то здесь важен аспект преемственности и адаптации, воздействие на многие процессы и институты с эффектом рассеяния по мере прохождения через социальную структуру вплоть до того, что на определенном этапе эффекты становятся почти неразличимыми. Вторичные эффекты технических изобретений постепенно буферизируются и поглощаются разными элементами (но не каким-то одним элементом) социальной структуры². Огборн также обращает внимание на феномен конвергенции нескольких изобретений, накопленное воздействие которых может создавать первичный социальный эффект. Так, в частности, снижение рождаемости может рассматриваться в качестве совокупного результата более широкого использования фабричных машин, автомобилей, противозачаточных средств, реализации требований обязательного образования, законов о детском труде, других технических и социальных инноваций³.

Оценки вклада Огборна с позиций философии и социологии техники

Гипотеза культурного лага достаточно долго была предметом критического обсуждения. Одно из основных направлений критики состояло в трактовке данной гипотезы как манифестации технического детерминизма и попытки вернуть в научный оборот концепт прогресса через «заднюю дверь»⁴. Строго говоря, технический детерминизм едва ли можно рассматривать как научный «криминал». Важна та «добавленная стоимость», которую сторон-

---

¹ Ogburn W.F., Nimkoff M.F. Sociology. – Cambridge, MA : Riverside Press, 1940. – P. 678–701.

² Del Sesto S. Technology and social change. William Fielding Ogburn revisited // Technological Forecasting and Social Change. – 1983. – Vol. 24, Issue 3. – P. 187.

³ Ogburn W.F., Nimkoff M.F. Sociology. – Cambridge, MA : Riverside Press, 1940. – P. 678–703.

⁴ Woodard J.W. Critical notes on the culture lag concept // Social Forces. – 1933. – Vol. 12, N 3. – P. 390.

ник технического детерминизма сумел привнести в развитие одной или нескольких научных дисциплин. Огборн фокусирует внимание на технической реальности, но он не абсолютизирует ее воздействие и не отрицает наличие других источников социальных изменений. Кроме того, рассмотрение Огборном связи техники и адаптивной культуры не является линейным и упрощенным. Он анализирует сложные системные взаимодействия, показывая, что влияние техники на нематериальную культуру, как правило, опосредовано институтами и другими социальными структурами, частично нивелирующими первичные воздействия технических изобретений.

Не слишком скрываемый оптимизм Огборна в отношении преобразующей роли науки и техники, которые «работают» на благо человечества, не был принят Л. Мэмфордом, настаивавшим, что способность общества пойти в направлении изменений, «противоположном машине», чрезвычайно важна, если «машина» в конечном счете ведет к социальной деградации и коллапсу¹.

Еще одна из линий критики гипотезы культурного лага состояла в том, что разделение культуры на материальную и адаптивную весьма условно и мало что дает для понимания внутренней природы социокультурных трансформаций. Нечеткость определений ведет к тому, что, например, в состав материальной культуры можно включить множество феноменов: науку, технику, технологию, изобретения, природные ресурсы, транспорт, производство и т.д. Кроме того, материальная культура слишком связана с адаптивной культурой, поскольку любое техническое устройство представляет собой совокупность знаний об этом устройстве и как таковое часто обусловлено общим состоянием науки в соответствующей и смежных областях². В радикальной версии такой критики материальная и адаптивная культуры – не более чем два мыслительных конструкта, изобретенные для облегчения социологического анализа, подобно тому как аналогичными конструктами, облегчающими постижение физической реальности, выступают элементарные частицы³. И если идти по этому пути, то, подобно описанию все новых

---

¹ Mumford L. *Technics and civilization*. – New York : Harcourt, Brace and Company, 1934. – P. 316–317.

² Sorokin P.A. *Contemporary sociological theories*. – New York : Harper and Row, 1928. – P. 305–306.

³ Choukas M. The concept of cultural lag re-examined // *American Sociological Review*. – 1936. – Vol. 5, N 1. – P. 752–760.

элементарных частиц, вполне возможны более детальные и дробные описания культурных форм и процессов.

Н. Смелзер считал гипотезу культурного лага упрощенной, а сам описанный Огборном феномен рассматривал как характерный для современной эпохи (о пространственно-временных границах современности в этом случае можно дискутировать, но чаще всего речь идет о западной цивилизации Нового времени¹, или, если использовать терминологию В.С. Степина, о техногенной цивилизации²), но недостаточно валидный для ранних обществ и примитивных культур. Смелзер также отмечал, что Огборн придает слишком большое значение сопротивлению переменам со стороны адаптивной культуры и слишком малое – сопротивлению материальной культуры, когда, например, продвижению новой технологии препятствуют группы, заинтересованные в сохранении экономического уклада, основанного на устаревшей технологии³.

Свой вклад в критику идеи культурного лага внесла и немецкий социолог Н. Дегеле. По ее мнению, слабыми сторонами гипотезы Огборна являются попытка рассматривать в едином масштабе принципиально разноплановые явления; невозможность четко определить момент времени, когда общество «принимает» новую технологию; иерархичность оценок, ставящая технические изменения «выше», чем адаптивную (нематериальную) культуру, для которой чаще всего требуется корректировка или приспособление к изменениям материальной культуры⁴.

И все же, несмотря на серьезные изъяны, гипотезу культурного лага нельзя низвести до уровня простого эпизода в истории социальной рефлексии техники. Прежде всего сам Огборн неустанно продвигался вперед, разрабатывая, уточняя и детализируя сформулированные в «Социальном изменении» идеи, испытывая их валидность на новом эмпирическом материале. Выстраивая на фундаменте гипотезы культурного лага здание комплексного исследования взаимодействий техники и общества, Огборн сумел придать импульс развитию нескольких научных дисциплин и разработать методологию прогнозирования социальных эффектов но-

¹ См.: Schneider J. Cultural lag: What is it? // American Sociological Review. – 1945. – Vol. 10, N 6. – P. 786–791.

² Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

³ Смелзер Н. Социология : пер. с англ. – Москва : Феникс, 1998. – С. 620.

⁴ Degel N. Einführung in die Techniksoziologie. – München : Fink, 2002. – 224 S.

вых технологий. Можно сказать, что, изучая факторы, условия, механизмы продвижения и разноуровневые последствия изобретательской деятельности, Огборн заметно приблизился и к системному подходу. И – вновь вспомним об этом – не оперируя термином «инновация», Огборн проторил путь для инновационных исследований второй половины XX – начала XXI в.

Часть II.

ЧИКАГСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Глава 9

В ПОИСКАХ «НОВОЙ НАУКИ О ПОЛИТИКЕ» (ЧАРЛЬЗ МЕРРИАМ)*

Известный американский политолог Дэвид Истон, чья научная карьера началась в Гарварде и достигла расцвета в Чикагском университете, так сравнивал две *alma mater*: «Мое впечатление об их различиях побуждало уподобить Гарвард широкому, медленному, извилистому потоку большой мощи, достигнутой не за счет силы течения, а только благодаря своей ширине и расстоянию, которое он преодолел, тогда как Чикаго казался рекой Тибр – стремительной, бурлящей, увлекающей, полной приключений и кипящей идеями... Несомненно, первые пять или десять лет в Чикаго были одним из самых захватывающих интеллектуальных периодов в моей жизни. Это было просто огромное интеллектуальное наслаждение. Я познакомился с совершенно новым диапазоном не просто идей, но фундаментальных гипотез, и мог сопоставить их с теми, которыми неосознанно проникся в интеллектуальной атмосфере Гарварда. Наиболее захватывающим в Чикаго было многообразие самых различных, если не сталкивающихся друг с другом гипотез, которые постоянно подвергались рассмотрению. И огромное внимание уделялось не только содержанию этих идей, но процедурам и способам, использовавшимся для их получения, или, проще говоря, методам»¹.

---

* Впервые опубликовано: Ефременко Д.В. Столетие манифеста научной политологии Чарльза Мерриами // Полития. – 2021. – № 1(100). – С. 170–182. В настоящем издании текст публикуется с небольшими сокращениями и редакционными изменениями, а также некоторыми дополнениями.

¹ Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.) Political science in America: Oral histories of a discipline. – Lexington: The University Press of Kentucky, 1991. – P. 200.

Истон начал работать в Чикагском университете в 1947 г., в момент смены поколений политологической школы, когда по разным причинам лидер и ключевые фигуры первого поколения покинули университет или отошли от активной работы. Истону даже «достался» кабинет Чарльза Мерриами – человека, который, собственно, и создал Чикагскую школу политических исследований.

За четверть века до прихода Истона Мерриам сформулировал принципиально новую программу¹, которая фактически была программой становления «новой науки о политике» не только в Чикагском университете, но и во всей Америке. Ее суть состояла в развороте социальных исследователей к изучению политического поведения, междисциплинарности и широкому внедрению эмпирических методов. Это была весьма амбициозная декларация целей и задач трансформации политических исследований, особенно если принять во внимание, что в 1920-е годы Соединенные Штаты были еще далеки от лидерства в этой области знания. Но, как и во многих других областях, американцы действовали уверенно, с осознанием своего мощного потенциала и готовностью преодолевать барьеры, возникавшие на пути социального познания.

Благодаря выдающемуся научному и организационному таланту Мерриами появилась и получила признание Чикагская школа политических исследований. Сам Мерриам², его лучшие ученики и молодые коллеги – Гарольд Госнелл, Гарольд Ласссуэлл, Леонард Уайт – в 1920–1930-е годы совершили настоящий прорыв в политическом познании, реализуя не только саму программу «новой науки о политике», но и постоянно расширяя тематический диапазон исследований.

---

¹ Мерриам Ч.Э. Современное состояние изучения политики // Полития, 2021. – № 1 (100). – С. 183–192.

² В научной литературе на русском языке Мерриаму и его вкладу в политическую науку до сих пор уделено недостаточно внимания. Отметим прежде всего кандидатскую диссертацию Л.Е. Филипповой «Концепция политической власти Ч.Э. Мерриами» (Москва, 2006), а также работы Т.Н. Самсоновой (в частности: Самсонова Т.Н. Ч. Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. – 1996. – №5. – С. 154–162.). Более полный обзор отечественных работ, посвященных истории американской политической науки, в которых в той или иной степени анализируется научное наследие Мерриами, представлен в диссертации Л.Е. Филипповой.

Краткий биографический очерк

Чарльз Эдвард Мерриам

Чарльз Эдвард Мерриам родился 15 ноября 1874 г. в крошечном городке Хопкинтон в штате Айова в семье почтового служащего и школьной учительницы. Отец мечтал, чтобы Чарльз стал юристом, однако, начав обучение в Школе права Университета Айовы, тот быстро разочаровался в юриспруденции и сделал выбор в пользу новой для того времени дисциплины – политической науки. В то же время он на всю жизнь сохранил интерес к естественным наукам, в чем, по всей видимости, сказалось влияние его старшего брата Джона, впоследствии – известного палеонтолога. Поступив в 1897 г. в Колумбийский университет, Чарльз Мерриам испытал сильное влияние таких профессоров, как Уильям Даннинг, Джон Бёрджесс, Эдвин Селигмен, Джеймс Робинсон, что позволило ему в полной мере овладеть историческим и сравнительным методом изучения политических феноменов. Но хотя на рубеже XIX и XX вв. именно Колумбийский университет занимал лидирующие позиции в области политических исследований, Мерриам, защитив в 1900 г. докторскую диссертацию, посвященную исторической эволюции идеи суверенитета¹, решил продолжить научную и преподавательскую карьеру в Чикаго. По всей видимости, решение это было продиктовано не только финансовыми соображениями, но и возможностью быстрее выйти из тени колумбийских корифеев, к которым (особенно к Даннингу) Мерриам относился с искренним почтением. Известность в профессиональном сообществе Мерриаму принесла книга «История американских политических теорий»², опубликованная в 1903 г. Эта монография может рассматриваться как первое обстоятельное исследование американской политической мысли³, в котором была предпринята попытка ее периодизации и классификации. Мерриам впервые на систематической основе стал анализировать высказывания американских общественных и политических деятелей колониального периода, эпохи борьбы за независимость и первой половины XIX в. с точки зрения их вклада в развитие политической теории.

---

¹ Merriam C.E. History of the theory of sovereignty since Rousseau. – New York : Columbia University Press, 1900. – 233 p.

² Merriam C.E. A history of American political theories. – New York ; London : Macmillan., 1903. – 394 p.

³ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 12.

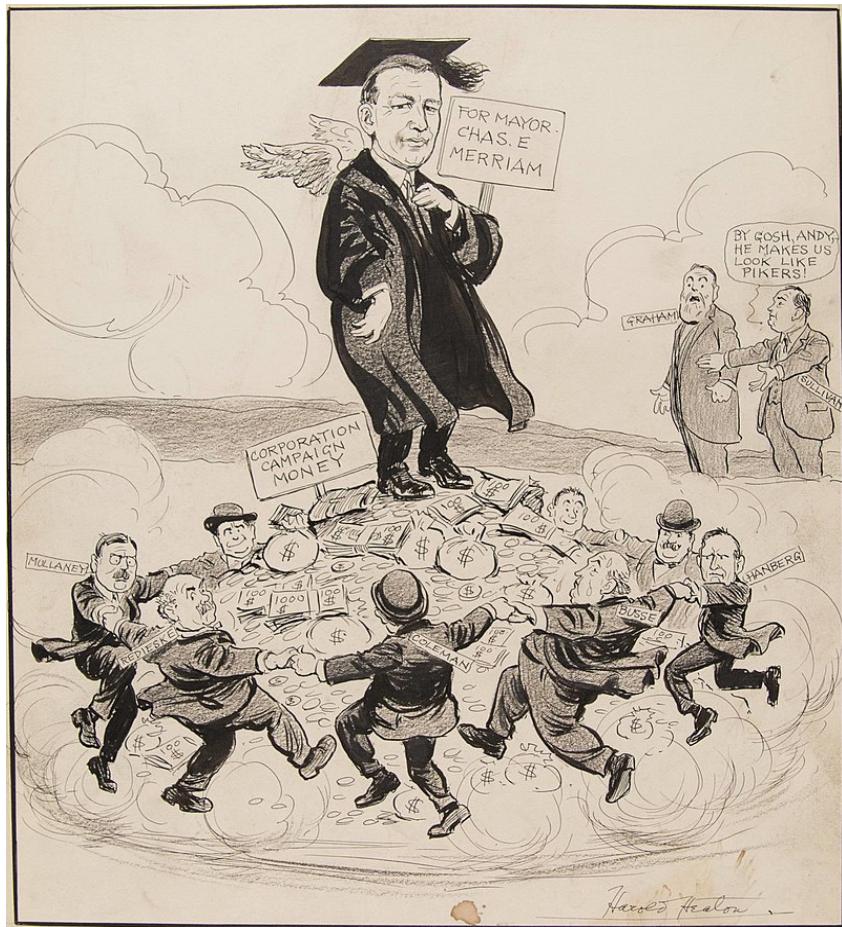
Успешно начав университетскую карьеру, Мерриам одновременно принимал все более активное участие в политической жизни Чикаго. Поначалу он сотрудничал с городскими властями в качестве эксперта; его вклад в разработку проблем городского планирования, коммунальных услуг, предпринимательства, землепользования, водного транспорта получил признание в крупнейшем индустриальном центре американского Среднего Запада. Вместе с тем Мерриам смог на деле познакомиться и с пороками местной политики, включая практики незаконного обогащения за счет муниципальных подрядов и прямую коррупцию. В 1909 г. он был избран в городской совет Чикаго. Работая в его составе, он инициировал учреждение комиссии по городским расходам, которую сам и возглавил. Под его руководством комиссия стала эффективным инструментом разоблачения многочисленных фактов мошенничества при закупках. Как известно, борьба с коррупцией была одной из основных установок прогрессивизма – мощного движения, охватившего в конце XIX – начале XX в. широкие слои американского общества, прежде всего средний класс, а также обе ведущие партии¹.

Сторонники прогрессивистского движения видели в государственных институтах орудия социальных изменений, подготовленных развитием науки, техники и промышленности. На этой волне Мерриам в 1911 г. впервые принял участие в выборах мэра Чикаго, баллотируясь от республиканцев. Выборы он проиграл, лишь немного уступив сопернику от Демократической партии (не увенчались успехом и две последующие его попытки добиться избрания на этот пост). Руководителем его избирательной кампании был Г. Икес, впоследствии ставший одним из ближайших соратников Ф.Д. Рузвельта и министром внутренних дел в его администрации.

Вскоре после выборов 1911 г. Мерриам поддержал инициированный Т. Рузвельтом раскол в Республиканской партии и создание Прогрессивной партии, чей выход на американскую политическую сцену едва не привел к краху двухпартийной системы. Однако в самой Прогрессивной партии Мерриам не проявлял особой активности. До вступления США в Первую мировую войну он воздерживался и от сотрудничества с федеральным правительством, отклоняя предложения У. Тафта и В. Вильсона о работе в экспертных совещательных органах, создававшихся администрациями этих президентов.

---

¹ Buenker J.D., Boosham J.C., Crunden R.M. Progressivism. – Cambridge, Mass. : Schenkman, 1986. – 152 p.

Карикатура на избирательную кампанию
Чарльза Мерриама (1910)

Неудачи на политическом поприще не отразились на академической карьере Мерриама. В 1911 г. он получил звание полного профессора и фактически стал ключевой фигурой факультета политической науки. Однако формальное руководство департаментом сохранял за собой Г.П. Джадсон, ставший после смерти Харпера в 1906 г. вторым президентом Чикагского университета. Фактически Джадсон был погружен в дела управления университетом; на факультетском уровне он не был склонен поддерживать

инициативы Мерриама, который все еще сохранял политические амбиции и неоднократно ради них надолго отвлекался от преподавательской и исследовательской работы.

После вступления Америки в мировую войну Мерриам в звании капитана был зачислен в состав корпуса связи армии США. Оставаясь в Чикаго, он занимался вопросами подготовки военных летчиков и принимал участие в информационном и пропагандистском обеспечении военной кампании, для координации которого администрация Вудро Вильсона создала независимое агентство – Комитет общественной информации (известный также как Комитет Крила). Весной 1918 г. Мерриам принял предложение возглавить представительство комитета в Риме, где развернул бурную деятельность. Прилагая максимум усилий, чтобы добиться поддержки боевых действий со стороны итальянского общественного мнения и основных политических сил (по некоторым данным, он даже использовал средства Фонда Рокфеллера для стимулирования провоенных выступлений Бенито Муссолини¹), Мерриам мало заботился о согласовании своих действий с американской дипломатической миссией. Итогом стал конфликт с посольством и Государственным департаментом, завершившийся отзывом Мерриама из Рима в сентябре 1918 г.

Возвращение в Чикаго сопровождалось новыми неудачами на поприще практической политики. Однако известность Мерриама в качестве политика и общественного активиста начала способствовать тому, что многие его идеи (особенно после отставки Джадсона в 1923 г.) получили поддержку руководства и спонсоров Чикагского университета. Как отмечал биограф Мерриама Барри Карл, «его карьера стала примером нового pragmatичного голоса академии, говорящего не только об историческом понимании политической структуры, но и об открытии полезных методов улучшения политической деятельности»².

Насколько можно судить, с 1923 г. Мерриам добился максимально широкой свободы рук в организации исследований и преподавания, какой не обладали деканы других факультетов. Его лидерство стало неоспоримым; коллеги и сотрудники факультета уважительно называли его «шефом». Мерриам стремился к достижению

---

¹ Costigliola F. Awkward dominion: American political, economic, and cultural relations with Europe, 1919–1933. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1984. – P. 94.

² Karl B.D. Charles E. Merriam and the study of politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 129.

нию нового качества политических исследований и преподавания дисциплины, к выходу ее за рамки сугубо теоретической рефлексии и превращению в практическую науку, позволяющую повысить эффективность функционирования демократических институтов. В результате в 1920-е и 1930-е годы пальма первенства в американской политологии перешла к Чикагскому университету. Лучшие выпускники департамента политической науки составили когорту исследователей, осуществивших, по образному выражению Гэбриела Алмонда, «чикашскую революцию» в американской политологии¹. В их числе – Гарольд Госнелл, Гарольд Лассуэлл, Леонард Уайт². Весьма показательно, что в отношении своих учеников старшего поколения Мерриам добился отмены запрета на «академический инбридинг» – правила, согласно которому выпускники какого-либо университета, избравшие по его окончании научную и преподавательскую карьеру, должны продолжить ее в другом университете.

Сочетание Мерриамом организационных усилий и педагогической активности дало свои плоды, о которых образно писал Алманд: «У Мерриами были навыки, обаяние и формы пассивной агрессии, которые позволяли ему лепить профессионалов в области статистики, психоанализа и социальной психологии из неуклюжих аспирантов, набранных из детей провинциальных священников, мелких розничных торговцев и иммигрантов из Восточной Европы»³. В результате в момент провозглашения новой программы исследований и преподавания политической науки Мерриам уже знал, на кого он сможет опереться в ближайшие годы.

Публикация в 1921 г. статьи «Современное состояние изучения политики» стала резонансным событием и в общем социально-политическом контексте того времени, и в плане определения

---

¹ Алmond G.A. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. (ред.). – Москва : Вече, 1999. – С. 86.

² Зачастую в число представителей первого поколения Чикагской школы политической мысли включают и Квинси Райта (1890–1970). Однако, как представляется, для этого больше формальных оснований, чем содержательных. Райт был профессором Чикагского университета и долго работал под руководством Мерриами. Но основной сферой его научных интересов были международное право и мировая политика. Его, как и пришедшего на факультет в начале 1940-х годов Ганса Моргентау, уместно рассматривать в качестве отдельных выдающихся исследователей, стоявших у истоков вполне автономного направления изучения международных отношений в Чикагском университете.

³ Almond G.A. Who lost the Chicago school of political science? // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

основных принципов и направлений будущих исследований возглавляемой Мерриамом научной школы. Программные установки этой статьи – своеобразная лебединая песня эры прогрессивизма, которую в 1921 г. уже сменила консервативная волна во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов. Предлагая новую повестку политических исследований, Мерриам видел свою миссию в обновлении дисциплины в соответствии с прогрессистскими идеалами, подобном тому, которое Джон Дьюи осуществил в философии и педагогике. Парадоксальность положения Мерриами в начале 1920-х годов, как полагает его биограф, заключалась в том, что, приближаясь к вершине своей профессиональной карьеры, он испытывал глубокую фрустрацию как политик¹. Многократная неудача попыток быть избранным на пост мэра Чикаго означала крушение надежд на еще более яркое политическое будущее, примером которого служил Вудро Вильсон. Невозможность полностью реализовать свой потенциал в практической политике стимулировала его к тому, чтобы осуществить преобразования в науке о политике и ее преподавании.

Ставя такие амбициозные задачи, Мерриам, по его собственному признанию, ощущал сильную неудовлетворенность доминирующими методами политического анализа². Обновление методического инструментария (включая широкое заимствование методов естественных наук, особенно биологии), продуктивное взаимодействие с другими отраслями знания и общая переориентация на систематическую экспертную поддержку государственного управления должны были обеспечить превращение политологии в подлинно научную дисциплину.

Программа Мерриами способствовала новому осмыслению критериев научности политического знания, которые сегодня, разумеется, во многом отличаются от идеала столетней давности. Мерриам и его молодые коллеги энергично приступили к реализации этой программы, продвигаясь сразу в нескольких направлениях. В сотрудничестве с Г. Госнеллом Мерриам дал старт широкому применению эмпирических и статистических методов исследования электорального поведения³. Опросы проводили студенты-

---

¹ Karl B.D. Charles E. Merriam and the study of politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 154.

² Merriam C.E. The education of Charles E. Merriam // White L.D.(ed.) The future of government in the United States. – Chicago : University of Chicago Press, 1942. – P. 9.

³ Merriam C.E., Gosnell H.F. The American party system: An introduction to the study of political parties in the United States. – New York : Macmillan, 1922. – vii, 530 p.

старшекурсники. Использовалось контрольное квотирование, позволившее при анализе установок избирателей учесть их демографические характеристики. В фокусе исследования 1924 г. были причины отказа избирателей от участия в голосовании¹. Наряду с содержательными выводами, особую ценность этой работе придавала подробная экспликация методологии и техники опросов избирателей, проведение которых стало неотъемлемой частью процесса выборов на федеральном уровне лишь со второй половины 1930-х годов. Мерриам и Госнелл опирались на данные опросов чиновников и активистов избирательных кампаний, а также сведения из материалов избирательной комиссии, касающиеся пола, возраста, продолжительности проживания и гражданства (страницы происхождения) 5 тыс. избирателей. Вслед за этим было проведено 6 тыс. (!) интервью с неголосовавшими, отобранными методом случайной выборки. Интервью проводили студенты-старшекурсники. Тем самым реализовывалась установка на активное вовлечение студентов в исследовательскую практику. Данные интервью фиксировались на перфокартах Холлерита и затем обрабатывались при помощи считывающего устройства, позаимствованного из офиса городского контролера². Стоит отметить, что работа с перфокартами открывала путь к использованию в социальных науках более совершенных систем автоматизированной обработки информации.

Мерриам предопределил выбор темы диссертационного исследования и наиболее известного представителя Чикагской школы – Гарольда Лассуэлла. Диссертация была посвящена изучению методов военной и политической пропаганды, т.е. той самой деятельности, которой занимался Мерриам в ходе своей яркой, но непродолжительной миссии в Риме. Работая над «Техникой пропаганды в мировой войне»³, Лассуэлл фактически реализовал еще одну установку Мерриами – использование в целях политического анализа возможностей других дисциплин, прежде всего социальной психологии. «Техника пропаганды» с полным основанием может претендовать на первое место в рейтинге трудов, раскрывающих сущность и основные механизмы целенаправленного воздействия на сознание и эмоции массо-

¹ Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-voting: Causes and methods of control. – Chicago : University of Chicago Press, 1924. – 287 p.

² Karl B.D. Charles E. Merriam and the study of politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 286.

³ Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне : перевод с англ. / РАН, ИИОН ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва, 2021. – 237 с.

вой аудитории. В следующей монографии Лассуэлла¹ рассматривалась взаимосвязь психологии и психопатологии с политическим поведением.

Мерриама нередко называют «отцом бихевиористского движения» в политической науке², хотя его собственные труды в рамках этого подхода (в первую очередь работа 1931 г. о гражданском воспитании, где он сочувственно отзывался о соответствующем опыте фашистской Италии и коммунистического СССР, одновременно критикуя политические режимы этих стран за их репрессивный характер³) теряются на фоне более глубоких и всесторонних исследований того же Лассуэлла. Новаторские эмпирические методы, к широкому применению которых призывал Мерриам, систематически использовались главным образом его учениками и последователями, тогда как сам он оставался генералистом старой формации (что, впрочем, благоприятствовало успешному развитию Чикагской школы⁴). Однако именно Мерриам дал толчок развороту американского политологического сообщества к изучению политического поведения, междисциплинарности и внедрению эмпирических методов. Помимо оригинального научного вклада и даже в большей мере, чем сам этот вклад, успеху его инициативы способствовали систематическая организационная и педагогическая работа, а также неустанная пропаганда новых подходов среди американских исследователей политики. Именно им была адресована книга «Новые аспекты политики»⁵, включавшая переработанные и дополненные версии статей и выступлений Мерриами 1920–1924 гг. и представлявшая собой своего рода проспект обновленной науки о политике и государстве. Несомненным свидетельством высокого признания программы Мерриами стало избрание его в 1924 г. президентом Американской ассоциации политической науки (APSA). Правда, в APSA у Мерриами было немало оппонен-

---

¹ Lasswell H.D. Psychopathology and politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1930. – vii, 285 p.

² Karl B.D., Charles E. Merriam and the study of politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. VIII.

³ Merriam C.E. The Making of citizens: A comparative study of methods of civic training. – Chicago : University of Chicago Press, 1931. – 371 p.

⁴ Wilde J.H. de. Saved from Oblivion: Interdependence theory in the first half of the 20th century. A study on the causality between war and complex interdependence. – Aldershot : Dartmouth Publishing Company, 1991. – P. 145.

⁵ Merriam C.E. New aspects of politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1925. – xvi, 253 p.

тов; к их числу относился, в частности, его непосредственный преемник на посту президента ассоциации Чарльз Бирд, придерживавшийся антисcientistских установок.

В 1923 г. по инициативе возглавляемого Мерриамом исследовательского комитета APSA был учрежден Исследовательский совет по общественным наукам (Social Science Research Council/SSRC) – базирующаяся в США независимая международная организация, ориентированная на поддержку научных проектов в различных отраслях знания об обществе и аккумулирующая в этих целях средства, предоставляемые частными благотворительными фондами. Тем самым Мерриам не только добивался признания своей программы, но и получал доступ к действенным механизмам влияния на организацию и финансирование исследований.

В середине 1920-х годов в развитие идей «Современного состояния изучения политики» и «Новых аспектов политики» Мерриам выступил с проектом создания на базе Чикагского университета новой суперструктуры, призванной обеспечить прямую связь науки, образования и государственного управления путем переориентации социальных исследований на нужды практической политики. Школа политики (так чаще всего называл эту суперструктуру сам Мерриам), объединяющая ряд факультетов и департаментов, а также исследовательские подразделения и фонды, должна была стать центром экспертной поддержки политических решений и вместе с тем школой подготовки кадров для государственной службы¹. Насколько можно судить, эта амбициозная инициатива была вполне просчитана с точки зрения перспектив фандрайзинга. Однако поддержка со стороны университетского руководства оказалась недостаточной, а с приходом в 1929 г. на пост президента Чикагского университета Роберта Хатчинаса и вовсе сошла на нет.

Вместе с тем амбициозные планы Мерриамиа получили физическое воплощение в виде построенного в 1929 г. корпуса, в котором разместились почти все подразделения Чикагского университета социально-гуманитарной направленности. Это был первый университетский кампус в Америке, в котором философы, социологи, экономисты, политологи и антропологи работали на одной площадке. Мерриам не просто стремился к объединению представителей этих наук в одном здании – он полагал, что в конечном

---

¹ Heaney M.T. The Chicago school that never was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 753–758.

счете ему удастся выстроить единое здание социального знания. Дэвид Истон описывает связанный с этим показательный эпизод.

«Мерриам сыграл важную роль в получении финансирования для строительства. В тот день, когда был заложен краеугольный камень, Мерриам отсутствовал в городе. Вернувшись, он посмотрел на закладной камень с выгравированным на нем названием здания и вышел из себя. Источник его ярости можно увидеть и по сей день. Если вы внимательно посмотрите на закладной камень, то увидите выбитые на камне слова «общественная наука» [social science], но с правого края от этих слов вы заметите, что буква «s» стерта. На краеугольном камне, когда он был первоначально заложен, присутствовали слова «общественные науки», неприемлемая для Мерриамиа концепция, полагавшего, что должен быть только единый свод социального знания, а не совокупность различных социальных наук. В этом междисциплинарном духе формировалась программа разработки общего курса для всех поступающих в Департамент общественных наук под названием «Область и метод общественных наук». Стоящая за этим философия заключалась в том, что то, что объединяет социальные науки, явно не может быть их предметом. Действительно, то, что объединяет все социальные науки – если не все науки, – это используемые ими методы. По моему убеждению, этот коллективный курс был катастрофой для студентов, но бесценным опытом для участвовавших в нем преподавателей. Мы регулярно встречались на длительных сессиях, чтобы выработать программу курса. Мы вели продолжительные дебаты о предмете и методах, а также различиях между общественными науками. В этом едином курсе нас призывали отменить три столетия растущей специализации знаний. Это было слишком тяжелое бремя, чтобы взвалить на плечи дюжины очень молодых преподавателей, которые сами были свежими продуктами трехсотлетней эволюции. Хотя это было слишком тяжелым бременем, каждому из нас было приятно разделить его, потому что оно открыло нам глаза на некоторые из основных эпистемологических и онтологических проблем в социальных науках и укрепило междисциплинарную атмосферу университета в целом»¹.

---

¹ Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.) Political science in America: Oral histories of a discipline. – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 202.

Закладной камень здания факультетов социальных дисциплин
Чикагского университета с надписью, исправленной
по требованию Ч. Мерриами (в правом верхнем углу видна вставка,
закрывающая букву «ss» в слове sciences)

Выстраивая свою «научную империю»¹, в 1920-х годах Мерриам остро переживал недостаток обратной связи между возглавляемой им школой политических исследований и федеральным правительством. Республиканские администрации «ревущих двадцатых» не испытывали сколько-нибудь выраженной потребности в опоре на экспертное знание, особенно на советы тех специалистов, которые разделяли политические и социальные установки прогрессивизма. Исключением был Герберт Гувер, вскоре после своей инаугурации в 1929 г. учредивший Президентский комитет по социальным тенденциям. Вице-председателем комитета стал Мерриам, а почти все участвовавшие в его работе эксперты имели тесные связи с SSRC. Главный итог этой работы – доклад «Текущие социальные тенденции» объемом в 1,5 тыс. страниц – был опубликован в начале 1933 г. И хотя этот доклад (основной вклад в подготовку которого

¹ Wilde J.H. de. Saved from Oblivion: Interdependence theory in the first half of the 20th century. A study on the causality between war and complex interdependence. – Aldershot : Dartmouth Publishing Company, 1991. – P. 145.

внес Уильям Огборн при достаточно активном участии Мерриама) не содержал предложений относительно социальных и политических реформ, необходимых для преодоления последствий Великой депрессии, он сформировал ценную информационную базу, использованную при разработке мероприятий Нового курса.

Ч. Мерриам и Л. Браунлоу на крыльце Белого дома (23.09.1938)

Мерриам не входил в рузвельтовский «мозговой трест» 1933–1936 гг.¹, однако, будучи членом Комитета по национальным ресурсам федерального Министерства внутренних дел, он имел возможность влиять на подготовку и реализацию правительственныех программ в рамках Нового курса. Будет не лишним отметить, что Гарольд Икес – министр внутренних дел в администрации Рузвельта – в 1919 г. был менеджером кампании Мерриамиа по выборам в мэры Чикаго.

В 1936 г. Мерриам был включен в состав Президентского комитета по административному управлению, которым руководил его близкий друг Луи Браунлоу. Опубликованный в начале 1937 г. отчет комитета содержал резонансное заявление «Президенту нужна помощь» и предлагал комплекс мер, направленных на реорганизацию правительственныех агентств в единый президентский офис².

Мерриам оставался сторонником проводимых Франклином Рузвельтом преобразований даже несмотря на то, что к реализации принималась лишь малая часть его инициатив (например, в Законе о реорганизации 1939 г. были учтены только два предложения из 53-страничного отчета Комитета Браунлоу). Однако для Мерриамиа было важно активное участие представителей научного сообщества в разработке Нового курса, что полностью отвечало его представлениям об идеальной модели взаимоотношений власти и экспертов. Казалось, в 1930-х годы эта модель была близка к воплощению: восемь его коллег по факультету политической науки Чикагского университета участвовали в работе 20 различных комитетов, экспертных групп и комиссий, сформированных федеральными органами власти. Для сравнения: в 2006 г. в аналогичные структуры было включено всего лишь четыре эксперта, представлявших факультеты и департаменты политологии всех (!) американских университетов³.

В 1930-е годы Мерриам продолжал публиковать произведения, неизменно вызывавшие интерес политологического сообщества.

---

¹ Rosen E.A. Roosevelt and the Brains Trust: An historiographical overview // Political Science Quarterly. – 1972. – Vol. 87, N 4. – P. 531–557; Edwards S. Gold, the Brain Trust and Roosevelt // History of Political Economy. – 2017. – Vol. 49, N 1. – P. 1–30.

² Report of the President's Committee on administrative management with studies of administrative management in the Federal Government. – Washington : United States Government Printing Office, 1937. – P. v, 47.

³ Heaney M.T. The Chicago school that never was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 756.

Но в функционировании возглавляемого им факультета нарастили трудности. Отношения между Мерриамом и новым президентом Чикагского университета Хатчинсом развивались по нисходящей. Сказывались и разница в жизненном опыте и возрасте (Хатчинс возглавил университет в 30 лет), и столкновение амбиций, но главное – принципиальное различие во взглядах на миссию науки и образования. Хатчинс, сыгравший в дальнейшем выдающуюся роль в организации образования, философском осмыслиении его задач и защите академических свобод, был убежденным противником сциентистских установок и ориентации процесса преподавания на решение практических задач в ущерб формированию ответственного гражданина.

О принципиальном характере расхождений между этими двумя незаурядными деятелями свидетельствуют их высказывания по поводу возможностей и перспектив эмпирически ориентированной политической науки. В предисловии к книге «Политическая власть» Мерриам писал: «В последние годы появились огромные массы нового материала в области экономики, антропологии, истории, социологии, государственного управления, и эти факты бросают вызов тем, кто озабочен политической властью. Новые доктрины социальной среды, социального наследия, личности, похоже, опровергают старые концепции и выводы. Новые психиатрические данные, психологические, психобиологические факты, касающиеся природы человеческой личности, тесно связаны с комплексами власти и установками»¹.

Хатчинс напрямую полемизировал с этим оптимистическим видением: «Власть становится главным словом в политической науке; и предсказание того, что будут делать суды, заменяет справедливость как цель юриста и правоведа. Научный дух побуждает нас накапливать огромные массивы данных о преступности, бедности и безработице, политической коррупции, налогообложении и Лиге Наций в нашем стремлении к так называемому социальному контролю. Существенная часть того, что мы называем социальными науками, – это большие массивы данных, неосвоенных, несвязанных и бессмысленных»².

---

¹ Merriam C.E. Political power: Its composition and incidence. – New York : McGraw-Hill, 1934. – P. 4.

² Hutchins R.M. The higher learning in America. – New Haven : Yale University Press, 1936. – P. 101.

На фоне сложных отношений Мерриамиа с университетским руководством к концу 1930-х годов начал распадаться кадровый костяк Чикагской школы политических исследований. Наиболее болезненным был уход Лассуэлла и Госнелла, осознавших, что Чикагский университет уже не является идеальной площадкой для их профессионального и карьерного роста. В 1940 г. подал в отставку со своего поста и сам Мерриам. Уйдя на пенсию в 66 лет, он сохранял научную активность, много публиковался, выступал с лекциями в разных университетах, участвовал в работе благотворительных структур семейства Рокфеллеров. Мерриам умер 8 января 1953 г. после продолжительной болезни. В его архиве сохранилось несколько неоконченных рукописей научных работ, а также автобиография.

Вклад Мерриамиа в развитие политической науки пользуется в настоящее время в Соединенных Штатах и других странах несомненным признанием, но при этом его труды чаще всего рассматриваются как достояние прошлого. На наш взгляд, это не совсем справедливо. По крайней мере такие его книги, как «Новые аспекты политики» и «Политическая власть», заслуживают того, чтобы их читали и в XXI в. Многие идеи Мерриамиа, связанные, например, с развитием теории демократии, звучат вполне свежо и заслуживают нового обсуждения. И даже то, что не было реализовано в полном объеме, в частности предвосхищение символического поворота в политических исследованиях и обстоятельная расшифровка креденды власти (семантического комплекса, побуждающего интеллект санкционировать сохранение авторитета)¹, стимулирует современных исследователей с интересом и вниманием анализировать наследие Мерриамиа. Можно сказать, что в самих особенностях личности Мерриамиа, в его амбициозности и стремлении к академическому доминированию была заложена неизбежность утраты определенных возможностей в развитии политической мысли. Однако творческий толчок, который придала развитию политической науки созданная Мерриамиом научная школа, несомненно, многоократно перевешивает удельный вес просчетов ее создателя.

---

¹ Ильин М.В. Лингвистические повороты: упущеные шансы и наличные возможности // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 17–18.

Глава 10

МАКИАВЕЛЛИ XX ВЕКА НА БЕРЕГАХ ОЗЕРА МИЧИГАН (ГАРОЛЬД ЛАССУЭЛЛ)*

Гарольд Лассуэлл до сих пор остается одним из наиболее часто цитируемых американских политологов и социологов. Он сумел придать мощный импульс развитию целого ряда исследовательских направлений. Но, возможно, более яркими штрихами к его портрету будут многочисленные отзывы о воздействии Лассуэлла и его научных трудов на индивидуальный выбор многих исследователей. Например, политолог Р. Мерельман о своих впечатлениях после прочтения в студенческие годы книги Лассуэлла «Политика: кто достигает чего, когда и как» писал следующее: «Эффект от моего первого чтения был электрическим. Благородная краткость, язвительная отстраненность, многообещающее освобождение от претензий на выведение законов, презрение к морализаторству, проект бихевиоралистской науки о политике – все это сосредоточилось в одном кратком параграфе. Я впервые задумался о том, что, пожалуй, есть смысл всерьез заняться изучением политики»¹.

По словам сотрудничавшего с Лассуэллом А. Бродбека, «когда люди знакомились с его системой, им казалось, что начинает действовать нечто вроде “интеллектуального ЛСД”. Для многих социальных исследователей это было подобно общению на новом

---

* Основу данной главы составляет первая часть статьи: Ефременко Д.В., Богомолов И.К. Анатомия пропаганды, или «Война идей по поводу идей» // Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. ; РАН, ИНИОН ; сост. и переводчик В.Г. Nikolaev ; отв. ред. Д.В. Ефременко ; вступ. статья Д.В. Ефременко, И.К. Богомолова. – Москва, 2021. – С. 4–43.

¹ Merelman R.M., Harold D. Lasswell's political world: Weak tea for hard times // British Journal of Political Science. – 1981. – Vol. 11, Issue 4. – P. 471.

иностранным языке, в котором сокрыты некоторые из самых значимых, латентных правил мышления. Именно потому, что они латентны, возникало ощущение замешательства и даже головокружения»¹.

Друзья, коллеги и почитатели научного таланта Лассуэлла нередко называли его «Макиавелли XX века». Разумеется, они имели в виду не «макиавеллизм» в обиходном смысле, а то, что влияние Лассуэлла на развитие политического знания вполне соизмеримо с влиянием флорентийского мыслителя, а также то, что по своему универсализму и исследовательскому темпераменту он был поистине ренессансной фигурой. Масштабы научного наследия Лассуэлла впечатляют. По подсчетам Г. Алмонда², более 60 книг написаны самим Лассуэллом, подготовлены им в соавторстве либо составлены в качестве редактора. Им или с его участием написаны более 300 научных статей, тематика которых охватывает политическую науку, социологию, право, психологию и психиатрию, журналистику и общественное мнение. Б. Смит, на протяжении многих лет работавший вместе с Лассуэллом, выделяет семь приоритетных направлений его исследовательской деятельности: 1) формирование исследовательского поля изучения коммуникаций; 2) качественный и количественный контент-анализ; 3) изучение элит и социального порядка; 4) разработка теории ценностей; 5) установление взаимосвязи между классической политической мыслью и эмпирическими исследованиями; 6) теория права; 7) сбор эмпирических данных о ключевых глобальных процессах³.

Впрочем, даже беглый обзор жизненного пути и научной деятельности Лассуэлла показывает известную условность такого тематического разделения.

---

¹ Brodbeck A.J. Scientific heroism from a standpoint within social psychology // Rogow A. (ed.). Politics, personality, and social science in the twentieth century: Essays in honor of Harold D. Lasswell. – Chicago : University of Chicago Press, 1969. – P. 233.

² Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A biographical memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 265.

³ Smith B.L. The mystifying intellectual history of Harold D. Lasswell // Rogow A. (ed.) Politics, personality, and social science in the twentieth century: Essays in honor of Harold D. Lasswell. – Chicago : University of Chicago Press, 1969. – P. 43.

Краткий биографический очерк

Гарольд Дуайт Лассуэлл

Гарольд Дуайт Лассуэлл родился 13 февраля 1902 г. в деревушке Доннеллсон в штате Иллинойс в семье пресвитерианского пастора и сельской учительницы. Его детские и отроческие годы прошли в небольших провинциальных городках Иллинойса и соседней Индианы, где проповедовал его отец. Там юный Лассуэлл имел возможность наблюдать за жизнью фермерской глубинки и шахтерских поселений, отличавшихся многонациональным составом. В эти годы американский Средний Запад был ареной интенсивного взаимодействия представителей различных этносов и культур, которые много заимствовали друг у друга, но при этом стремились сохранить свою идентичность.

Несмотря на провинциальную среду, Гарольду повезло с учителями, родственниками и близкими друзьями отца, которые пробудили в юноше интерес к таким мыслителям, как Кант, Маркс и Фрейд. Закончив с отличием школу, Лассуэлл в конкурсном состязании по новой истории и английскому языку выиграл стипендию, позволившую ему в 16-летнем возрасте поступить в Чикагский университет, где его научным руководителем стал Ч. Мерриам. Им вместе предстояло сыграть ведущие роли в том,

что Г. Алмонд назвал «чикагской революцией» в американской политической науке¹.

Еще в 1921 г. Ч. Мерриам опубликовал программный манифест², в котором поставил задачу разработки научных оснований политических исследований прежде всего за счет широкого использования количественных методов и изучения психологических и социальных предпосылок политического поведения. Он считал необходимым обеспечить открытость политической науки междисциплинарному диалогу, включая сближение с естественными науками, а также активное включение политологов в политическую практику. Под сильным влиянием исследовательских установок Мерриами, а также его воспоминаний об опыте руководства в конце Первой мировой войны римским подразделением американского Комитета общественной информации (Комитета Крила), Лассуэлл принял решение писать докторскую диссертацию, посвященную исследованию военной пропаганды. Мерриам оказал действенную поддержку намерению Лассуэлла посетить Европу, чтобы по «горячим следам» собрать материалы для подготовки диссертации. Молодой исследователь побывал в Женеве, Вене, Праге, Берлине, Париже; в Англии он в 1923 г. провел семестр в Лондонской школе экономики, посещая лекции таких знаменитостей, как Б. Расселл и Дж.Б. Шоу, и встречаясь со многими участниками событий Первой мировой войны, включая государственных деятелей, дипломатов, военных, членов британского парламента³.

В 1926 г., еще до защиты диссертации, Лассуэлл начал преподавать в Чикагском университете. Но именно докторская диссертация и публикация на ее основе книги «Техника пропаганды в мировой войне»⁴ обеспечили 25-летнему ученому широкое признание далеко за пределами Чикаго и Соединенных Штатов. Его книга была замечена и в Советском Союзе; в 1929 г. «Техника

---

¹ Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. – Москва : Вече, 1999. – С. 86.

² Merriam Ch.E. The present state of the study of politics // The American Political Science Review. – 1921. – Vol. 15, N 2. – P. 173–185. Подробнее см. гл. 9.

³ Rantanen T. An American in London – Harold D. Lasswell at LSE in 1923. – URL: <https://blogs.lse.ac.uk/lsehistory/2020/01/14/an-american-in-london-harold-d-lasswell-at-lse-in-1923/> (Date of access: 12.09.2023).

⁴ Lasswell H.D. Propaganda technique in the World War. – New York : A.A. Knopf ; London : Kegan Paul, 1927. – 233 p.

пропаганды...» была переведена с сокращениями на русский язык в серии «Библиотека иностранной военной литературы»¹.

Уделив в ходе исследования военной пропаганды большое внимание вопросам социальной психологии, Лассуэлл сразу же после защиты диссертации глубоко погрузился в изучение проблем взаимосвязи психологии и психопатологии с политическим поведением. В частности, он уделял особое внимание анализу действий тех политиков, которые страдали психическими нарушениями. Лассуэлл получил грантовую поддержку для проведения исследований по этой тематике и в 1927–1928 гг. вновь выезжал в Берлин, где под руководством Т. Рейка, одного из учеников З. Фрейда, изучал психоанализ. Как результат, он публикует в 1930 г. монографию «Психопатология и политика», еще более упрочившую его репутацию глубокого и разностороннего исследователя.

По сути дела, этой монографией Лассуэлл наметил основные контуры бихевиоралистского подхода, который более полно был реализован Д. Истоном после его переезда в США в 1943 г. Бихевиорализм ставит в центр исследования живого человека со всеми особенностями и противоречиями его внутреннего мира. Лассуэлл, заявивший в «Психопатологии и политике», что «политическая наука без биографии есть форма набивания чучел»², разрабатывает концепт *homo politicus*. Он показывает, что становление человека политического проходит стадии кристаллизации частных мотивов индивида в период его детства и воспитания в семье, переноса частных мотивов от семейных объектов к социальным, и рационализации этого переноса в категориях общественного интереса.

Исследовательские приоритеты, в общих чертах сформулированные Ч. Мерриамом и творчески реализованные Лассуэллом в двух его первых книгах, имели определяющее значение для всего чикагского периода научного творчества Лассуэлла. Но при этом каждая новая веха его научной биографии отличалась новым движением в ту или иную область социального и политического

¹ Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. Сокращенный перевод с английского в обработке Н.М. Потапова с предисловием М. Гуса. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929. – 201 с. Современное издание «Техники пропаганды» вышло в 2021 г.: Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. ; РАН, ИНИОН ; сост. и переводчик В.Г. Nikolaev ; отв. ред. Д.В. Ефременко ; вступ. статья Д.В. Ефременко, И.К. Богомолова. – Москва, 2021. – 237 с.

² Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика : монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – С. 7.

знания. И даже разрабатывая уже знакомую тему, Лассуэлл шел вперед. В 1935 г. он издал аннотированную библиографию «Пропаганда и продвижение»¹, включавшую 4,5 тыс. наименований. В теоретическом введении Лассуэлл уточнил ряд значимых концептуальных положений «Техники пропаганды», но эти новации указывали на дальнейший прогресс в разработке теории массовой коммуникации. Его монография 1939 г. «Мировая революционная пропаганда: чикагское исследование»², написанная в соавторстве с Д. Блюменсток, была основана на местном эмпирическом материале, однако при этом Лассуэлл мастерски выявил взаимосвязь локальных, национальных и глобальных аспектов Великой депрессии и роста популярности коммунистических идей в среде безработных.

Еще одним выдающимся достижением чикагского периода научного творчества Г. Лассуэлла была опубликованная в 1936 г. монография «Политика: кто достигает чего, когда и как» – сжатое изложение политической теории, в котором основное внимание уделялось конкуренции элит за доходы, почет и безопасность. Участники этих конкурентных отношений используют для достижения своих целей широкий набор институциональных практик, различных средств символического воздействия, материальных стимулов и санкций вплоть до открытого применения насилия. Согласно оценке Г. Алмонда, основные исследования Лассуэлла чикагского периода стали вершиной его многогранного научного творчества, причем «все они были новаторскими, раскрывали не изученные ранее измерения и аспекты политики»³.

Связанный с Чикаго и его университетом этап жизни и научной деятельности Лассуэлла завершился в 1938 г. Одной из причин этого решения стало общее изменение политики университетского руководства, отказавшегося от активной поддержки эмпирической ориентации социальных исследований, а непосредственным поводом – отказ президента университета Хатчина утвердить Лассуэлла в статусе полного профессора. Помимо Лассуэлла университет в конце 1930-х годов покинули ряд других

---

¹ Lasswell H.D., Casey R.D., Smith B.L. Propaganda and promotional activities. An annotated bibliography. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1935. – xvii, 450 p.

² Lasswell D.H., Blumenstock D. World revolutionary propaganda. A Chicago study. – New York : Alfred A. Knopf, 1939. – xii, 393 p.

³ Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. – Москва : Вече, 1999. – С. 85.

известных профессоров и ученых; Ч. Мерриам в 1940 г. вышел на пенсию. Другая причина заключалась в намерении Лассуэлла приступить к реализации амбициозного проекта по созданию нового исследовательского института, ориентированного на междисциплинарный синтез социальных наук, психологии и психиатрии. Основными партнерами Лассуэлла в этом проекте должны были стать известный психиатр Г.С. Салливэн и выдающийся лингвист и антрополог Э. Сепир. Предполагалось, что финансовую поддержку новому институту обеспечит Фонд исследований психиатрии У.А. Уайта.

Однако все пошло «не так». Первым ударом стала утрата Лассуэллом рабочего архива документов и материалов чикагского периода. Архив был упакован и погружен в два фургона, которые на пути из Чикаго в Вашингтон столкнулись друг с другом и сгорели. Большая часть материалов погибла в огне, но среди несгоревших файлов обнаружились книги Маркса и записи, свидетельствовавшие об интересе Лассуэлла к коммунистической идеологии. Информация об этом появилась на страницах газеты «Chicago Tribune»¹, и уже значительно позже, в эпоху маккартизма, была использована для подозрений Лассуэлла в недостаточной приверженности американским демократическим ценностям. В начале 1950-х годов дело дошло до того, что Лассуэллу пришлось обращаться к Мерриаму за справкой, подтверждающей, что он не был членом Коммунистической партии или симпатизантом коммунистических идей².

Вслед за потерей архива разладились отношения Лассуэлла с Салливэном, расчеты на фандрайзинг оказались тщетными; в 1939 г. умер Э. Сепир. В результате, перебравшись в Вашингтон, Лассуэлл оказался в весьма неопределенном положении. Он начал вести семинары в Школе права Йельского университета в статусе приглашенного лектора, что, разумеется, никак не могло сравниться с постоянным контрактом в Чикагском университете, от которого Лассуэлл отказался (в Йеле он получил аналогичный контракт только в 1946 г.). Одновременно Лассуэлл стал выступать на радио NBC в рамках цикла просветительских передач.

---

¹ Solve red angle in crash death; Papers traced // Chicago Tribune. – 1938. – 24 October.

² Berndtson E. The rise and fall of American political science: Personalities, quotations, speculations // International Political Science Review / Revue internationale de science politique. – 1987, N 1. – P. 92.

Почву под ногами в американской столице Лассуэлл сумел обрести благодаря своему опыту исследований военной пропаганды, востребованному в условиях начала новой мировой войны и ожидаемого вступления в нее Соединенных Штатов. По его рекомендации Библиотека Конгресса приступила к изучению военных пропагандистских материалов и коммуникативных практик, а сам Лассуэлл возглавил новое подразделение Библиотеки, созданное для решения этой задачи. Одновременно Министерство юстиции сформировало специальное подразделение для проверки публикаций и публичных выступлений в соответствии с Актом о регистрации иностранных агентов 1938 г. и Актом о подстрекательстве к мятежу 1918 г. В обоих случаях требовался профессиональный контент-анализ огромного массива материалов средств массовой информации, как зарубежных, так и американских. Фактически в годы Второй мировой войны Лассуэлл взял на себя роль ведущего консультанта по вопросам пропаганды для целого ряда ведомств, среди которых ключевую роль играли структуры разведывательного сообщества. Строго говоря, большой опыт привлечения ведущих интеллектуалов к решению военных, информационно-пропагандистских и разведывательных задач был накоплен еще администрацией В. Вильсона во время Первой мировой войны; администрация Ф.Д. Рузвельта также пошла по этому пути. Вместе с Лассуэллом в этой работе принимали участие такие известные исследователи, как П. Лазарсфельд, С. Стaufфер, Р. Бенедикт, Э. Шилз, М. Мид, Д. Лернер, К. Ховланд и др.¹

Одним из основных научных результатов деятельности Лассуэлла в годы Второй мировой войны и начале холодной войны стала изданная под его руководством коллективная монография «Язык политики»². В этой монографии проблематика массовой коммуникации проанализирована в широком контексте внутренней политики и международных отношений. Особую значимость имели предложенные авторами методологические подходы для проведения количественного контент-анализа, а также примеры его использования для сбора разведывательной информации и решения задач в правовой сфере. Один из таких примеров – анализ с использованием квантитативной

---

¹ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A biographical memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 249–274.

² Language of politics. Studies in quantitative semantics / Lasswell H.D., Leites N., Fadner R., Goldsten J.M., Grey A., Janis I.L., Mintz A., De Sola Pool I., Yakobson S., Kaplan A. – New York : George W. Stewart, 1949. – 398 p.

семантики лозунгов на первомайских демонстрациях в СССР, позволявший, по мнению авторов монографии, раскрыть сущность советского политического режима и намерения кремлевского руководства. Общий объем изученных авторами пропагандистских материалов, появившихся в печатных СМИ и радиопередачах противников, союзников и нейтралов, до сих пор поражает своими масштабами.

Получив постоянную профессорскую позицию в Йельском университете и переехав в Нью-Хэйвен (1946), Лассуэлл последовательно реализует программную установку, намеченную еще в чикагский период – «создать систему политических наук, пригодную для повышения роли рационального компонента в процессе принятия управлеченческих решений, независимо от характера проблемы и уровня ее рассмотрения»¹. Он уделяет значительное внимание правовой проблематике (многие работы в этой области подготовлены им в сотрудничестве с М. Макдугалом), теории и практике демократии, процессам принятия политических решений. Согласно Лассуэллу, политический анализ, ориентированный на процесс принятия решений, включает в себя такие компоненты, как постановка целей, определение основных тенденций, изучение преобладающих условий, прогнозирование будущих изменений и рассмотрение альтернатив. Сам же процесс принятия политических решений является семиступенчатым и включает в себя: 1) экспликацию проблемы; 2) обсуждение альтернатив; 3) выбор одной из альтернатив; 4) обращение к альтернативе; 5) применение альтернативы; 6) оценку результатов; 7) завершение процесса принятия решения².

Еще на исходе Второй мировой войны Лассуэлл предсказал биполярную трансформацию мирового порядка³. При этом он полагал, что Соединенные Штаты, действуя с разумной осторожностью в экономической сфере, где они обладают очевидным превосходством, сумеют снизить интенсивность конфликта с Советским Союзом. В опубликованной вскоре после Берлинского и Карибского кризисов книге «Будущее политической науки»⁴ (1963) Лассуэлл призывал к

---

¹ Оберемко О.А. Чикагская традиция и политическая наука Гарольда Лассуэлла // Социологический журнал. – 1994, № 1. – С. 114.

² Lasswell H.D., Kaplan A. Power and society. – New Haven : Yale Univ. Press, 1950. – xxiv, 295 p.

³ Lasswell H.D. World politics faces economics. With special reference to the future relations of the United States and Russia. – New York : McGraw-Hill Book Co., 1945. – 108 p.

⁴ Lasswell H.D. The future of political science. – New York : Atherton Press, 1963. – 256 p.

проводению комплексных исследований глобальных политических трансформаций, позволяющих выработать рекомендации для лидеров сверхдержав по предотвращению мировой войны. Но одновременно, опираясь на свой опыт руководства Американской ассоциацией политической науки, Лассуэлл формулировал новые задачи и для профессиональной подготовки политологов, позволяющей им квалифицированно участвовать в предотвращении и урегулировании глобальных кризисов.

В 1976 г. Лассуэлл оставил преподавательскую деятельность и полностью сосредоточился на исследованиях и научном редактировании. В декабре 1977 г. он перенес обширный инфаркт, от которого не смог до конца оправиться. Лассуэлл умер от пневмонии год спустя, 18 декабря 1978 г., в Нью-Йорке. Последняя крупная работа с его участием, опубликованная уже после смерти, была, как и первая, посвящена проблематике пропаганды и коммуникации¹.

Полет волшебной пули

Остановимся теперь подробнее на ключевых работах Лассуэлла чикагского периода.

Как писал Д. Лернер в биографической статье в «Международной энциклопедии социальных наук», «на протяжении всей карьеры главной целью Лассуэлла была разработка теории о человеке в обществе, которая является всеобъемлющей и опирается на все общественные науки»². Фактически уже в своей диссертационной работе Лассуэлл приступил к реализации весьма амбициозной программы. С позиций сегодняшнего дня «Технику пропаганды в мировой войне» можно рассматривать в качестве своеобразного закладного камня, на котором в дальнейшем начинает выстраиваться здание теории коммуникации.

Разумеется, уже в 1920-е годы, помимо лассуэлловской диссертации, появляются и другие важные работы по этой или близкой тематике. Из них на почетном месте – фундаментальный труд

---

¹ Propaganda and communication in world history. Vol. 2. Emergence of public opinion in the West / Lasswell H.D., Lerner D., Speier H. (eds.). – Honolulu, HI : The University Press of Hawaii, 1980. – xiii, 561 p.

² Lerner D. Lasswell Harold D. // Sills D.L. (ed.) International Encyclopedia of the Social Science. Biographical Supplement. – New York : The Free Press, 1979. – Vol. 18. – P. 408–411.

У. Липпмана «Общественное мнение» (1922)¹. Как известно, во время Первой мировой войны У. Липпман входил в число ключевых фигур созданной президентом В. Вильсоном группы интеллектуалов (Inquiry group), готовившей материалы для будущих мирных переговоров. В этой группе Липпман отвечал и за направление пропаганды; он также внес значительный вклад в подготовку знаменитых «Четырнадцати пунктов». Опыт работы в кругу ближайших советников Вильсона послужил важным стимулом для написания книги о природе, путях и способах формирования общественного мнения. Не без влияния платоновского образа пещеры, Липпман дает определение: «Те черты внешнего мира, которые имеют отношение к поведению других людей – в той мере, в какой это поведение пересекается с нашим, зависит от нас и интересует нас, – мы грубо называем общественным мнением. Образы в сознании людей – образы самих себя, других людей, своих нужд, целей и взаимоотношений – являются их общественным мнением»². Поскольку подавляющее большинство людей не имеет необходимых опыта, знаний и времени для того, чтобы составить квалифицированное мнение о все более сложных процессах в окружающем мире, они встают на путь упрощения, некритично воспринимая стереотипы – редуцированные и схематизированные образы и представления о тех или иных аспектах внешней среды. Благодаря этому, считает Липпман, появляется много возможностей активного воздействия на общественное мнение, включая, разумеется, и злоупотребление этими возможностями. Соответственно, возникают серьезные вызовы демократии и эффективному управлению, которое не может попадать в жесткую зависимость от подверженного манипуляциям общественного мнения, но должно опираться на авторитетное экспертное знание.

Другой значительной работой, появившейся год спустя после публикации книги Лассуэлла, была «Пропаганда» Э. Бернейса³, племянника З. Фрейда, еще в 1915 г. начавшего свою карьеру в сфере PR с развертывания рекламной кампании американского турне балета С. Дягилева и в дальнейшем ставшего признанным корифеем в этой области. Бернейс, так же как и Мерриам, во время

¹ Липпман У. Общественное мнение / перевод с англ. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

² Там же. – С. 46.

³ Бернейс Э. Пропаганда / перевод с англ. – Москва : Hippo Publishing LTD, 2010. – 176 с.

Первой мировой войны был привлечен к работе Комитета Крила, где особо отличился продвижением тезиса о том, что американский солдат несет в Европу демократию. Бернейс иначе расставлял акценты, чем Липпман, считая манипулирование мнением масс естественной и неотъемлемой характеристикой демократического общества, причем манипуляторы делают это с полным правом, будучи естественными лидерами, генерирующими идеи и занимающими ключевое положение в социальной структуре.

Крестоносцы Першинга (1918).
Пропагандистский плакат, выпущенный Комитетом Крила

Таким образом, даже эти две публикации показывают, что среда, в которой обсуждались проблемы пропаганды и общественного мнения, была весьма конкурентной. Тем не менее появление «Техники пропаганды...» Лассуэлла стало важным событием для интеллектуальной жизни Соединенных Штатов. Спустя без малого полвека, в новом предисловии к переизданию «Техники пропаганды...» Лассуэлл напишет, что в ходе работы над диссертацией у него возник замысел создания теоретической схемы исследования международных установок, позволяющей разработать эффективную модель организации пропаганды¹. В полном объеме этот замысел реализован не был, но, как мы уже отмечали, в годы Второй мировой войны Лассуэлл получил возможность апробировать на практике многие идеи чикагского периода своей научной деятельности.

Суммарно основанные на исследовании Лассуэлла рекомендации для обеспечения успеха военной пропаганды могут быть представлены следующим образом: 1) необходимо возложить вину на врага за развязывание войны; 2) нужно добиваться национального единства, делая упор на общую историю и божественное покровительство и провозглашая неизбежность победы; 3) требуется четко декларировать цели войны, апеллируя к таким культурно обусловленным идеалам, как свобода, мир или безопасность; 4) важно распространять примеры, доказывающие порочность врага и укрепляющие веру в то, что именно он несет ответственность за войну; 5) неблагоприятные новости следует представлять исходящей от врага ложью, чтобы избежать разобщенности и пораженных настроений; 6) следует рассказывать страшные истории, которые выставляют врага в дурном свете, его дегуманизируют и, таким образом, оправдывают насильтственные действия².

Для многих текстов Лассуэлла характерно наличие нескольких определений рассматриваемого предмета. Одно из метафорических определений пропаганды – «война идей по поводу идей». Но сами идеи – здесь Лассуэлл следует уже за метафорой писателя Дж. Кертиса – подобны пулям. И в военной пропаганде, и – шире – в массовой коммуникации исходящий от ее инициатора месседж

---

¹ Lasswell H.D., Giddens J.A. Introduction // Propaganda technique in the World War with a new introduction for the Garland Edition by H.D. Lasswell. – New York : Garland, 1972. – P. IX.

² Bernays E.L. The marketing of national policies: A study of war propaganda // Journal of Marketing. – 1942. – Vol. 6, N 3. – P. 236.

становится направленной в мозг реципиента «волшебной пулей», способной радикально повлиять на мысли, чувства и мотивацию последнего. Любопытно, что почти буквальную визуализацию эта теория получила в кинематографе, в знаменитом фильме итальянского режиссера Дж. Монтальдо «Замкнутый круг» (1978), сюжет которого построен на том, что сидящего в кинозале зрителя поражает пуля, выпущенная экранным героем вестерна в своего экранного врага.

В теории «волшебной пули» проявляется сильное влияние психоаналитического подхода. Лассуэлл исходит из принципиального сходства базовых инстинктов индивидов, которые реагируют более-менее сходным образом на пропагандистское воздействие¹. Причем именно в экстремальных обстоятельствах, в частности в условиях войны, эти инстинкты, прежде латентные, начинают пробуждаться. Соответственно, задача военной (в другом случае – революционной) пропаганды состоит в том, чтобы ускорить выход этих инстинктов наружу, создать благоприятный эмоционально-психологический фон для восприятия достаточно упрощенных идей и лозунгов.

Слабость аргументации Лассуэлла состоит в том, что в «Технике пропаганды ...» он объясняет феномены, относящиеся в конечном счете к сознанию и поведению индивидов, событиями макроуровня, знаменовавшими собой изменения хода мировой войны. Кроме того, в своей первой книге он – отнюдь не без оснований – акцентирует тенденцию атомизации социального мира и качественного усложнения задачи управления таким миром. Пропаганда в этих условиях становится новым инструментом координации и объединения социума, она, по сути, позволяет заполнить тот вакuum, в котором оказывается индивид в условиях ослабления социальных связей. Вместе с тем внимательный читатель «Техники пропаганды...» увидит, что Лассуэлл избегает редукционистского соблазна, он прекрасно отдает себе отчет в том, что общество состоит из разных групп и слоев, чьи интересы далеко не одинаковы. Лассуэлл показывает, что степень эффективности пропаганды в немалой степени определяется способностью учесть эти особенности и донести до представителей специфических групп именно то, что может повлиять на их поведение.

---

¹ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – Москва : Прометей, 2004. – С. 194.

Тем не менее представленная в первой книге Лассуэлла схема коммуникативного взаимодействия является односторонней. Спустя немногим более 20 лет после появления «Техники пропаганды...» Лассуэлл публикует статью, в которой предлагает до-ходчивую формулу:

«Самый удобный способ описания процесса коммуникации состоит в ответе на следующие вопросы: 1) кто сообщает; 2) что именно; 3) по каким каналам; 4) кому; 5) с каким эффектом»¹.

Эта формула, являющаяся основой классической модели коммуникации, одновременно представляет собой и сжатую исследовательскую программу. Первый вопрос фокусирует внимание на коммуникаторе, т.е. источнике коммуникативного акта. Второй вопрос ориентирует на рассмотрение содержания передаваемых сообщений. Третий – привлекает внимание к средствам и каналам трансляции сообщений. Четвертый вопрос относится к анализу особенностей аудитории, адекватный учет которых предопределяет успех коммуникативного акта. Финальный вопрос дополняет предыдущий с точки зрения оценки эффективности коммуникации.

Определение основных составляющих коммуникативного процесса и рамок его анализа позволило Лассуэллу выявить наиболее важные управленческие аспекты массовой коммуникации. Во-первых, это возможность наблюдения за динамическими процессами в окружающей социум среде, оценка потенциала их влияния на систему ценностей общества в целом или значимых социальных групп. Во-вторых, выявление реакций социальных групп на средовые воздействия. Наконец, в-третьих, массовая коммуникация способствует поддержанию целостности и сплоченности общества, способствуя передаче социального опыта от поколения к поколению.

Хотя уже в конце жизни Лассуэлл внес в формулу коммуникации ряд существенных уточнений, ее ахиллесовой пятой, как и других одноканальных моделей коммуникации (в частности, модели Шэннона–Уивера), является отсутствие обратной связи между коммуникатором и конечной аудиторией. Между тем обратным воздействием аудитории на те же массмедиа можно пренебречь далеко не во всех ситуациях.

---

¹ Lasswell H. The structure and function of communication in society // Bryson L. (ed.) The communication of ideas. – New York : Harper and Brothers, 1948. – P. 37.

Эти недостатки классической модели коммуникации стремился преодолеть П. Лазарсфельд, с которым Лассуэлл сотрудничал в годы Второй мировой войны. Двухступенчатая модель коммуникации Лазарсфельда исходит из предпосылки, что массовая коммуникация не оказывает прямого воздействия на индивида, но опосредуется микрогруппой, причем ключевую роль в коммуникативном процессе играют «лидеры общественного мнения» внутри микрогруппы, тем или иным образом интерпретирующие медийную информацию¹.

Вернемся к «Технике пропаганды...». Первая книга Лассуэлла не очень-то укладывается в жесткие тематические или дисциплинарные форматы. Ее читатель с первых же страниц начинает осознавать, что предмет книги – совсем не только техника, не только пропаганда и даже не только мировая война. Он увидит немало прозрений и предвосхищений. Так, он обнаружит у Лассуэлла ряд наблюдений, которые как бы предугадывают будущую концепцию «мягкой силы» Дж. Ная. Еще одна важнейшая тема, если не лейтмотив книги Лассуэлла, – это комплексное воздействие войны на общество, общественное сознание, социальные структуры и процессы. В этом контексте «Техника пропаганды...» является важной книгой для военной социологии и социологии чрезвычайных ситуаций.

Наконец, нельзя не отметить значение первой книги Лассуэлла для историков. Автор с самого начала делает оговорку, что в его намерения не входит изложение истории пропаганды эпохи мировой войны. Но очевидно, что ни один серьезный историк не пройдет мимо ряда суждений и оценок Лассуэлла, представленных в «Технике пропаганды...». Кроме того, если учесть, что, занимаясь подготовкой докторской диссертации, Лассуэлл провел большое количество интервью с сотрудниками служб пропаганды, военными, дипломатами, представлявшими воюющие стороны по обе линии Западного фронта, многие страницы его книги могут быть использованы в качестве ценного источника по истории Первой мировой войны и военной пропаганды.

---

¹ Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. – New York : Columbia University Press, 1944. – xxxiii, 178 p.

Три вершины Чикагской школы политической мысли

Три книги, опубликованные Лассуэллом в период с 1930 по 1936 г., конституируют, по оценке Гэбриэла Алмонда, наиболее значимый вклад Лассуэлла в политическую теорию¹ и вполне могут рассматриваться как единый ансамбль. Речь идет о «Психопатологии и политике» (1930)², «Мировой политике и личной безопасности» (1935)³ и «Политике: кто достигает чего, когда и как» (1936)⁴. Текст последней из этих работ был адаптирован под довольно широкую аудиторию, она одновременно рассчитана и на образованных неспециалистов, и на тех, кто профессионально занимается политической наукой.

В монографии «Психопатология и политика» Лассуэлл наметил основные контуры бихевиоралистского подхода, ставящего в центр исследования живого человека со всеми особенностями и противоречиями его внутреннего мира. Заявив, что «политическая наука без биографии есть форма набивания чучел»⁵, Лассуэлл показывает, что становление человека *политического* проходит стадии кристаллизации частных мотивов индивида в период его детства и воспитания в семье, переноса частных мотивов от семейных объектов к социальным, и рационализации этого переноса в категориях общественного интереса⁶. Лассуэлл впервые в политической науке использовал психоанализ для изучения политических феноменов, прежде всего для идентификации бессознательного на уровне личностей и ситуаций. Применительно к политическим и государственным деятелям такой подход позволяет выявить определенные типы ролей («агитатор», «администратор», «теоретик»), которые они способны воплощать в своей деятельности.

---

¹ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A biographical memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – P. 259.

² Lasswell H.D. Psychopathology and politics. – Chicago : The University of Chicago Press, 1930. – 367 p.; русский перевод: Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика / монография : пер. с англ. – Москва : Издательство РАГС, 2005. – 352 с.

³ Lasswell H.D. World politics and personal insecurity. – New York : McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935. – vii, 307 p.

⁴ Lasswell H.D. Politics: Who gets what, when, how. – New York : McGraw-Hill Book Co, 1936. – 264 p.; Русский перевод: Лассуэлл Г.Д. Политика: кто достигает чего, когда и как? // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сборник переводов / под ред. Д.В. Ефременко ; ИНИОН, РАН ; пер. с англ. В.Г. Николаева. – Москва, 2023. – С. 77–221.

⁵ Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. – С. 7.

⁶ Там же. – С. 258.

Последние главы «Психопатологии и политики» во многом формируют теоретико-методологическую основу для двух следующих книг Лассуэлла – «Мировая политика и личная небезопасность» и «Политика: кто достигает чего, когда и как». Говоря о соотношении исследований человека и общества, Лассуэлл указывает на градацию ориентиров: «События, представляющие общий интерес, всегда имеют индивидуальное местоположение, и эти события могут изучаться в их отношении к последовательности событий «внутри человека» или по отношению к событиям «среди людей». Характерное событие, которое служит ориентировочной формой для политического исследования, – это признание принадлежности к сообществу с системой высших требований и ожиданий. Это явление, когда оно достаточно широко распространено среди людей, которые проживают на данной территории в определенный временной период, обозначает государство, которое, таким образом, является многообразием событий. Исследование, которое изучает порядок событий «внутри человека» или «среди людей», в равной степени подходит для понимания государства; разница – в отправной точке, но не в конечном результате»¹.

Уже в первой главе «Мировой политики и личной небезопасности» Лассуэлл уточняет и развивает подход, который он называет конфигуративным анализом. Конфигуративный анализ предполагает рассмотрение политического процесса как конфликта по поводу определения и распределения доминирующих социальных ценностей – дохода, уважения и безопасности, – разворачивающегося внутри элит и между ними. Из этого выводится максима: «Кто, чего, когда и как достигает – таков коренной вопрос при анализе политических действий и политического процесса»². В этом ракурсе политическое исследование должно фокусировать внимание на социальном происхождении, навыках, личных качествах, установках, ценностях и активах представителей мировых элит и их трансформациях с течением времени, сочетать в себе оптимальный баланс динамики и статики.

Достаточно сложная теоретико-методологическая схема и не вполне ясная экспликация отдельных ее составляющих вызывали недопонимание даже у тех, кто осознавал масштаб и инновацион-

---

¹ Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. – С. 262.

² Lasswell H.D. World politics and personal insecurity. – New York : McGraw-Hill Book Company, Inc., 1935. – P. 3.

ный характер этого труда Лассуэлла¹. Что же говорить о радикальных оппонентах, не преминувших вволю поиронизировать над громоздкими смысловыми и стилистическими конструкциями лассуэлловского текста. Вот характерный образчик язвительной рецензии.

«...Д-р Лассуэлл прыгает по космосу социологическо-психиатрическо-акушерско-психиатрической политической науки с непринужденностью стайки воробьев на лошадиных бегах. Может показаться, что заголовок включает в себя все, что угодно, от начала до конца, но книга на самом деле таковой и является, сопровождаемая грохочущими залпами частично связанных сносок... Что привносит эта книга, так это авторскую модернистско-кубистскую запутанность диалектической метафизики. Трудно понять, как наши университеты могут помочь нашей работающей, неуклюжей демократии, рассказывая людям то, что они знают, на языке, которого они не понимают, отягощенном избыточной универсальностью случайных аллюзий»².

Очевидно, Лассуэлл осознавал, что для успешного продвижения выдвинутых им идей понадобится еще одна книга, с более стройной (пусть и несколько упрощенной) аргументацией и формулами, адаптированными для понимания более широкой читательской аудитории. В результате свет увидела работа, титул которой составила отчеканенная в предыдущей монографии формула исследования политических действий и политического процесса.

Основное внимание автора «Политики» сосредоточено на группах элит и их борьбе за ключевые ресурсы, или, говоря словами Лассуэлла, на «изучении влияния и влиятельных»³. Участники этих конкурентных отношений используют для достижения своих целей широкий набор институциональных практик, различных средств символического воздействия, материальных стимулов и санкций вплоть до открытого применения насилия. В этой оптике элитой выступает та часть общества, которая получает большую часть существующих благ. Остальное – масса. Согласно Лассуэл-

¹ Almond G.A. Harold Dwight Lasswell. 1902–1978. A biographical memoir. – Washington, D.C. : National Academy of Sciences, 1987. – Р. 258.

² Whittlesey W.L. Review of H.D. Lasswell “World politics and personal insecurity” // American Political Science Review. – 1935. – Vol. 29, N 3. – Р. 500–501.

³ Лассуэлл Г.Д. Политика: кто достигает чего, когда и как? // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сборник переводов / под ред. Д.В. Ефременко ; ИНИОН, РАН ; пер. с англ. В.Г. Николаева. – Москва, 2023. – С. 82.

лу, успех в конкурентной борьбе за блага и за право быть включенным в состав элиты определяют следующие факторы: 1) способности; 2) классовая принадлежность; 3) индивидуальные качества; 4) установки (различные типы реакций на вызовы социального окружения).

Данный подход, в отличие от марксистских представлений о классовой борьбе, принимает во внимание и значимые личностные характеристики, оказывающие влияние на успех тех или иных акторов с точки зрения интеграции в состав элиты, внутри- и межэлитной борьбы. Вместе с тем, как отмечал еще Дэвид Истон, подход Лассуэлла, сфокусированный преимущественно на олигархической перспективе борьбы за власть и влияние, а также на психоаналитическом объяснении действий индивидуальных акторов, ведет к недооценке роли массовых групп¹.

Истон также делит научное творчество Лассуэлла на два этапа с точки зрения отношения к демократии². Датируя первый этап 1934–1940 гг. (на него, соответственно, приходится публикация «Политики»), Истон характеризует его содержание как «элитистскую аморальную fazу». В этот период Лассуэлл строго придерживается веберианской традиции свободного от ценностей социального исследования, не позволяющего отдавать предпочтение демократии или иной форме правления в силу морального выбора. Второй период, согласно Истону, начинается в годы Второй мировой войны, он детерминируется нравственным выбором и социальным запросом, в соответствии с которым политические науки должны предоставить свои данные, методы и практические рекомендации для сохранения демократического общества.

Это деление представляется вполне очевидным даже при беглом сравнении лассуэлловских работ 1930-х годов и его трудов 1950–1970-х годов, имеющих разительные стилистические и эпистемологические различия³. Но едва ли оно покажется столь бесспорным с учетом не только вклада Лассуэлла, но и всей Чикагской школы (прежде всего ее основателя – Чарльза Мерриамиа)

---

¹ Easton D. The political system. An inquiry into the state of political science. – New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1953. – P. 121.

² Easton D. Harold Lasswell; Policy scientist for a democratic society // The Journal of Politics. – 1950. – Vol. 12, N 3. – P. 459–460.

³ Ascher W., Hirschfelder-Ascher B. Linking Lasswell's political psychology and the policy sciences // Policy Sciences. – 2004. – Vol. 37, N 1. – P. 23.

в изучение и интерпретацию проблем демократии¹. Впрочем, если все же принять классификацию Истона, исследование, подходы и выводы которого изначально не предопределены ценностными предпочтениями, можно рассматривать как более значимое с точки зрения развития политологического воображения.

Гарнизонное государство и его тщетные поиски на карте мира

В рамках классификации Истона самая знаменитая статья Лассуэлла – «Гарнизонное государство» – может считаться текстом, знаменующим переход от первого этапа ко второму. Переходным «Гарнизонное государство» может считаться и потому, что замысел и первоначальная подготовка статьи относятся еще к чикагскому периоду, а публикация состоялась уже в то время, когда автор приступил к работе в Вашингтоне. Сам термин «гарнизонное государство» Лассуэлл ввел в 1937 г. в статье, фактическую основу которой составили события китайско-японские войны². Логика автора строилась на противопоставлении гарнизонного государства и гражданского государства, причем здесь Лассуэлл использовал прежде всего градацию Огюста Конта, описывавшего социальную эволюцию как переход от военного государства к феодальному, а от него – к индустриальному. В трактовке Лассуэлла гарнизонное государство, в свою очередь, становится результатом трансформации индустриального государства под влиянием технологической революции.

Статья «Гарнизонное государство»³, опубликованная в 1941 г., представляет собой своеобразный конструктивистский эксперимент, в котором сочетался анализ тенденций, в полной мере проявившихся в разгар Второй мировой войны, их экстраполяция в будущее и дополнение за счет силы воображения социального исследователя. В обсуждаемом Лассуэллом варианте будущего ключевую роль в системе государственной власти играют специа-

---

¹ См.: Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – С. 242–263.

² Lasswell H.D. Sino-Japanese crisis: The garrison state versus civilian state // China Quarterly. – 1937. – Vol. 11. – P. 643–649.

³ Lasswell H.D. The garrison state // American Journal of Sociology. – 1941. – Vol. 46, N 4. – P. 455–468.

листы по насилию. В отличие от первой ступени эволюции социального организма, описанной Контом, верховенство специалистов по насилию в модели «Гарнизонного государства» обеспечивается их высокой технической компетенцией, позволяющей им контролировать все прочие социальные группы в условиях постоянной угрозы войны. Фактическая власть концентрируется в руках немногих, а значение демократических институтов и влияние гражданских руководителей систематически подрываются.

Идея гарнизонного государства имела парадоксальный эффект, сравнимый разве что с эффектом оруэлловской антиутопии «1984» для более широкой читательской аудитории. Обсуждаемые Лассуэллом перспективы деформации социальной жизни и демократии настолько значимы и тревожны, что к ним приходится возвращаться снова и снова. Но в то же время обзор положения в ключевых странах мира показывает, что хотя важные характеристики гарнизонного государства начинают проявляться все более отчетливо, но при этом фактическое состояние дел нигде в полной мере описанной Лассуэллом модели не соответствует.

Если говорить о нарастании тенденции укрепления позиций «силовой» элиты за счет перманентного страха войны, непрерывного совершенствования технологической составляющей средств массового уничтожения или подавления протеста, то в тех же США после Второй мировой войны происходили трансформации, побуждавшие вновь и вновь вспоминать о предостережениях Лассуэлла. В этом контексте «Властвующую элиту» Чарльза Миллса¹ можно рассматривать как развитие идей «Гарнизонного государства», по крайней мере в части анализа переплетения интересов военных, экономических и политических элит Америки и способности этого конгломерата навязать свою волю массовым группам. Призрак гарнизонного государства появляется и в знаменитом предупреждении президента Дуайта Эйзенхауэра перед его уходом из Белого дома.

«В правительственные комитетах мы должны остерегаться концентрации неправомочного влияния, гласного или негласного, военно-промышленного комплекса. Потенциал для пагубного роста ненадлежащей власти существует и будет существовать в будущем. Мы не должны позволить моци этого комплекса создать угрозу нашим свободам или демократическим процессам... Сего-

---

¹ Миллс Ч. Р. Властвующая элита / пер. с англ. – М.: Иностранная литература, 1959. — 453 с.

дня отдельный изобретатель, работающий в своей мастерской, оказывается в тени команд ученых из лабораторий и испытательных полигонов. Подобным образом и свободный университет, исторически призванный быть источником свободных идей и научных открытий, переживает революцию в сфере исследований. Отчасти благодаря огромным привлеченным средствам правительственный контракт становится виртуальным замещением интеллектуальной любознательности. На каждую старую классную доску теперь приходятся сотни новых электронных компьютеров. Перспектива доминирования федеральной власти над учеными страны, распределение проектов и власть денег уже налицо – и она должна рассматриваться со всей серьезностью. Однако, отдавая наш долг уважения научным исследованиям и открытиям, мы должны быть в равной степени готовыми иметь дело с противоположной опасностью подчинения публичной политики научно-технической элите. Задачей государственного деятеля должны быть формирование, уравновешивание и интеграция этих и других сил, новых и старых, в рамках принципов нашей демократической системы – и даже их использование для достижения высших целей нашего свободного общества»¹.

Но в то же время фантом гарнизонного государства, уже на протяжении нескольких поколений вызывающий опасения и у власть имущих (таких как Эйзенхауэр), и у внеэлитных сил, и у социальных исследователей, постоянно ускользает при попытках локализовать его на политической карте мира. Одну из таких попыток предпринял в 1978 г. Раймон Арон². Он констатировал общее изменение расстановки глобальных сил по сравнению с 1941 г. – исчезновение с исторической арены нацистских и фашистских режимов, переход мирового порядка к bipolarности, полюсами которой, соответственно, являются США и СССР. Но при этом, по оценке Аrona, военные и полицейские элиты не доминируют ни там, ни там. В США костяк политической элиты составляют специалисты по разного рода торгу (прежде всего политическому), юристы и администраторы, а в СССР доминирующую позицию занимает партийная номенклатура. Западные общества в целом, согласно Арону, движутся в направлении, противоположном

---

¹ Public papers of the presidents of the United States (1960–1961): Dwight G. Eisenhower. – Washington D. C.: US Government Printing Office, 1961. – P. 1038.

² Aron R. Remarks on Lasswell's "The garrison state" // Armed Forces & Society. – Vol. 5. – 1979, N 3. – P. 347–359.

милитаризации. При этом ядерное оружие парадоксальным образом способствует тому, что обладающие им страны и военно-политические блоки, находящиеся в состоянии конфронтации, избегают тотальной мобилизации и милитаризации. С точки зрения АRONA, наиболее близко к реализации модели гарнизонного государства подошли Китай периода культурной революции (впрочем, в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина уже начался демонтаж этого наследия Mao) и Вьетнам после победы над американцами.

В современном мире, максимально приблизившемся к порогу новой мировой войны, фантом гарнизонного государства, как может показаться, вот-вот материализуется. Правда, попытки искать ему прямое соответствие на карте мира по-прежнему остаются недостаточно убедительными. Но есть, по меньшей мере, один аспект, заслуживающий особого внимания в рамках аналитики текущего международного кризиса. Это сближение и переплетение силовых и информационных элит в решении общей задачи – достижения военной и политической победы над противником. Метафорически можно сказать, что к концу первой четверти XXI в. лассуэловские «Технику пропаганды» и «Гарнизонное государство» надо читать как единый текст. Основная проблема и опасность состоит здесь в том, что комбинированная элита (ее можно назвать инфомилитократией) не является внешним демиургом ситуации, ведущей к военному и информационно-психологическому поражению противника. Эта элита находится внутри формируемой ситуации, она зависит от дальнейшего развития событий и особенно от порожденных ею страхов и ожиданий, причем свобода ее маневра ограничивается предыдущими действиями. К сожалению, в таком контексте идеи Лассуэлла остаются чрезвычайно актуальными.

Глава 11

ГАРОЛЬД ГОСНЕЛЛ И ЕГО ВКЛАД В РАСШИРЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Гарольд Фут Госнелл родился 24 декабря – в рождественский сочельник – 1896 г. в Локпорте (штат Нью-Йорк) в семье методистского проповедника. Детство, школьные годы и часть студенческих лет он провел в Рочестере (штат Нью-Йорк), откуда после получения степени бакалавра в местном университете в 1918 г. был ненадолго призван в армию. По окончании военной службы Госнелл продолжил образование, поступив в Чикагский университет на факультет политической науки, где в тот момент он оказался единственным аспирантом. Под руководством Чарльза Мерриами он подготовил и блестяще защитил диссертацию, которая в 1924 г. была опубликована¹ и произвела большой эффект в политологическом сообществе. «Антигероем» этой книги был политический босс Республиканской партии в штате Нью-Йорк Томас Платт (1833–1910), дважды избиравшийся в Палату представителей и трижды – в Сенат. Уникальность феномена Платта состояла отнюдь не в его длительном пребывании в стенах Конгресса. Благодаря отлаженной до совершенства механике внутрипартийного клиентелизма Платт, по его собственной оценке, выступил в качестве «политического крестного отца»² для целой когорты губерна-

---

* Впервые опубликовано: Ефременко Д.В. Гарольд Госнелл и Чикагская школа политологии // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 252–265.

¹ Gosnell H. Boss Platt and his New York machine; A study of the political leadership of Thomas C. Platt, Theodore Roosevelt, and others. – Chicago : The University of Chicago Press, 1924. – xxiv, 370 p.

² Platt T.C. The autobiography of Thomas Collier Platt. – New York : B.W. Dodge & Company, 1910. – 584 p.

торов штата, в числе которых был и будущий президент Теодор Рузвельт.

«Его условие – безусловная капитуляция». Томас Плэтт, предлагающий свой меч республиканского босса Нью-Йорка Теодору Рузвельту. Карикатура в журнале Puck (14.09.1898)

Госнелл не был пионером изучения «политических машин», но его исследования (включая и более позднее, посвященное функционированию политической машинерии в Чикаго¹) позволили раскрыть с максимальной полнотой суть этого феномена. Важ-

¹ Gosnell H. Machine politics: Chicago model. – Chicago : University of Chicago Press, 1937. – x, 229 p.

ное достоинство уже первой его книги состояло в комбинированном использовании техник опроса и сравнительного анализа, статистики и психологии¹. Впрочем, в части обращения со статистическими данными это был, скорее, первый и не самый убедительный опыт, тогда как более зрелые исследования Госнелла выгодно отличались мастерским использованием методов статистического анализа.

Сразу после защиты диссертации (1922) Госнелл начал преподавательскую и научную карьеру на факультете политической науки. Следуя в русле заявленной Мерриамом программы обновления дисциплины, Госнелл одновременно активно использовал инновационные подходы коллег, работавших на других факультетах, в частности Л. Тёрстоуна (факторный анализ), С. Стaufфера (методика опросных исследований), У. Огборна (статистический анализ социальных и политических данных), Р. Парка (изучение расовых отношений)². Новые подходы были реализованы в исследованиях электорального поведения американцев (первое из них подготовлено в соавторстве с Мерриамом), опубликованных в 1924 и 1927 гг.³ Две эти книги уместно рассматривать как дебют Чикагской политологической школы с ее бихевиоралистскими установками и ставкой на использование количественных методов.

Стоит особо остановиться на исследовании 1927 г. «Отказ от голосования», в рамках которого впервые в истории политической науки был поставлен эксперимент. Группа Госнелла опросила 6 тыс. жителей двенадцати районов Чикаго, собрав информацию о возрасте, материальном положении и политических предпочтениях. С учетом места жительства опрошенных Госнелл разделил выборку на экспериментальную и контрольную группы. Избирателям из экспериментальной группы было направлено большое количество разного рода уведомлений о необходимости зарегистрироваться на избирательном участке и проголосовать; члены контрольной группы таких уведомлений не получили. Затем Госнелл и его помощ-

¹ Brooks R.C. Boss Platt and his New York machine. By Gosnell Harold F. (Chicago : University of Chicago Press, 1924. P. xxiv, 370) // American Political Science Review. – 1924. – Vol. 18, N 3. – P. 627–629.

² Hansen J.M. Harold F. Gosnell // PS: Political Science & Politics. – 1997. – Vol. 30, Issue 3. – P. 583.

³ Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-voting: Causes and methods of control. – Chicago : University of Chicago Press, 1924. – 287 p.; Gosnell H.F. Getting out the vote: An experiment in the stimulation of voting. – Chicago : University of Chicago Press, 1927. – xi, 128 p.

ники собрали данные относительно избирательного поведения избирателей каждой из групп на президентских выборах 1924 г. и на выборах муниципальных советников (олдерменов) 1925 г., используя записи избирательных комиссий о явке и отчеты наблюдателей. В экспериментальной группе был зафиксирован лишь незначительный рост явки на президентских выборах и существенно большая активность на выборах муниципальных советников. По оценке Госнелла, информационные материалы и призывы голосовать оказали наибольшее воздействие на наименее образованных и информированных избирателей, в частности на чернокожих, женщин иностранного происхождения и белых с низким уровнем дохода. Эти выводы для своего времени были весьма ценными, но поистине инновационным был метод исследования. Согласно Дж. Хансену, данное исследование даже по прошествии многих десятилетий остается «одним из самых элегантных во всей политической науке»¹.

Гарольд Фут Госнелл

---

¹ Hansen J.M. Harold F. Gosnell // PS: Political Science & Politics. – 1997. – Vol. 30, Issue 3. – P. 583.

В 1930 г. Госнелл опубликовал сравнительное кросс-национальное исследование «Почему Европа голосует»¹ – одно из первых в своем роде, в котором проанализировал данные по явке избирателей на выборы в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии. Он уделял особое внимание выявлению взаимосвязи между пропорциональным представительством и активностью избирателей, аргументируя гипотезу, согласно которой именно система пропорционального представительства стимулирует явку. В то же время за скрупулезным анализом статистических данных и погружением в особенности электоральных систем каждой из стран у Госнелла стояло стремление осмыслить сущностные проблемы внутренней и внешней политики государств постверсальской Европы. Этот интерес, очевидно, сыграл свою роль в том, что со второй половины 1940-х годов он вплотную занялся международной аналитикой в качестве эксперта Государственного департамента.

Вне всяких сомнений, Госнелл внес выдающийся вклад в разработку и использование количественных методов в социальных исследованиях. При этом он занимал твердую позицию в дискуссиях 1920–1940-х годов об уместности и релевантности таких методов в познании политических феноменов. Описывая суть разногласий, Дэвид Истон называл ориентированных на работу с фактическими данными последователей программы Мерриамиа «гиперфактуалистами», которым противостояли те, кто отстаивал решающее значение социальной и политической теории².

В этом контексте статья Госнелла «Статистики и политические ученые»³ (1933), вполне может рассматриваться как своеобразная апология количественных методов. Разумеется, Госнелл избегает того, чтобы напрямую полемизировать с критиками и тем более – в чем-то оправдываться. Напротив, в информационно насыщенном тексте он стремится показать, что движение квантитивного анализа политических процессов набирает силу и ширится, его потенциал очень велик, а эвристическая значимость получаемых данных позволяет говорить о новых горизонтах политического познания.

---

¹ Gosnell H.F. Why Europe votes. – Chicago : The University of Chicago Press, 1930. – xiii, 247 p.

² Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.) Political science in America: Oral histories of a discipline. – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 201.

³ Госнелл Г.Ф. Статистики и политические ученые // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 266–281.

В 1935 г. вышла новая книга Госнелла «Негритянские политики: подъем негритянской политики в Чикаго»¹, к которой до сих пор активно обращаются исследователи расового измерения политической жизни Соединенных Штатов. Даже в XXI в. она включается в студенческие силлабусы во многих американских университетах.

Беспорядки на расовой почве в Чикаго в 1919 г.

В этой работе Госнелл обстоятельно рассмотрел особенности политической организации и лидерства в афроамериканском сообществе «города ветров», проследил его взаимодействие с политическими машинами двух основных партий и проанализировал опыт афроамериканцев, занятых в структурах городского управления, а также избранных в федеральные органы законодательной власти². Госнелл сумел убедительно показать, что фактор расовой солидарности играет ключевую роль в процессе политического

¹ Gosnell H.F. Negro politicians: The rise of negro politics in Chicago. – Chicago : University of Chicago Press, 1935. – xxv, 403 p.

² Точнее, в фокусе внимания Госнелла оказалась фигура О. де Прист – первого в истории афроамериканца, избранного в Палату представителей от одного из штатов американского Севера.

самоопределения афроамериканского сообщества, причем важнейшую роль в мобилизации избирателей играют церкви, чьими прихожанами являются главным образом чернокожие, а также негритянская пресса. Исследователь зафиксировал важные изменения в политических предпочтениях афроамериканцев, до начала 1930-х годов составлявших избирательный ресурс Республиканской партии. Однако благодаря мероприятиям Нового курса наметился явный сдвиг в политической лояльности афроамериканского сообщества в пользу демократов. Одновременно Госнелл зафиксировал и явный рост расового самосознания белых чикагцев, проявившийся на фоне растущей вовлеченности афроамериканцев в политическую жизнь города.

Исследование участия афроамериканцев в политических процессах способствовало росту популярности Госнелла в качестве преподавателя. В частности, Роберт Мартин – первый чернокожий в американском политологическом сообществе – целенаправленно стремился к подготовке докторской диссертации именно под руководством Госнелла как единственного в то время специалиста в Соединенных Штатах, в чью сферу научных интересов входила «черная политика»¹. Другой выпускник департамента, Дэвид Трумэн, впоследствии – президент Американской ассоциации политической науки, известный своим вкладом в развитие теории политического плюрализма, в письме Госнеллу (1980) вспоминал: «Это была замечательная группа студентов, во многом учившихся друг у друга, но реальные стимулы и творческая атмосфера были созданы Вами и Вашими коллегами... С тех пор не было другого подобного департамента политической науки ни в Чикаго, ни где-либо еще»².

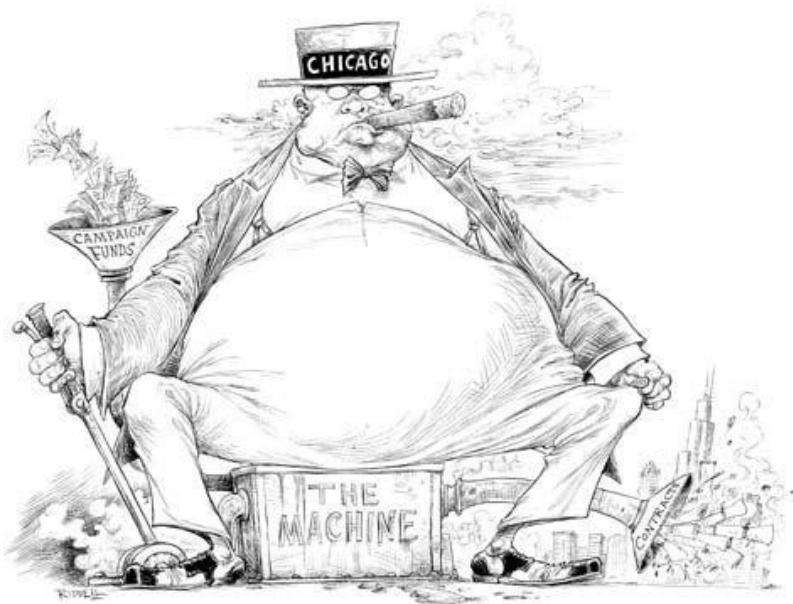
Как мы отметили чуть ранее, Госнелл продолжал разрабатывать тематику политических машин и в 1930-е годы. Обновленная постановка исследовательской проблемы представлена в его статье «Политическая партия vs политическая машина» (1933), а книга «Машинная политика: модель Чикаго» (1937) стала принципиальным продвижением в плане методологии по сравнению с «Боссом Платтом». Анализируя эффективность действия политических

---

¹ Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.) Political science in America: Oral histories of a discipline. – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 159.

² Цит. по: Bulmer M. The Chicago school of sociology. Institutionalization, diversity and the rise of sociological research. – Chicago : University of Chicago Press, 1984. – P. 204.

машин Демократической партии в Чикаго, Госнелл стремился выявить их влияние на различные группы избирателей с теми или иными характеристиками (пол, образование, материальный статус, занятость). Для решения этой задачи исследователь применял методы частичной корреляции и факторного анализа, осуществляя расчеты с использованием пяти регрессоров. Уильям Огборн – несомненный лидер той эпохи в использовании статистических данных и количественных методов в социальных науках, оказавший на Госнелла значительное влияние, писал в предисловии к «Машинной политике»: «Вероятно, работа доктора Госнелла станет сигналом к общему движению вперед, которое, безусловно, окажется однажды неизбежным в перспективной области политической науки»¹.

Как работает политическая машина Чикаго.
Карикатура 1920-х годов

---

¹ Gosnell H.F. Machine politics: Chicago model. – Chicago : University of Chicago Press, 1937. – P. XXIV.

Огборн оказался прав. Но прогресс в использовании количественных методов в политических исследованиях нельзя связать только с индивидуальным вкладом Госнелла. Бихевиоралистский поворот – центральное направление усилий adeptov Чикагской школы политической науки 1920 – начала 1940-х годов – поставил в центр внимания исследователей политическое поведение массовых групп и тем самым актуализировал поиск измеримых показателей этого поведения, связанных прежде всего с участием в электоральных процедурах. Впоследствии подобным образом и лингвистический поворот в социальных науках дал мощный толчок развитию перспективных исследовательских методологий. И даже когда Истон в 1970 г. заявил об исчерпании программы бихевиоралистской революции¹, имея в виду усвоение политологическим сообществом ее основных принципов и одновременно преодоление установки на перестройку политической науки на основе модели естественно-научного знания, ценность сформированного при активном участии Чикагской школы методического инструментария под сомнение не ставилась. Другое дело, что этот инструментарий (*техника*, в терминах Истона) не должен подменять сущность политического.

Насколько можно судить, наиболее значимые исследования Госнелла, опубликованные во второй половине 1930-х годов, отразили и его практическую вовлеченность в избирательные кампании на уровне города. Госнелл несколько раз выступал в качестве политического консультанта и даже фактического руководителя избирательных штабов ряда чикагских политиков, баллотировавшихся в олдермены (муниципальные советники). Его опыт политтехнолога по большей части удачным не был, но зато Госнелл во всех деталях смог познакомиться с реальной силой местных политических машин Демократической и Республиканской партий (к последней он формально принадлежал, хотя на практике очень часто действовал вразрез с партийной линией).

Однако достигнув расцвета как исследователь, Госнелл столкнулся с тем, что его достижения не находят соизмеримого признания в Чикагском университете. Гэбриел Алмонд так рассказывал об этом: «Гарольд Госнелл был очень застенчивым и скромным человеком, которого в то время явно недооценивали. Тот факт, что он был столь погружен в количественный анализ, рас-

---

¹ Easton D. The new revolution in political science // Acta Politica. – 1970. – Vol. 5, N 2. – P. 208–221.

сматривался как чисто техническое достижение, несравнимое с теми видами исследований, которые проводились другими членами департамента. Он был просто очень продуктивен, одна книга за другой, но на самом деле его не воспринимали всерьез. На самом деле его не считали фигурантом большого творческого и фундаментального значения»¹.

Госнелл так и не получил в Чикаго профессорскую должность. Казалось, что на факультете политической науки ему (особенно после отъезда из Чикаго Лассуэлла) все же предстояло стать преемником Мерриама. Однако конфликт между Мерриамом и президентом университета Робертом Хатчинсоном, нараставший на протяжении 1930-х годов, сделал этот естественный ход событий крайне маловероятным. Хатчинс весьма неделикатно упрекал Мерриама в том, что он заполнил департамент «монументами своим преходящим капризом»², характеризуя таким образом эмпирические исследования Лассуэлла и Госнелла. В результате вслед за Лассуэллом Госнелл стал рассматривать варианты продолжения карьеры за пределами Чикагского университета. В 1941 г. он взял продолжительный отпуск, чтобы получить возможность работать в структурах федерального правительства. Сначала это было Бюро по управлению ценообразованием (Office of Price Administration). Спустя год, уже после вступления США во Вторую мировую войну, Госнелл принял решение окончательно перейти на государственную службу (с 1942 по 1946 г. – в Бюро по бюджету) и подал в отставку с преподавательской должности в Чикаго. Но даже работая в федеральных ведомствах, он продолжал публиковать значимые исследования³, подготовка которых была начата еще в Чикагском университете.

В 1942 г. Госнелл опубликовал статью «Символы национальной солидарности»⁴, которая стала реакцией ученого на нападение Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. и вступление США во Вторую мировую войну. Он рассмотрел в этой статье

¹ Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.) Political science in America: Oral histories of a discipline. – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 125.

² Karl B.D. Charles E. Merriam and the study of politics. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – P. 286.

³ Gosnell H.F. Grass roots politics. – Washington, D.C. : American Council of Public Affairs, 1942. – 195 p.; Gosnell H.F. Democracy: The threshold of freedom. – New York : The Ronald Press Company, 1948. – 336 p.

⁴ Госнелл Г.Ф. Символы национальной солидарности // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 338–348.

ключевые проблемы сплочения американского общества в условиях военного кризиса. Принимая во внимание базовые идеи символического интеракционизма, Госнелл относит к символам национальной солидарности вербальные и невербальные репрезентации, формирующие у граждан чувство лояльности их государству. Госнелл выстраивает свой анализ вокруг провозглашенных президентом США Франклином Рузвельтом «четырех свобод» – свободы выражения мнений, свободы вероисповедования, свободы от нужды и свободы от страха. Сфокусировав внимание на «проблемных» с точки зрения национального сплочения расовых и этнических группах – афроамериканцах, эмигрантах – выходцах из стран, с которыми США находились в состоянии войны, Госнелл показал, что значимой составляющей военного и политического успеха является способность правительства объяснить различным группам, что будут означать для них победа или поражение в войне.

В том же 1942 г. Госнелл подготовил конфиденциальный доклад для администрации Рузвельта «Третий Интернационал об изменениях в его политике». Текст доклада можно найти в архиве Госнелла (box 69, folder 11), хранящемся в библиотеке Чикагского университета¹. Для исследователей, изучающих подоплеку решения И.В. Сталина распустить Коминтерн в качестве жеста, направленного на укрепление доверия между союзниками по антигитлеровской коалиции, данный доклад может иметь немалую ценность. Еще больше внимания отношениям с СССР Госнелл стал уделять во второй половине 1940-х годов, перейдя на службу в историко-аналитическое подразделение Госдепартамента и одновременно – в особое подразделение Американского университета в Вашингтоне – исследовательский офис специальных операций, чей тематический профиль включал ведение психологической борьбы, изучение опыта партизанских войн и антипостанческой стратегии.

В 1960 г. Госнелл оставил государственную службу, а в 1962 г. принял приглашение своего бывшего докторанта Роберта Мартина занять профессорскую должность в университете Говарда в Вашингтоне. Там он вернулся к изучению участия афроамериканцев в политической жизни США, что было чрезвычайно актуальным в условиях развертывания массового движения за гражданские пра-

---

¹ Guide to the Harold F. Gosnell Papers 1886–1997 // The University of Chicago Library. – URL: <https://www.lib.uchicago.edu/e/scrc/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.GOSNELLHF#idp152126792> (accessed: 24.03.2023).

ва чернокожих. Свою преподавательскую деятельность Госнелл завершил в 1970 г.

Последними крупными научными трудами Госнелла стали политические биографии президентов Франклина Рузвельта¹ и Гарри Трумэна², хотя между публикацией первой и второй прошло почти 13 лет. Через обе книги красной линией проходит тема работы этих лидеров с избирателями, отражающая давний исследовательский приоритет автора. Но в биографии Рузвельта, которого Госнелл представляет чемпионом электоральных кампаний, эта тема абсолютно доминирует, тогда как мероприятия Нового курса предстают лишь фоном, хотя именно их содержательные результаты имели определяющее значение для президентских выборов 1936 г. (в значительной степени – для выборов 1940 г.), а также выборов в Конгресс 1934 и 1938 гг. Опубликованная в 1980 г. биография Трумэна, в 2,5 раза превышающая по объему книгу о Рузвельте, выглядит более сбалансированной. Глава о втором президентском сроке Трумэна содержит много ценной фактологической информации и наблюдений, отразивших, очевидно, инсайдерский опыт Госнелла в Госдепартаменте.

В 1995 г., еще при жизни Госнелла, Секция политической методологии Американской ассоциации политической науки учредила в его честь специальную премию (Harold F. Gosnell Prize of Excellence). Премия Госнелла ежегодно присуждается тем исследователям, которые на конференции APSA представили лучший доклад с точки зрения методологии. Такая оценка вклада Госнелла стала признанием его выдающихся достижений в практическом применении количественных методов анализа в политических исследованиях.

Гарольд Госнелл умер 8 января 1997 г., за две недели до смерти отметив свою столетнюю годовщину.

---

¹ Gosnell H.F. Champion Campaigner. Franklin D. Roosevelt. – New York : The Macmillan Company, 1952. – 252 p.

² Gosnell H.F. Truman's Crises: A Political Biography of Harry S. Truman. – Westport, Conn. : Greenwood Press, 1980. – 656 p.

Глава 12

ЛЕОНАРД УАЙТ И ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ*

Леонард Дюпи Уайт родился 17 января 1891 г. в Эктоне, штат Массачусетс. После получения магистерской степени во входящем в Лигу плюща Дартмутском колледже с 1915 по 1918 г. Уайт работал инструктором в Университете Кларка, а затем снова в Дартмуте в качестве помощника профессора. Его исследовательские приоритеты были связаны с государственным управлением. Судя по всему, выбор этой области политических исследований был обусловлен теми вызовами, с которыми столкнулось государственное администрирование в США и других странах в годы Первой мировой войны¹. В 1920 г. он познакомился с Чарльзом Мерриамом, который пригласил его в Чикагский университет, где Уайт продолжил научную и преподавательскую деятельность на факультете политической науки. При этом Мерриам, сам мало интересовавшийся деталями государственного управления, настоятельно рекомендовал Уайту познакомиться на практике с предметом его исследований. Следуя этому совету, Уайт активно участвовал в работе комиссий, осуществлявших гражданский контроль за деятельностью городских служб, в том числе чикагской полиции.

В 1922 г. Уайт, только что защитивший докторскую диссертацию, организовал неформальный ужин на полях ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки, проходившей в Чикаго. Во встрече приняло участие очень небольшое

---

* Впервые опубликовано: Ефременко Д.В. Леонард Уайт и его вклад в исследования государственного управления // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 112–122.

¹ Gaus J.M. Leonard Dupee White 1891–1958 // Public Administration Review. – 1958. – Vol. 18, N 3. – P. 231.

количество исследователей, в чью сферу научных интересов входило государственное управление¹. Однако несмотря на скромные масштабы мероприятия, Уайту удалось главное – сформировать ядро будущей исследовательской сети. Она в дальнейшем достаточно быстро разрасталась, причем в немалой степени – за счет учеников Уайта.

Леонард Дюпи Уайт

В 1926 г. Уайт выпустил учебное пособие «Введение в исследование государственного управления», которое для своего времени считалось эталонным и выдержало на протяжении 30 лет четыре издания (каждое последующее – с исправлениями и дополнениями). Рассматривая государственное управление как распоряжение «людьми и материалами для достижения целей государства», Уайт фиксировал следующие принципы разработки темы:

– государственное управление представляет собой единый процесс, содержательно единый в своих базовых характеристиках, в связи с чем нет необходимости жестко разделять его на муници-

---

¹ Gaus J.M. Leonard Dupee White 1891–1958 // Public Administration Review. – 1958. – Vol. 18, N 3. – P. 232.

пальное управление, управление на уровне штатов и федеральное управление;

– его изучение должно начинаться с рассмотрения основ самого управления, а не его юридических аспектов (в том числе решений судебных инстанций)¹;

– государственное управление по-прежнему является искусством, но при этом необходимо стремиться к его трансформации в науку;

– управление стало и будет оставаться впредь центральной проблемой деятельности современных правительств².

Уайт не стремился в данной работе к созданию оригинальной теории государственного управления, но видел свою задачу в «выстраивании упорядоченной системы взаимосвязей», позволяющей «представить проблему» и найти продуктивные способы ее решения³. Признавая необходимость отделить политику от управления, автор констатировал, что администратор в любом случае действует в политическом окружении и испытывает на себе влияние многих политических факторов. Данные вопросы Уайт обсуждает и в статье «Политика и гражданская служба» (1933)⁴.

Следует отметить, что знакомство со статьей требует известного погружения в американский политико-административный контекст последней трети XIX – первой трети XX в. Уайт начинает с упоминания о юбилее Акта Пендлтона, принятого Конгрессом в 1883 г. Акт Пендлтона вводил принцип опоры на заслуги при назначении на административные должности. Тем самым наносился удар по одной из опор политической коррупции – клиентелизму, сопровождавшему доминирование политических машин в системе власти⁵.

---

¹ Тем самым Уайт выступил решительным оппонентом Вудро Вильсона, который рассматривал государственное управление как «детальное и систематическое исполнение публичного права» (Wilson W. The study of administration // Political Science Quarterly. – 1887, N 2. – P. 214).

² White L.D. An introduction to the study of public administration. – New York : Macmillan, 1926. – P. vii–viii.

³ Ibid. – P. viii.

⁴ White L.D. Politics and civil service // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1933. – Vol. 169, N 1. – P. 86–90.

⁵ Отметим, что статья Л. Уайта была опубликована в том же выпуске «Анналов Американской академии политических и социальных наук», что и статья

S. 188.

Enrolled [Public No 16]

Forty-Seventh Congress of the United States of America;

At the Second Session,

Began and held at the City of Washington on Monday, the *first* day of December, one thousand eight hundred and eighty-two.

AN ACT

To regulate and improve the civil service of the United States.

Be it enacted by the Senate and House of Representatives of the United States of America in Congress assembled,
That the President is authorized to appoint, by and with the advice and consent of the Senate, three or more members of whom shall be adherents of the same party as Civil Service Commissioners, and said commissioners shall constitute the United States Civil Service Commission. Said commissioners shall hold no other official place under the United States.

The President may remove any Commissioner, and may remove in the position of Commissioner, shall be filled by the President, by and with the advice and consent of the Senate, so to conform to said conditions for the full selection of Commissioners.

The Commissioner shall each receive a salary of three thousand five hundred dollars a year. And each of said Commissioners shall be given his necessary traveling expenses incurred in the discharge of his duty as a Commissioner.

Sec. 2. That it shall be the duty of said Commissioners:

First. To give the President, as he may request, in preparing suitable rules for carrying this act into effect, and when such rules shall have been promulgated it shall be the duty of all officers of the United States in the departments and offices to which my such rules may relate to use, in all proper ways, in carrying said rules and any modifications thereof, into effect.

Second. And, among other things, said rules shall provide and declare, as nearly as the nature of government will permit, as follows:

Third. To give complete information concerning the fitness of applicants for the public service now classified or to be classified hereunder, such examinations shall be pursued in their character, as far as may be, shall relate to the matters which will fairly test the relative capacity and fitness

Первая страница Акта Пенделтона, принятого 16 января 1883 г.

(Enrolled acts and resolutions of Congress, General records
of the United States Government, 1789–1996; Record group 11;
National Archives)

Уайт положительно оценивает результаты действия Акта Пенделтона, полагая, что меритократический подход позволил освободить от политического вмешательства и порочного круга покровительства целые сектора административных работников. В итоге по крайней мере лучшие образцы американской государственной службы стали полностью соответствовать мировым стандартам, а масштаб произошедших изменений автор охарактеризовал как революцию. При этом он отмечал, что по состоянию на начало 1930-х годов наиболее высоким престижем пользуется федеральная служба, тогда как престиж службы в органах власти

Г. Госнелла «Политическая партия versus политическая машина». Тема выпуска была заявлена как «Кризис демократии».

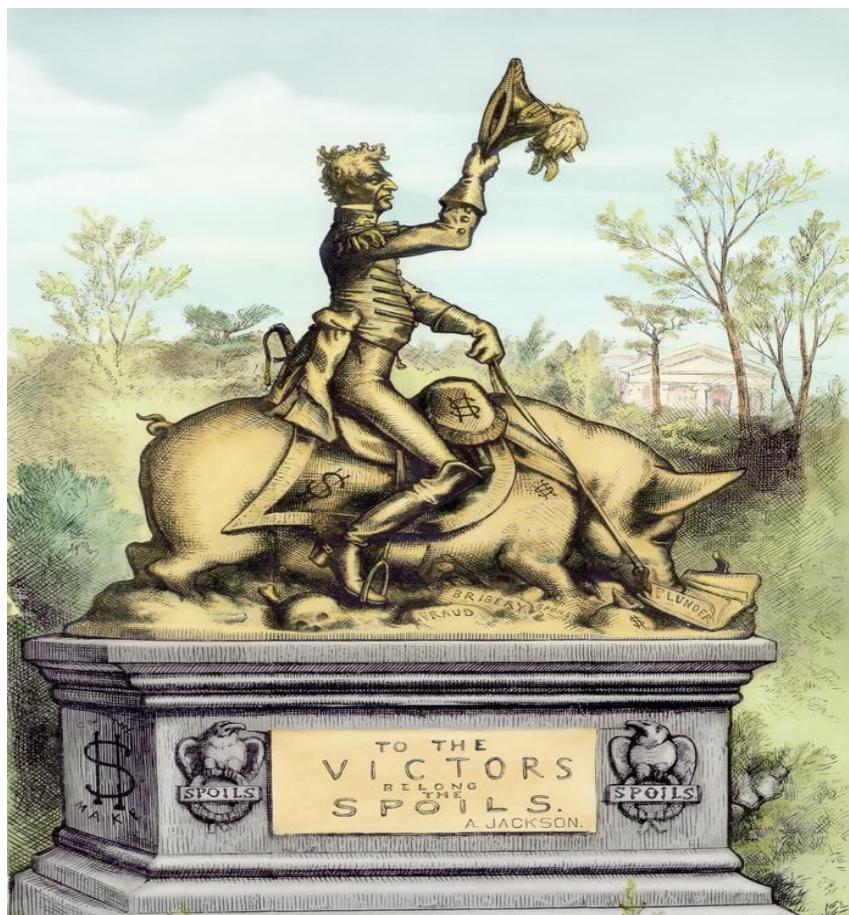
штатов и особенно городов оказывается ощутимо ниже. Последнее, по мнению Уайта, связано с тем, что меритократические принципы утверждались в разных штатах далеко неравномерно, а в крупных городах с их мощными политическими машинами все еще ведется «окопная война» с покровительством. В частности, Уайт обращал внимание на тревожные попытки отмены или ревизии в отдельных штатах законодательства о заслугах, предпринимавшиеся Демократической партией.

Рассматривая далее перспективы укрепления меритократической системы, Уайт фокусировал внимание на группах интересов, выступающих за или против принципа назначения на административные должности в соответствии с заслугами. Очевидными сторонниками этой системы являются существующие организации гражданских служащих и профессиональные группы государственных чиновников. Последние не действуют напрямую, но вполне способны формировать благоприятные условия для укрепления меритократической системы, задавая стандарты профессиональной квалификации.

В то же время позиция ведущих американских партий относительно окончательного искоренения патронажа оставалась противоречивой, поскольку это означало отказ от одного из наиболее эффективных инструментов партийного влияния. Итоговый вывод статьи, однако, не слишком оптимистичен: Уайт уверен, что ведущие партии будут стремиться сохранить систему покровительства и лояльности чиновников-назначенцев до тех пор, пока это допускает закон, терпят избиратели, а сами партии не найдут альтернативных инструментов политического влияния.

С начала 1930-х годов Уайт, подобно Мерриаму и другим ключевым фигурам чикагской политологической школы, активно участвовал в экспертной деятельности на федеральном уровне. Он был включен президентом Гувером в состав Комитета по изучению социальных тенденций, где отвечал за подготовку аналитических материалов по проблематике государственного управления. По оценке Уайта, американская система государственного управления, подобно всем другим административным системам, отражает собственную окружающую среду. Однако американская система, в отличие от административных систем ведущих европейских стран, не претерпела значительных изменений, хотя ее социальное

окружение изменилось очень сильно¹. Тем самым Уайт обосновывал необходимость дальнейших реформ, включая более решительное избавление от наследия политического патронажа.

«Добыча достается победителю». Карикатура Т. Наста (1877), высмеивающая основной принцип патронажной системы, утвердившейся в США со времен президентства Э. Джексона (1829–1837). Карикатурист обыгрывает конный памятник Джексону на Лафайет-сквер в Вашингтоне

¹ White L.D. Trends in public administration. President's Research Committee on social trends. – York, PA : Maple Press Company, 1932. – P. 3.

В 1932 г. Уайт в течение нескольких месяцев находился в Великобритании, где изучал опыт работы советов Уитли (Whitley Councils). В 1917 г. под председательством члена Палаты общин Джона Генри Уитли (в 1921–1928 гг. – спикер этой палаты) был сформирован комитет для изучения взаимоотношений между трудящимися и работодателями. В соответствии с рекомендациями комитета, под влиянием роста социальной напряженности и примера большевистской революции в России, с 1919 г. начали создаваться так называемые советы Уитли – органы социального партнерства, позволяющие поддерживать устойчивый диалог между сторонами трудовых конфликтов. Принцип работы этих советов был распространен и на другие сферы, в частности на гражданскую службу (с 1919 г.), что, разумеется, представляло для Уайта особый интерес. Он стал убежденным сторонником британского опыта, обеспечившего институционализацию механизмов переговоров, сотрудничества, арбитража и координации между правительством и гражданскими служащими. По оценке Уайта, система Уитли породила «обширную сеть соглашений», определивших условия службы почти 300 тыс. британских административных работников¹.

По возвращении в США Уайт получил весьма лестное предложение от Гарольда Икеса, министра внутренних дел в администрации Франклина Рузвельта, занять вакантную должность члена Комиссии по гражданской службе от Республиканской партии. Приняв предложение и вступив в должность в начале февраля 1935 г., Уайт должен был выработать определенную тактику в отношении действий президента и Демократической партии, касающихся закрепления меритократического подхода при назначении на административные должности. Достаточно мощные группы влияния в Демократической партии стремились к возврату к патронажной системе, сам президент явно колебался. Уайт предпочел не критиковать Рузвельта, но акцентировать те высказывания президента, в которых он заявлял о поддержке меритократического принципа. Пытаясь таким способом представить FDR в качестве своего единомышленника, Уайт развернул целую кампанию в поддержку профессиональной государственной службы. Его усилия способствовали тому, что в 1938 г. Рузвельт своим указом перевел 100 тыс. административных должностей на федеральном уровне из патронажной в меритократическую систему.

---

¹ White L.D. Whitley Councils in the British civil service. – Chicago : The University of Chicago Press, 1933. – P. 334.

Во второй половине 1930-х годов, как мы уже отмечали выше, обстановка в Чикагском университете становилась все более неблагоприятной для возглавляемого Мерриамом научного направления. Прошли времена, когда он в наступательной манере мог предлагать руководству университета и меценатам стратегически ориентированные проекты; теперь ему все больше приходилось обороняться. К тому же неумолимо приближался срок, когда Мерриам должен был сложить с себя полномочия руководителя факультета политической науки. После фактического выдавливания из университета Лассуэлла и Госнелла, Леонард Уайт оставил практически безальтернативным преемником «шефа». В свою очередь, руководством университета Уайт мог рассматриваться в качестве наименее неприемлемого из учеников Мерриами. Тем не менее, как рассказывает Х. Притчетт, президент университета Хатчинс отказался утвердить Уайта в должности руководителя факультета. Хатчинс настоял на том, чтобы факультетом руководила «тройка», двое членов которой служили бы противовесом Уайту. На деле замысел Хатчинса не вполне удался, и фактическое руководство оставалось за Уайтом¹.

Однако в силу ряда объективных и субъективных причин Уайт не сумел обеспечить преемственность в отношении программных установок Мерриами. Лассуэлл и Госнелл уже прервали устойчивую связь с университетом; с началом Второй мировой войны многие сотрудники факультета надолго (в нескольких случаях – навсегда) покинули Чикаго. Лишь четыре преподавателя читали лекции и вели занятия со студентами – сам Леонард Уайт, Херманн Притчетт, Джерри Керри и Ганс Моргентау. Моргентау – «отец политического реализма» в теории международных отношений – начал работать в Чикагском университете в 1943 г. и уже никак не был связан с традицией Мерриами. В дальнейшем кадровая эклектика становилась еще более сильной, особенно если поддержку ей оказывало руководство на уровне университета.

С субъективной точки зрения Леонард Уайт проделывал эволюцию как исследователь, постепенно уводившую его не столько даже от программы «новой науки о политике», сколько от политической науки как таковой. К Мерриаму он сохранял полный пietет и даже подготовил в 1942 г. в его честь сборник-эссе веду-

---

¹ Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.) Political science in America: Oral histories of a discipline. – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 110.

ших авторов Чикагской политологической школы¹. В своей собственной статье в этом сборнике он изложил взгляды на пути трансформации американской системы государственного управления в ближайшие два десятилетия, а также на перспективы формирования структурных элементов мирового правительства после неизбежной победы антигитлеровской коалиции. Но обсуждая возможное будущее, Уайт все более тяготел к исследованию прошлого.

Особый и постоянно возраставший интерес Уайта к истории увенчался созданием *Opus magnum* – четырехтомной «Административной истории Соединенных Штатов². Он использовал широкий круг источников, в том числе неопубликованные официальные документы, дневники чиновников и государственных деятелей, приватную переписку. Впечатляющий успех этого труда привел к тому, что сегодня Уайта чаще называют историком, а не политологом³.

Стоит отметить, что первый том – «Федералисты», посвященный истории административного управления в США в период президентств Джорджа Вашингтона и Джона Адамса (1789–1801), был опубликован почти одновременно с выходом двух фундаментальных работ по проблемам административного управления. Автором одной из них был Герберт А. Саймон, представитель младшей когорты Чикагской школы политических исследований, впоследствии – лауреат Нобелевской премии по экономике (1978). Его книга «Административное поведение»⁴, основу которой составила диссертация, защищенная в Чикагском университете в 1942 г., с полным основанием может считаться парадигмальной основой исследовательского подхода, рассматривающего государственное

---

¹ White L.D. (ed.). Essays in honor of Charles E. Merriam: The future of government in the United States. – Chicago : The University of Chicago Press, 1942. – ix, 274 p.

² White L.D. The Federalists: A study in administrative history. – New York : Macmillan, 1948. – 538 p.; White L.D. The Jeffersonians: A study in administrative history, 1801–1829. – New York : Macmillan, 1951. – 572 p.; White L.D. The Jacksonians: A study in administrative history, 1829–1861. – New York : Macmillan, 1954. – 612 p.; White L.D. The Republican Era, 1869–1901: A study in administrative history. – New York : Macmillan, 1958. – 420 p.

³ Так характеризует Уайта статья в англоязычной Википедии, впрочем, весьма краткая и малоинформативная ([URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Leonard_D._White](https://en.wikipedia.org/wiki/Leonard_D._White) (accessed: 30.03.2023)); статья в электронной Британнике представляет Уайта как историка и политолога ([URL: https://www.britannica.com/biography/Leonard-Dupree-White](https://www.britannica.com/biography/Leonard-Dupree-White) (accessed: 30.03.2023)).

⁴ Simon H.A. Administrative behavior: A study of decision-making processes in administrative organization. – New York : Macmillan, 1947. – 258 p.

управление в контексте человеческого поведения (и, следовательно, тесно связанного с социальной психологией). Подход Саймона позволяет выстраивать науку государственного управления вокруг тезиса об ограниченности человеческой рациональности, с учетом которого оптимальной является та стратегия управления, которая ведет к наиболее полному достижению поставленных целей. Однако выбор такой стратегии в любом случае будет происходить в условиях неполного и приблизительного знания об имеющихся альтернативах.

С минимальным временным лагом на прилавках американских книжных магазинов появилась еще одна фундаментальная работа о государственном управлении, ставшая базисом противоположной парадигмы. Речь идет о книге Дуайта Уолдо «Административное государство»¹, также основанной на недавно защищенной диссертации (правда, не в Чикагском, а в Йельском университете). Уолдо анализирует противоречия между бюрократией и демократией, отягощенные тем, что в странах, подобных Соединенным Штатам, профессионалы государственной службы обязаны защищать демократические принципы. По мнению Уолдо, эти противоречия разрешимы, если государственные служащие стремятся найти баланс между эффективным управлением, правовыми нормами и общественными интересами. Соответственно, государственное управление качественно отличается от бизнес-менеджмента, поскольку помимо эффективности должно учитывать общественное мнение и доминирующие ценности. При этом Уолдо был весьма критичен в отношении работ предшественников, включая и Леонарда Уайта с его фокусировкой на принципах государственного управления.

Ретроспективно можно сказать, что «Административная история» Уайта оказалась в тени работ и последовавших вслед за их публикацией дебатов Саймона и Уолдо (1952)². Однако есть достаточно оснований согласиться с мнением А. Робертса, который ставит труд Уайта в один ряд с книгами Саймона и Уолдо, причем не в силу его бесспорных достоинств как исторического исследова-

---

¹ Waldo D. The administrative state: a study of the political theory of American public administration. – New York : Ronald Press Co, 1948. – VIII, 248 p.

² Waldo D. Development of theory of democratic administration // American Political Science Review. – 1952. – N 46, March. – P. 81–103; Simon H.R. “Development of theory of democratic administration”: Replies and comments // American Political Science Review. – 1952. – N 46, June. – P. 494–496; Waldo D. “Development of theory of democratic administration”: Replies and comments // American Political Science Review. – 1952. – N 46, March. – P. 501–503.

ния, но благодаря аналитическому методу изучения макродинамики административного развития¹. Благодаря этому методу историческая реконструкция эволюции государственного управления позволила учесть изменения политической и экономической структуры США с конца XVIII до начала XX в., трансформацию международного порядка, социокультурные факторы, развитие коммуникационных и организационных технологий. Немаловажно, что в тетралогии Уайта можно вычленить аргументацию, близкую к основным аргументам будущих теорий зависимости от пути предшествующего развития (path dependency).

Подготовка Уайтом первого тома «Административной истории» пришла на период руководства факультетом политической науки. Когда в 1948 г. после медицинского обследования личный врач настоятельно рекомендовал Уайту значительно сократить нагрузки, он без колебаний отказался от руководства факультетом в пользу продолжения работы над «Административной историей». В результате последующие тома тетралогии объемом две тысячи страниц выходили с интервалом в три-четыре года.

В октябре 1956 г. Леонард Уайт вышел на пенсию, оставаясь заслуженным профессором Чикагского университета. Несмотря на онкологическое заболевание, он продолжал работать над «Административной историей». Уайт ушел из жизни 23 февраля 1958 г. в возрасте 67 лет. Спустя несколько недель вышел последний том его тетралогии, за который Уайту вместе с помогавшей ему Дж. Шнайдер была присвоена Пулитцеровская премия в области работ по истории.

---

¹ Roberts A. The path not taken: Leonard White and the macrodynamics of administrative development // Public Administration Review. – 2009, July-August. – P. 764–775.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА: САДЫ РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОПОК

Еще не докопавшись до этого письма, я спрашивал себя, как может книга быть бесконечной... Теряясь в догадках, я получил из Оксфорда письмо, которое вы видели.

Естественно, я задумался над фразой: «Оставляю разным (но не всем) будущим временам мой сад расходящихся тропок». И тут я понял, что бессвязный роман и был «садом расходящихся тропок», а слова «разным (но не всем) будущим временам» натолкнули меня на мысль о развилах во времени, а не в пространстве. Бегло перечитав роман, я утвердился в этой мысли. Стоит герою любого романа очутиться перед несколькими возможностями, как он выбирает одну из них, отметая остальные; в неразрешимом романе Цюй Пэна он выбирает все разом. Тем самым он творит различные будущие времена, которые в свою очередь множатся и ветвятся.

Хорхе Луис Борхес. Сад расходящихся тропок (1941)¹

Близость и взаимное влияние социологической и политологической школ Чикагского университета проявились даже в том, что завершение периода их активности и продуктивности было почти синхронным – оно датируется второй половиной 1930-х или началом 1940-х годов. Для чикагской политологии очевидным рубежом стало завершение лидером школы руководства факультетом (1940); в отношении социологии часто упоминают уход из Чикагского университета Р. Парка (1933), но, насколько можно судить, это событие не имело для самой социологической школы немедленных последствий, хотя и открыло этап ее постепенного заката. Немало черт сходства присутствует и в дискуссиях о научном наследии каждой из школ и его значении для развития соответ-

¹ Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок. – Москва : Азбука, 2022. – С. 124.

ствующих дисциплин. В то же время событийная канва, связанная с завершением эпохи Мерриамиа в американской политической науке, отличалась большей драматичностью.

* * *

Уже в начале XXI в. развернулась дискуссия о судьбе Чикагской школы политологии и ее значении для политического знания. Дискуссию начал Гэбриел Алмонд, заявивший, что влияние школы Мерриамиа признается повсеместно, за исключением самого Чикагского университета, где даже в дни юбилейных торжеств превозносят достижения социологической и экономической школ, но умалчивают о заслугах политологов¹. По его мнению, такая позиция даже десятилетия спустя отражает болезненную травму, связанную с конфликтом Мерриамиа и Хатчинса.

Отвечая Алмонду, Кристен Монро, профессор Калифорнийского университета в г. Ирвин, предложила различать два этапа в развитии политологии в Чикагском университете². Первый этап, или Чикаго I, – это эпоха Мерриамиа, его ближайших учеников и соратников. Несколько сужая интенции Чикаго I, Монро характеризовала ее представителей как сторонников социологического подхода, ориентированного на проведение полевых исследований. Основная заслуга Чикаго I состоит в разработке работоспособной альтернативы доминировавшим ранее историческим и легалистским подходам в политической науке и широком внедрении эмпирических методов исследования. Монро полагала, что завершение этапа Чикаго I можно связать уже с уходом Лассуэлла с факультета политической науки.

Начало нового этапа, или Чикаго II, Монро относит к послевоенному времени, когда факультет стал наполняться учеными и преподавателями, не связанными с традициями Мерриамиа. Часть из них – так называемые младотурки (Дэвид Истон, Мортон Каплан, Леонард Биндер) – были вдохновлены атмосферой исследовательского поиска Чикаго I и в особенности бихевиоралистской программой, но стремились к радикальному переосмыслению этого

---

¹ Almond G.A. Who lost the Chicago school of political science? // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

² Monroe K.R. The Chicago school: forgotten but not gone // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 95–98.

аспекта наследия Мерриами. Другая часть новых сотрудников факультета во главе с Лео Штраусом выступала в качестве открытых антагонистов эмпирической направленности политических исследований, характерной для Чикаго I. Появление Штрауса на факультете политической науки, состоявшееся вскоре после ухода со своего поста Леонарда Уайта в 1948 г., можно даже рассматривать как своего рода инвазивную акцию. По словам Херманна Притчетта, возглавившего факультет после Уайта, происходило это следующим образом.

«Мы не могли заменить Мерриами как теоретика¹. Но затем до нас стали доходить известия о Лео Штраусе из Новой школы в Нью-Йорке. Было решено, что он должен приехать, и мы должны с ним познакомиться. Он приехал летом 1948 года. Ганс Моргентау, исполнявший обязанности руководителя [факультета] в то лето, отвел Лео в офис Хатчинса и оставил его там. К моменту, когда он вышел оттуда, спустя полчаса, Хатчинс назначил Штрауса членом кафедры, полным профессором с зарплатой, превышающей все остальные на кафедре. Это было довольно неожиданно для нас, так как большинство членов факультета почти ничего не знали о Лео. И в самом деле, Чарльз Мерриам, который все еще занимал свой пост на кафедре в качестве почетного профессора, спрашивал: «Кто такой Лео Штраус?» Было очень интересно, что человек даже и не слышал о том, кто должен был занять его кафедру. Разумеется, их подходы к теории были совершенно разными. Штраус был теоретиком ценностей и аналитиком классических текстов, тогда как Мерриам был историком и больше интересовался применением теории к текущим проблемам»².

В сущности, как видно из предыдущего изложения, без Лас-суэлла и Госнелла Чикаго I предстояла быстрая кадровая и содержательная эрозия, что и произошло в первой половине 1940-х годов. Становление Чикаго II (если следовать классификации Монро) разворачивалось в позиционном противостоянии между штраусианцами (Алмонд характеризовал их как «секту»³) и «младотурками», которое дополнительно отягощалось полемикой со сторонниками теории рационального выбора, чьей опорой был факультет

---

¹ Имеется в виду преподавание курса политической теории.

² Baer M.A., Jewell M.E., Sigelman L. (eds.) Political science in America: Oral histories of a discipline. – Lexington : The University Press of Kentucky, 1991. – P. 111.

³ Almond G.A. Who lost the Chicago school of political science? // Perspectives on politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 92.

экономики Чикагского университета (здесь стоит отметить и примечательный факт «миграции» Герберта Саймона, сформировавшегося в качестве исследователя еще внутри Чикаго I, к пропонентам рационального выбора).

Можно сказать, что конструкт Монро позволяет описать судьбу сформированного под влиянием Чарльза Мерриами научного движения в политологии несколько менее драматично, чем это виделось Алмонду. Во всяком случае, в этой оптике между Чикаго I и Чикаго II сохраняется интеллектуальная эстафета, связанная с развитием бихевиорализма, а затем, после своеобразного финального аккорда Истона¹, с распространением постбихевиоралистских концепций. Монро считала возможным даже движение перестройки (*Perestroika*) в американской политологии, постулирующее методологический плюрализм, соотносить с первоначальным импульсом Мерриами, призвавшего в 1921 г. к созданию «новой науки о политике».

Впрочем, согласно мнению Майкла Небло из университета Огайо, бихевиоралистская политическая наука отнюдь «не вынырнула в сформировавшемся виде из головы Мерриами»². Исключительно важным в этом плане было влияние pragmatизма Джона Дьюи, а также общих интенций прогрессивизма. Скорее, Мерриам оказал сильное влияние на конкретные формы развертывания бихевиоралистского движения в политологии, но к этому моменту аналогичные движения уже развертывались в психологии, философии и образовании благодаря Уильяму Джеймсу, Джорджу Герберту Миду и Джону Дьюи³.

Наиболее решительную позицию отрицания статуса Чикаго I как «школы» занял Мортон Каплан, пионер системного анализа в исследовании международных отношений, упомянутый Кристен Монро в числе «младотурков» Чикаго II. Каплан, признавая выдающиеся заслуги Мерриами, Лассуэлла и Госнелла, заявлял, что в их интеллектуальной активности не было органической внутренней связи, а успехи Чикаго I в значительной степени определялись общей инновационной культурой университета⁴.

---

¹ Easton D. The new revolution in political science // *Acta Politica*. – 1970. – Vol. 5, N 2. – P. 208–221.

² Neblo M. Giving hands and feet to morality // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 99–100.

³ Ibid.

⁴ Kaplan M.A. A great university makes for a great department // *Perspectives on Politics*. – 2004. – Vol. 2, N 4. – P. 803.

В 2007 г. преподаватель политологии из Университета Флориды Майкл Хини опубликовал в электронном бюллетене Американской ассоциации политической науки статью под названием «Чикагская школа, которой никогда не было»¹. Он обращал внимание на то, что Мерриам вовсе не стремился разработать абстрактную теорию или создать «невидимый колледж» единомышленников. Мерриам стремился к такому обновлению политического знания, которое бы максимально сократило расстояние между этим знанием и практической политикой. Неудача Мерриамиа в реализации этой задачи на базе Чикагского университета привела, по мнению Хини, к тому, что и сама установка на создание «новой науки о политике» для ее практического использования не смогла продержаться длительное время. Впрочем, не сумев создать Школу политики как образовательный институт, Мерриам, его близайшие сотрудники и ученики преуспели в том, что можно назвать экспертной вовлеченностью в большую политику и государственное управление, а также в военно-политическое планирование в годы Второй мировой войны.

На склоне лет Гарольд Лассуэлл также высказался на тему научного характера вклада Мерриамиа в знание о политике. По его словам, вклад Мерриамиа «может быть классифицирован как научный только в самом эластичном смысле этого слова. Мерриам не питал на этот счет никаких иллюзий. Он также не верил, что методы поиска или решения проблем, доступные профессиональному исследователю того, что обычно именуют “правительством”, “правом” и “политикой”, являются научными»². Проблема, впрочем, значительно шире и не сводится к оценке научной релевантности вклада Мерриамиа. Он и вслед за ним другие ведущие деятели Чикагской школы предлагали вполне pragматическое решение, позволяющее обосновать политическую науку в качестве автономной сферы знания, «поскольку и политика представляет собой нечто особое – автономную область совместной жизни людей, которая, с одной стороны, обладает собственной природой, а с другой – испытывает влияния психологических, социальных, эконо-

---

¹ Heaney M.T. The Chicago school that never was // Political Science and Politics. – 2007. – Vol. 40, N 4. – P. 753–758.

² Lasswell H.D. Charles E. Merriam and the study of politics by Barry D. Karl. Book Review // Political Science Quarterly. – 1975. – Vol. 90, N 2. – P. 333.

мических и прочих факторов»¹. За скобками в данном случае остается вопрос об изменяющейся природе политической жизни. Как представляется, заново оценить аналитический потенциал и объяснительные возможности наследия классиков Чикагской политологической школы сможет современный читатель, исходя из актуальных представлений о политике и политическом.

Но что же в конце концов получилось у Мерриама и его коллег? На наш взгляд, есть все основания одновременно говорить о новом движении в развитии политического знания, импульс которому дал Чарльз Мерриам, и о Чикагской школе политологии как о сложившейся на институциональной базе соответствующего факультета влиятельной группе исследователей, имевших общие представления о предпочтительном направлении развития их научной дисциплины, а также о ее теоретико-методологических основаниях. Усилия политологов Чикагской школы внесли исключительно важный вклад в превращение США из периферийной зоны политического знания в его несомненного лидера.

Помимо новаторских работ Мерриама, Госнелла, Лассуэлла, Уайта и более широкого круга исследователей, воспитанных в традициях Чикагской школы и начавших свою карьеру в 1930-е годы, большую роль играла пространственная диссеминация идей, методов и принципов чикагцев. Этому способствовали каналы научной коммуникации, в частности, в рамках Американской ассоциации политической науки, где программа Чикагской школы имела как сторонников, так и решительных противников. Не менее значимым был и фактор грантовой поддержки исследований, поскольку Мерриам обладал серьезным влиянием в разнообразных благотворительных фондах, прежде всего в структурах клана Рокфеллеров. Согласно язвительному замечанию Джаспер Шэннон, профессора политологии из Университета Небраски, успешная попытка Мерриами «поженить Маммону и науку трансформировалась в научный Таммани-Холл². Щедрость корпоративного мира распределялась среди нуждающихся помощников профессоров, которые поднимались по академической лестнице в погоне за успехом по принципу “публикуйся или умри”. Учеников Мерриами часто

---

¹ Филиппов А.Ф. О политической науке и политической философии // Полития. – 2021. – Т. 100, № 1. – С. 205.

² Таммани-Холл – штаб-квартира Демократической партии в г. Нью-Йорк – в середине XIX в. стала настоящим символом политической коррупции.

вознаграждали в манере, вполне понятной мэру Дейли¹². Не стоит также забывать и об устойчивых связях ключевых фигур Чикагской школы с официальным Вашингтоном, причем как с республиканцами, так и с демократами. Но действительно устойчивый эффект диссеминации был достигнут за счет возврата к правилу недопущения «академического инбридинга». В «эпоху Мерриама» в департаменте политической науки было проведено 80 защит докторских диссертаций (в предшествующие 30 лет – только 13)³, после которых молодые ученые разъезжались по всей стране в качестве преподавателей и исследователей. Стандартное начало карьеры многих выдающихся американских политологов было таким: подготовка диссертации под руководством одного из мэтров Чикагской школы, непродолжительный период работы на факультете (обычно в качестве ассистента), публикация в издательстве Чикагского университета первой монографии (чаще всего – доработанного текста докторской диссертации) и переезд в один из других престижных университетов с занятием должности, обещающей успешный карьерный рост. На новом месте начинающий ученый реализовывал те подходы и установки, которые были нормой в Чикаго. И даже когда этот исследователь далеко уходил от тематики, с которой он работал в «городе ветров», он все равно вольно или невольно вносил вклад в «узнаваемость» Чикагской школы. Достаточно отметить, что в период с 1954 по 1974 г. 6 из 20 ежегодно избираемых президентов Американской ассоциации политической науки были выпускниками Чикагской школы⁴. В результате в момент упадка Чикаго I ключевые идеи, исследовательские темы и методология adeptov школы были подхвачены и получили дальнейшее развитие в других университетах и исследовательских центрах.

---

¹ Ричард Дж. Дейли (1902–1978) – мэр Чикаго с 1955 г. до момента смерти, один из самых влиятельных и противоречивых американских политиков 1950–1970-х годов. Его называли «последним из боссов большого города».

² Shannon J. ‘Charles E. Merriam and the study of politics’. By Barry D. Karl. Book review // The Journal of Politics. – 1976. – Vol. 38, N 1. – P. 189.

³ Almond G.A. Who lost the Chicago school of political science? // Perspectives on Politics. – 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 91.

⁴ Ibid.

О чикагской социологии как отдельной научной школе начали говорить в тот момент, когда она уже сходила со сцены в качестве функционирующего и целостного научного сообщества. По крайней мере так было в Америке¹. Но весьма примечательно, что в Старом Свете это произошло раньше, и первая характеристика такого рода была дана учеником и близким сотрудником Эмиля Дюркгейма по «Социологическому ежегоднику» Морисом Хальбваксом, который в 1930 г. на протяжении трех месяцев читал лекции на факультете социологии Чикагского университета, а также проводил исследование, в фокусе которого находились семейные бюджеты американских рабочих. Правда, характеристика была не совсем увереной. В статье, опубликованной в 1932 г. в «Анналах», издаваемых М. Блоком и Л. Февром, Хальбвакс дает формулировку, которая далека от окончательного утверждения: «Если в Чикагском университете существует оригинальная школа социологии, то это связано не с тем, что ее наблюдателям не приходится далеко ходить за своим предметом исследования»². Далее в статье он пишет о вкладе Р. Парка, Э. Бёрджесса и некоторых других сотрудников факультета в развитие социологии города, при этом подчеркивая, что их работы, скорее, являются дескриптивными, чем в полном смысле научными³. Создается впечатление, что, отдавая должное эмпирическим исследованиям чикагцев, Хальбвакс явно психологически не готов поставить их вровень со школой Дюркгейма.

Одним из тех, с кем Хальбвакс контактировал в Чикаго наиболее плотно, был У. Огборн. В письме к своей жене Ивонн в Страсбург Хальбвакс иронично передает описание Огборном различных направлений в американской социологии: «Он сознательно похоронил предшествующее ему поколение: Гиддингса, Смолла и т.д. МакДугалл, знаменитый десять лет назад, определенно оказался на помойке. Сейчас существуют четыре направления: социология культуры [sic] (примитивная культура, дикии и т.д.). “Г-н Мосс не мог понять, что это такое. Однако он хорошо знает английский”. Количество социология (это Огборн). Психологическая социо-

¹ Zorbaugh H. Sociology in the clinic // Journal of educational sociology. – 1939. – Vol. 12, N 6. – P. 344–351.

² Halbwachs M. Chicago, experience ethnique // Annales d'histoire économique et sociale. – 1932. – Vol. 13, N 4. – P. 17.

³ Ibid. – P. 18.

логия (моя книга о памяти, кажется, очень популярна в этой группе). Наконец, “практическая” социология. Это – Парк и Бёрджесс, подростки-делинквенты, дезорганизованная среда больших городов, хобо (никогда не мог понять, что это такое: я думаю, имя дикаря. Но они часто добавляют: *-hémia*. Это игра слов: *hobohémia*, богема, деклассированные). Ты видишь, как это забавно»¹.

Можно сказать, что в этом описании слились воедино синхордительная тональность Хальбвакса и не совсем «чикагский» взгляд Огборна, стремящегося направить социологические исследования в русло использования количественных методов. Однако вполне объективной в нем является констатация гетерогенности проблемного поля и подходов, применяемых чикагскими социологами. В таких условиях дальнейшее усиление субдисциплинарной специализации должно было привести к ощущению утраты единства целого, к тому, что от образа новаторской чикагской социологии остается нечто вроде улыбки чеширского кота. Например, в 1945 г. Роберт Ли Фэррис (сын Элсуорта Фэрриса, ранее возглавлявшего социологический факультет Чикагского университета), заявлял, что социология города «не есть школа мысли [...], но скорее специализированная отрасль, связанная разнообразными узами с другими социологическими отраслями»².

Свою роль играла методологическая дифференциация и дальнейшая содержательная эволюция основных подходов чикагских социологов. Необходимо принять во внимание также еще один фактор – реакцию американских социальных исследователей и университетов, где они преподавали, на интеллектуальный и организационно-ресурсный вызов, исходивший от Чикагского университета. Первоначально этот фактор в большей мере проявил себя в социологическом домене, но после развертывания Мерриамом программы «новой науки о политике» и обсуждения мегапроекта «школы политики» исходящий из Чикаго вызов был осознан и политологическим сообществом.

Еще в 1916 г. Альбион Смолл так описывал ситуацию: «Одним словом, все другие университеты на первых порах кинулись в оборону. <...> Сразу же распространилась мифическая вера в то, что этот университет-выскочка имеет намерение и достаточные

¹ Цит. по: Topalov Ch. Maurice Halbwachs et les sociologues de Chicago // Revue française de sociologie. – 2006. – Vol. 47, N 3. – P. 575.

² Faris R.E.L. American sociology // Gurvitch G., Moore W.E. (eds.). Twentieth century sociology. – New York : The Philosophical Library, 1945. – P. 548.

для его исполнения ресурсы, чтобы сделать со старыми институциями то же самое, что система “Стандарт ойл” сделала со многими из своих соперников. Едва ли когда-либо еще высшее образование в Соединенных Штатах получало столько стимулов от единичного события, каким было основание Чикагского университета»¹.

В результате в достаточно короткие сроки несколько десятков университетов и колледжей США акцептировали модель исследовательского университета. Постепенно нивелировались и ресурсные преимущества первого в истории социологического факультета. Количество специализированных факультетов и – в особенности – социологических учебных курсов в других университетах росло экспоненциально². Вместе с тем в момент своего расцвета в середине 1920-х годов социологический факультет Чикагского университета обеспечивал выпуск примерно 1/3 всех студентов-социологов США, многие из которых, продолжая научную и преподавательскую карьеру в других университетах, выступали носителями новаторского духа, идей и методологических подходов Чикагской школы. Это влияние было долгосрочным. Достаточно сказать, что до начала 1970-х годов почти половина президентов Американского социологического общества (позднее – Американской социологической ассоциации) были сотрудниками либо выпускниками Чикагского университета³. Не следует также забывать о длительном лидерстве среди американских социологических журналов издаваемого в Чикаго *American journal of sociology*⁴. В сущности, именно чикагцы положили конец доминированию в ранней американской социологии спенсерианского эволюционизма. И когда в 1937 г. Т. Парсонс задавал свой знаменитый вопрос «Кто сейчас читает Спенсера?», он, очевидно, констатировал значимый эффект усилий Чикагской школы – переключение внимания от макро- к микроуровню социальной организации, к социальному действию

---

¹ Small A.W. Fifty years of sociology in the United States // *American journal of sociology*. – 1916. – Vol. 21, N 6. – P. 764.

² Bernard L.L. The teaching of sociology in the United States in the last 50 years // *American journal of sociology*. – 1945. – Vol. 50, N 6. – P. 538.

³ Turner J.H. Mixed legacy of the Chicago school of sociology // *Sociological perspectives*. – 1988. – Vol. 31, N 3. – P. 330.

⁴ Явный вызов этому лидерству был брошен в 1935 г., когда в качестве официального издания Американского социологического общества был создан журнал “*American sociological review*” (см.: Coser L.A. *Sociological theory from the Chicago dominance to 1965 // Annual review of sociology*. – 1976. – Vol. 2, N 1. – P. 145–160).

и его психологическим основаниям, к первичным эмпирическим исследованиям и широкому использованию количественных методов.

Но внеся важнейший вклад в рост разнообразия внутри социологической науки, чикагцы не ставили перед собой задачу новой интеграции социологического знания на основе «большой теории». Рамочный характер дьювианского pragmatизма был достаточным для успешной реализации установок Чикагской школы и плодотворного развития субдисциплинарных направлений, для которых создавались, если использовать определение Р. Мертона, теории среднего уровня¹. Однако сохранять на такой основе лидерство на длительной временной дистанции было чрезвычайно трудной задачей. К тому же в период Великой депрессии начали меняться приоритеты: интерес к городским субкультурам стал спадать, уступив эстафету институциональным исследованиям, где сильными конкурентами Чикаго были Колумбийский университет и Гарвард. После Второй мировой войны они уже вырвались вперед и по количеству преподавателей и студентов, и по инфраструктурной обеспеченности эмпирических исследований. Усвоив достижения чикагцев, конкуренты дальше двигались по вполне самостоятельным траекториям, тем самым усиливая фрагментацию поля социологических исследований.

Отдельной темой является развитие символического интеракционизма. Относить символический интеракционизм к стандартным теориям среднего уровня, как это делает Д. Тернер², можно лишь в случае игнорирования его органической связи с pragmatistской философией и социальной теорией (подробнее см. гл. 6). Разумеется, здесь возникает вопрос, о каком символическом интеракционизме идет речь – об оригинальных идеях Дж.Г. Мида, об идеях Мида в изложении Г. Блумера, о комбинированной теоретической конструкции Мида и Блумера или о разнообразных постблумеровских интерпретациях... По оценке А. Гиллеспи, идеи Мида разными исследователями отождествлялись с социальным бихевиоризмом (Ч. Моррис, К. Макфейл и С. Рексроут), феноменологией (М. Натансон), диалектическим эмпиризмом (Р. Берк), социальным pragmatismом (Дж. Кука) и символически опосредованным интеракционизмом (Х. Йоас)³. Сам Гиллеспи видел в Миде прежде всего теоретика социального акта.

---

¹ Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. – Москва : Хранитель, 2006. – С. 64–104.

² Turner J.H. Op. cit. – P. 332.

³ Gillespie A. G.H. Mead: theorist of the social act // Journal for the theory of social behaviour. – 2005. – Vol. 35, N 1. – P. 19.

В этом многообразии интерпретаций предпочтительные позиции сохраняет подход Г. Блумера, благодаря популяризаторским усилиям которого Мид повсеместно признается основателем традиции символического интеракционизма в социологических исследованиях. Впрочем, как отмечает Х. Йоас, тот факт, что сторонники разных со-перничающих социологических подходов – от социологии конфликта Р. Коллинза до неофункционализма Дж. Александера – придают фундаментальное значение трудам Мида, служит свидетельством общедисциплинарного значения его идей¹. Среди выдающихся философов, психологов, теоретиков культуры, чьи идеи перекликались с теоретическим наследием Мида или испытали его прямое влияние, можно назвать имена М. Мерло-Понти, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, А. Гелена, Ю. Хабермаса. Тем не менее ни в 1930-е, ни в последующие годы символический интеракционизм не стал теорией, способной обеспечить реинтеграцию Чикагской социологической школы и – тем более – выступить конкурентом быстро набиравшего влияние структурного функционализма Т. Парсонса.

Не смогла дать такую реинтеграцию и выделившаяся из чикагской социологии и пошедшая своим путем человеческая экология², нашедшая себе пристанище главным образом в такой специализированной области, как социология организаций.

Нельзя сказать, что социология, начало которой положила Чикагская школа, совершенно исчезла. В каждом последующем поколении после Парка, начиная с его учеников (Л. Вирта, Э.Ч. Хьюза, Г. Блумера и др.) и продолжая учениками учеников, учениками учеников учеников и т.д., она в том или ином виде воспроизводилась, постоянно модифицируясь и обретая все новые и новые формы. В этом виде она в некотором смысле сохраняется до сих пор. Но все позднейшие ее формы уже никогда не претендовали на статус всеобъемлющих (если только не брать Блумера с его символическим интеракционизмом), а если даже и претендовали, то им в этом статусе по факту было отказано. Показательна одна из позднейших попыток реинтеграции социологического знания, предпринятая Р. Мюнхом на основе переосмыслиния парсонсов-

¹ Joas H. The emergence of the new: Mead's theory and its contemporary potential // Ritzer G., Smart B. (eds.) Handbook of social theory. – London : Thousand Oaks ; New Delhi : SAGE Publications, 2001. – P. 96.

² Линия развития человеческой экологии после Парка – от Р.Д. Маккензи до Э. Хоули – схематично прослеживается в статье: Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии // Социологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 18–55.

ской большой теории: в этом проекте всем теоретическим достижениям, имеющим чикагское происхождение, – а их очень немного (Г. Блумер, А. Стросс с теорией переговорного порядка, Г.С. Беккер и Э. Лемерт с их теорией девиации, а также Э. Гоффман, но, впрочем, также и Дж.Г. Мид) – отводятся в предлагаемом широком синтезе всего лишь частные и очень ограниченные ниши¹.

В ходе диссеминации в пространстве и в потоке времени достижения и начинания Чикагской школы вошли в плоть и кровь американской (и не только) социологии, но вошли, так сказать, в виде обломков, обособившихся, иногда до неузнаваемости изменившихся и лишенных той связности, пусть и неплотной, которой они первоначально обладали.

* * *

Завершая эту книгу и подводя итог, мы можем сказать, что опыт двух рассмотренных нами школ уникален и невоспроизводим. Они возникли, расцвели и принесли плоды в определенных исторических обстоятельствах, когда обе науки – и социология, и политология – находились в состоянии становления, утверждения и сравнительно свободного экспериментирования. Они еще не были отягощены теми ограничениями, которые наука сама для себя вырабатывает самим увеличением своей массивности. Не было еще и того скептизма, который позже вырос в отношении этих наук в обществе как неизбежное следствие не оправдавших себя ожиданий. Горизонты еще были почти бесконечно открытыми. Обе школы внесли колоссальный вклад в формирование и рост соответствующих дисциплин – вклад содержательный, теоретический и методологический. Но: «мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Мавр ушел. Любые попытки вызвать его назад равнозначны своего рода картезианскому обнулению всего, что было до сих пор сделано, с интенцией начать все с самого начала. Такое, похоже, невозможно теперь даже в философии.

Невоспроизводимость этого опыта не означает его бесполезности. Он и сегодня все еще восхищает, будоражит воображение, вдохновляет, заставляет задуматься – не только о прошлом, но даже еще больше о настоящем и о будущем.

---

¹ См.: Munch R. Sociological theory. Vol. 3. Development since the 1960s. – Chicago : Nelson-Hall Publishers, 1994.

Н.Е. Покровский
ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Самое трудное – сформулировать тот литературный жанр, к которому принадлежит эта замечательная книга. По мере чтения книги задаешь сам себе вопросы: что это? Научный трактат по истории американской социологии и политической науки? Несомненно, но не только. Книга по своему содержанию гораздо шире. Исследование истории американского философского прагматизма в его классическом варианте? Вне всяких сомнений. Но авторский замысел несравненно шире. Эти вопросы без конкретного ответа постоянно множатся по мере чтения книги Д.В. Ефременко и В.Г. Николаева. Наконец приходит, как представляется, взвешенное решение. Перед нами по-своему новаторский и уникальный исследовательский том, посвященный формированию американского национального сознания в его социологической, философской и политологической кристаллизации. Именно в этом видится секрет и тайна этой книги.

По истории американской общественной мысли написаны многочисленные исследования в США, в других странах, но и в России (а прежде – и в СССР) тоже. Американистика – American Studies – изрядно перепаханное поле, давно институализированное себя в ведущих университетах мира. В этом смысле сказать нечто новое в этой области знания достаточно трудно. Однако (удивительное дело!) авторы реально заявили свою оригинальную программу восприятия и анализа американского сознания сквозь увеличительное стекло социологии, философии и политологии. Прежде всего обращает на себя внимание историзм книги. Читатель погружается в растянувшееся почти на целый век предисловие к возникновению и расцвету философии прагматизма,

блеставшего именами Ч.С. Пирса, У. Джеймса и Дж. Дьюи. Но это еще, что называется, полдела. Формирование философского прагматизма, теснейшим образом связанного с восприятием американцами общества и мира в целом, погружено в книге в контекст культуры молодой нации. Тут уже все оказывается переплетенным и перемешанным в одном плавильном котле. И замес оказывается весьма высокой пробы. Ибо воочию убеждаешься в том, насколько в исторически сформировавшемся американском сознании его отдельные фрагменты, части и компоненты оказываются органично пригнанными друг к другу.

...И сразу же, в духе прагматизма, напрашивается практический вывод. Это книга станет неоценимым руководством для всех тех, кто всерьез вознамерится понять и проинтерпретировать процессы, происходящие в американском обществе. Это не только социологи и политологи, но и культурологи, историки, литературоведы и представители других дисциплин. Создается впечатление, что перед нами новое и, по сути, уникальное введение в «доказательную» американистику с твердой опорой на факты, тексты и биографические материалы. Это введение, по моему мнению, должно стать настольной книгой для многих, если не большинства обществоведов.

Сказав это, невольно хочется сделать акцент на центральной части книги, посвященной Чикагской школе в социологии и урбанистике. Да, своего максимального расцвета молодая социология США достигла в 20-е годы прошлого века. По счастливой случайности или, наоборот, в силу логики развития американских городов, осознавших в лице своих лидеров необходимость научного подхода к управлению растущими урбанистическими пространствами, в Чикаго возникает оплот ведущих социологов, социальных психологов, социальных географов, экономистов, полностью погруженных в исследования городских сообществ, зонирования, внутригородских границ и иммигрантских анклавов. Фактически именно из этого оплата социологии города и возникла вся современная урбанистика как таковая. Разумеется, с тех достаточно далеких времен теория города шагнула далеко вперед. Но, позволю себе предположить, без знания основ и достижения принципов социологического урбанистического мышления Чикагской школы любые современные теории города просто теряют смысл и выглядят легковесными. Это в свою очередь подчеркивает смысл и значение обсуждаемой книги, которая предстает своего рода компен-

диумом, обязательным для освоения каждым уважающим себя урбанистом.

В силу той же иронии истории в Чикаго, а именно в Чикагском университете, и практически в то же время сформировалась и классическая школа политической науки во главе с Гарольдом Лассуэллом. Почти о каждом из ее представителей можно говорить «политолог и социолог», ибо обе эти социальные науки, во многом вышедшие из одного протоядра американского pragmatизма, методологически взаимодействовали друг с другом, обменявшись своими значимыми фигурами, переходившими из одного лагеря в другой и просто близко общавшимися в стенах Чикагского университета и за его пределами. Работа позволяет зрито и ментально воссоздать этот мощный очаг социологического симбиоза и оставляет читателя с еще одним вопросом: «Как и почему оказался возможен этот беспрецедентный взлет социологической, философской и политологической мысли в одном месте и в одно время?» Ответ на этот вопрос, видимо, будет дан в последующих публикациях авторов книги.

Д.В. Ефременко, В.Г. Николаев

**МЫСЛИТЕЛИ ГОРОДА ВЕТРОВ.
ПРАГМАТИСТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА
В ЧИКАГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Монография

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор В.И. Чеботарева

Подписано к печати 26 / II – 2024 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,3 Уч.-изд. л. 16,7
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 226

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литеру У